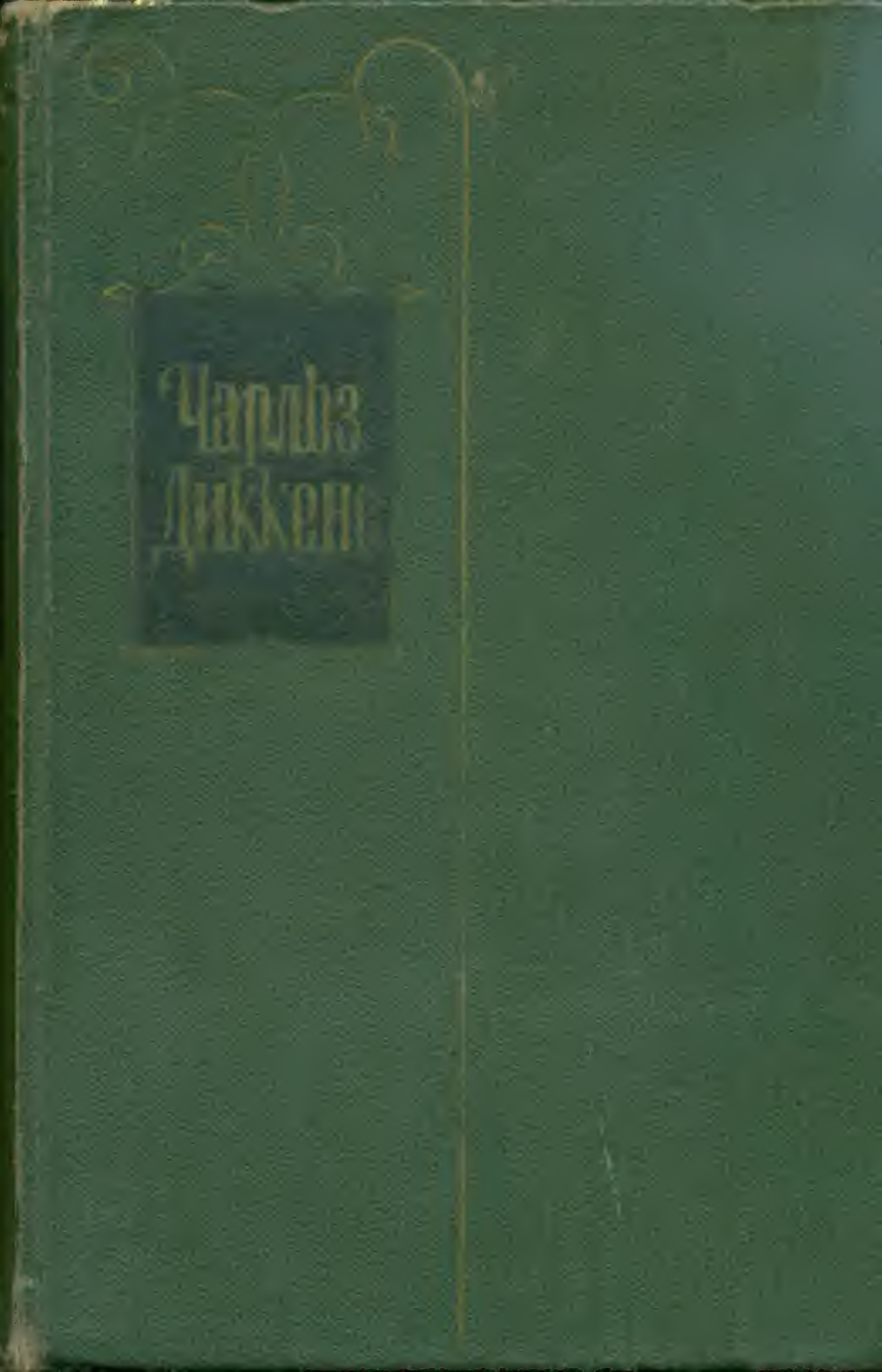
Чарльз
Диккенс

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

А. А. АНИКСТА и В. В. ИВАШЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРИДЦАТЫЙ

ПИСЬМА

1855—1870

Переводы с английского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

CHARLES DICKENS

LETTERS

1855—1870

Редактор переводов
Я РЕЦКЕР

ПИСЬМА

1

У. Ф. де СЭРЖА*

Тэвисток-хаус,
3 января 1855 г.

Дорогой Сэржа,

Когда мы не получили, как обычно, на рождество Вашего письма, у меня было такое чувство, словно из рождественских праздников выпал какой-то кусочек и на месте его образовалась зияющая пустота. Вскоре, однако, Вы заполнили ее, и праздничная чаша вновь стала полновесной и звонкой.

Рождественский номер «Домашнего чтения», очевидно, дойдет до Лозанны примерно к середине лета. Около десяти начальных страниц — рассказ «Первого бедного путешественника» — написаны мною, и я надеюсь, что история солдата, рассказанная там, хотя бы немного взволнует Вас. Меня, в то время когда я писал ее, она волновала не на шутку и, мне кажется, тронула многих. Мы продали восемьдесят тысяч экземпляров.

Я только что вернулся домой после чтений в Рединге, Шерборне, Дорсетшире и Брэдфорде в Йоркшире. Что за аудитория! А ведь на последнем чтении сидело три тысячи семьсот слушателей, и, если бы не смех и аплодисменты, все они сошли бы за одного.

Меня огорчает то, что война так завладела мыслями англичан. Все прочие заботы и интересы померкли перед

ней. Боюсь, нет никаких сомнений в том, что пройдут годы, прежде чем можно будет заикнуться о каких-нибудь внутренних реформах; каждый ничтожный рутинер грозно замахивается войной на всякого, кто пытается противиться его махинациям, и любой вопрос, связанный с ней, раздувается до таких несусветных размеров, что каким бы необходимым и полезным дело ни было само по себе, оно становится смешным.

При всем этом, на мой взгляд, нет ни малейшего сомнения в том, что Россию нужно остановить и что война была неизбежна ради будущего спокойствия мира *. Недавно герцог Ньюкаслский обратился с частным письмом к газетам, заклиная их соблюдать большую осторожность в сообщениях «наших собственных корреспондентов», по словам лорда Раглана *, безвозмездно дающих русскому императору информацию, которая иначе обходилась бы ему (если бы ему вообще удалось получить ее) примерно в пятьдесят — сто тысяч фунтов в год.

Заявление это, как мне кажется, не возымело особого действия. Что до меня, то я нисколько не сомневаюсь в том, что наше правительство — это самое злополучное правительство, какое только можно себе вообразить, что от него никто (кроме некоторых чиновников) не ждет ни малейшего толку и что тем не менее заменить его абсолютно некем. Пожалуй, это самое поразительное последствие избирательных реформ, укоренившееся у нас, несмотря на возросшее общественное сознание.

Позвольте рекомендовать Вам, как собрату-читателю высокой требовательности, две комедии, обе они написаны Гольдсмитом: «Унижение паче гордости» * и «Добродушный человек». И та и другая восхитительны и так прелестно написаны, что их читаешь с наслаждением. Мой друг Форстер, написавший «Жизнь Гольдсмита», около года назад серьезно занемог и как-то вечером, когда я сидел у его постели, попросил меня почитать ему «что-нибудь гольдсмитовское». Мне попалось «Унижение паче гордости», и пьеса доставила нам такое огромное удовольствие, что, мне кажется, уже на первой странице он почувствовал себя лучше, а к пятому акту был совершенно здоров.

Я в восторге от Вашего рассказа о Холдимэнде *, кланяйтесь ему от меня. Скажите ему, что дочь Сиднея

Смита * на свои средства напечатала биографию отца, его избранные письма. Книга получилась очень удачная и во многом представляет его точно таким, каков он был в жизни. Я настойчиво убеждал леди Холланд * опубликовать ее, и, кажется, она выйдет примерно в марте.

Мой старший сын вернулся из Германии, главным образом (как мне кажется) для того, чтобы изучить деловую жизнь Бирмингема. Вся девятка здорова и счастлива, так же как миссис Диккенс и Джорджина. Обе мои дочери полны интереса к Вашим, а одна из них (кажется, я говорил Вам об этом, когда был на Елисейских полях) удивительно похожа лицом на одну из Ваших. Сейчас все они в страшном волнении из-за большой пьесы-сказки, которая будет идти у нас в ближайший понедельник. В доме негде повернуться от блесток, газа, евреев-костюмеров и театральных плотников. Передайте наш общий нежный и сердечный привет дорогой миссис Сэржа и Вашим прелестным дочерям.

Всегда думающий о Вас, мой дорогой Сэржа, и сердечно любящий Вас

Ваш преданный друг.

2

АРТУРУ РИЛАНДУ

Тэвисток-хаус,
понедельник, 29 января 1855 г.

Мой дорогой мистер Риланд,

Я все еще пребываю в величайшем недоумении и никак не могу решить, что читать в Бирмингеме. Боюсь, что в будущем месяце осуществить нашу идею не удастся; какой же из двух приемлемых для меня месяцев предпочтительнее для Ваших бирмингемских намерений — май или декабрь?

Коль скоро я уже прочел в Бирмингеме две свои рождественские повести, я предпочел бы выбраться из этих теснин и выйти в открытое море какой-нибудь из моих

больших книг. Я внимательно просмотрел «Копперфилда» (которого люблю больше всех своих книг), имея в виду подготовить для чтения рассказ, который назывался бы, скажем, «Хозяйство молодоженов и крошка Эмили». Но здесь остается еще одна огромная трудность. Дело в том, что в самой книге, стоившей мне неимоверных трудов, все события так переплелись между собой и так тесно слиты воедино, что я никак не могу выделить какие-нибудь из них из общего повествования и рассказать в течение положенного времени о том, как Пеготти искал свою племянницу, или же историю жизни Дэвида с Дорой. Если бы мне удалось этого добиться, получился бы чудесный рассказ, весьма увлекательный и вполне законченный.

Вот как обстоят дела. Не стыжусь признаться, что я и сейчас не могу без волнения взять в руки эту книгу (так велика была ее власть надо мной в ту пору, когда я писал ее) и что стоит мне только подступиться к ней, как я начинаю читать все подряд и при этом чувствую, что не смогу изменить в ней ни слова. Я не забыл о соглашении, которое мы заключили, прощаясь, и искал вдохновения, уставившись на корешки моих книг. Этот проект — единственный, к которому я постоянно возвращаюсь, и все же — ни малейшего успеха!

Преданный Вам.

3

ЧАРЛЬЗУ НАЙТУ*

Тэвисток-хаус,
30 января 1855 г.

Мой дорогой Найт,

Вы, разумеется, можете не опасаться того, что я сочту Вас бессердечным. Однако то, что Вы написали, настолько нелепо, что я чувствую, как возмущение Вами заполнило меня уже более чем на три четверти.

Моя сатира направлена против тех, кто не видит ничего, кроме цифр и средних чисел, против тех, кто олицетворяет собой величайший и злейший порок наших дней,

против людей, чья деятельность еще долгие годы будет наносить гораздо больший ущерб тому полезному и бесспорному, что есть в политической экономии, чем мог бы нанести я (если бы у меня было такое намерение) в течение всей своей жизни; против тех безмозглых идиотов, которые, ухватившись за среднюю температуру Крыма в течение двенадцати месяцев, готовы считать ее основанием для того, чтобы одевать солдат в одни нанковые мундиры в такую морозную ночь, когда и в меховой одежде недолго замерзнуть до смерти; против тех, кто берется утешать рабочего, вынужденного ежедневно вышагивать по двенадцати миль с работы и на работу, сообщая ему, что среднее расстояние между двумя населенными пунктами по всей Англии не превышает четырех миль. Ба! Да какое же отношение имеете Вы ко всей этой чепухе?

Когда я прочту эту книгу, я поставлю ее на отдельную полку, рядом с «Однажды». Я зарыл бы свою трубку мира и послал Вам этот воинственный клич тремя-четырьмя днями раньше, если бы не читал в это время в Брэдфорде для небольшой аудитории в три с половиной тысячи слушателей.

Искренне Ваш.

4

ЛИ ХАНТУ*

Тэвисток-хаус,
среда вечером, 31 января 1855 г.

Мой дорогой Хант,

Не могу допустить, чтобы прошел еще один месяц, а я по-прежнему так и не написал Вам хоть несколько строк. Я давно уже собирался заглянуть к вам на чашку чая, так как считал, что это было бы единственным достойным ответом на ваше письмецо. Но все это время меня так бросало из стороны в сторону, я был так измучен всеми этими разъездами, вечной спешкой и неотложными делами, что вся моя жизнь превратилась в сущий водоворот.

На рождество я всегда стремлюсь сделать то немногое,

что в моих силах, чтобы поддержать некоторые полезные воспитательные начинания, устраиваемые для жителей больших городов. Выполняя обещания, данные еще осенью, я побывал за то время, что мы с Вами не виделись, в Беркшире, Дорсетшире и Йоркшире. В промежутках между этими поездками я урывками виделся с детьми, которые все до одного съехались домой на праздники, водил их в «пантомиму» и ставил нашу традиционную новогоднюю пьесу-сказку, в которой «были заняты» мы все, включая малютку. Немало времени потребовал от меня мой старший сын, он только что вернулся из Германии, и мне надлежит ограждать его от демона праздности и следить за его первыми шагами на деловом поприще. Для моего второго сына (мы прочим ему карьеру в Индии) мне пришлось искать нового наставника. Он покинул отчий дом лишь сегодня и увез с собой сливовый пирог, коробку мармелада, такое же количество джема, двенадцать апельсинов, пять шиллингов и целый бочонок слез. Из-за инфлюэнцы я никуда не выхожу из дому, а на той неделе собираюсь в Париж. Я уже не говорю о таких пустяках, как этот гигантский волчок, именуемый «Домашнее чтение», который неустанно совершает свой еженедельный оборот и при этом жужжит: «Не забудь обо мне»; или о комитете, где мы с Форстером * занимаемся довольно важными для литераторов делами *, и ограничусь заверением, что все это время я был очень занят.

В Париже я думаю пробыть не более полутора-двух недель, а по возвращении домой надеюсь очень скоро повидаться с Вами.

Прочли ли Вы Брустера и Уивэлла? Не отсылайте их, я за ними зайду. Не правда ли, любопытно, что, невзирая на остроумие и ученость обоих авторов, заканчивая чтение, чувствуешь себя ничуть не более умудренным, чем в его начале.

Один из моих генуэзских друзей недавно прислал мне большую жестяную трубку со множеством снимков, где запечатлены героические эпизоды войны пьемонтцев против австрийцев. Эти приметы свободолюбия и отваги на сонных улочках старинных городков вызвали у меня то же странное чувство, которое я испытал, когда пятнадцать месяцев тому назад вновь посетил Геную и неожиданно уви-

дел оживленный город, где целые мили новых, напоминающих Париж улиц дерзко взирали на Страда Нуова и Страда Бальби, увидел воинственного часового, несущего караул у здания муниципалитета, оркестр, исполняющий национальные мелодии на открытой террасе одного из кафе, где во время моего последнего визита в Геную помещалась большая семинария иезуитов. В Альбаро дом, в котором прежде жил губернатор (в мое время — русский), пуст, по двору проходит колея; на улицах продаются дешевые газеты, и люди говорят о *политике!*

Преданный Вам.

5

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

3 февраля 1855 г.

...С каждым часом я все больше укрепляюсь в моем давнишнем убеждении, что наша правящая аристократия и ее прихвостни ведут Англию к гибели. Я не вижу тут ни проблеска надежды. Что касается общественного мнения, то оно так безразлично ко всему, связанному с парламентом и правительством, и так индиферентно, что я не на шутку обеспокоен этим положением и вижу в нем весьма зловещее знамение... Сегодня утром я придумал одну штуку для «Домашнего чтения», на мой взгляд, довольно удачную. Тонкая сатирическая миниатюра — пересказ недавно найденной арабской рукописи в духе арабских сказок, под названием «Тысяча и одно жульничество» *. Популярные сказки в новом варианте...

6

МИСС КИНГ

Тэвисток-хаус,
пятница вечером, 9 февраля 1855 г.

Моя дорогая мисс Кинг,

Хочу прежде всего покончить с самой неприятной частью своего письма. Я очень сомневаюсь в возможности опубликовать Вашу повесть частями.

Однако, на мой взгляд, она обладает весьма значительными достоинствами. Меня смущает, во-первых, опасение, что занимательность книг, подобных Вашей, пострадает от опубликования частями, во-вторых — Ваша манера изложения. Ваши герои недостаточно обнаруживают свои намерения в диалоге и в действии. Вы слишком часто выступаете в роли истолкователя и делаете за них то, что они должны делать сами. Для впечатления, производимого любой книгой (а особенно книгой, печатаемой отдельными выпусками), весьма пагубной является длительная задержка в развитии действия, подобная той, которую Вы делаете, чтобы познакомить читателя с прошлой жизнью священника. Могу еще упомянуть, что, на мой взгляд, мальчик (ребенок от второго брака) какой-то слишком «жаргонный». Мне знаком мальчишеский жаргон, присущий мальчуганам такого типа и такого возраста; но если принять во внимание роль этого персонажа во всей истории, то, на мой взгляд, автору следовало возвысить и смягчить этот образ, более ярко выделив в нем пылкость и жизнерадостность юности, романтическую ее сторону. Мне также кажется, что диалоги между госпожой и горничной-итальянкой условны и неестественны. В особенности это относится к горничной и более всего заметно в сцене накануне убийства. Если окажется, что основное препятствие устранимо, я взял бы на себя смелость подсказать Вам способы исправления книги.

В Вашей повести такое множество удачных штришков, придающих ей естественность, страстность, искреннюю взволнованность, что мне бы очень хотелось поразмыслить над ней еще немного и попытаться, сократив ее в нескольких местах, сделать из нее, скажем, четыре части. Я не особенно уверен в успехе, ибо, читая ее позавчера вечером, отметил про себя все связанные с этим трудности, но уверяю Вас, мне очень не хочется отказываться от произведения, обладающего такими достоинствами.

В воскресенье утром я дней на десять уезжаю в Париж. Не позднее чем через две недели я рассчитываю вернуться. Если вы позволите мне подумать на досуге, то за этот срок я, во всяком случае, сделаю все от меня зависящее, чтобы окончательно убедиться в правильности моей оценки. Однако, если во время моего отсутствия у Вас появится

желание забрать рукопись, с тем чтобы опубликовать ее каким-либо иным способом, Вашей записки — всего в несколько слов — к мистеру Уилсу в редакцию «Домашнего чтения» будет достаточно, чтобы тут же получить ее. Еще раз со всей искренностью заверяю Вас, что достоинства Вашей повести произвели на меня очень большое впечатление, которое, я полагаю, было бы не меньшим, даже если бы она принадлежала перу человека, мне совершенно незнакомого.

Искренне Ваш, дорогая мисс Кинг.

7

МАРИИ БИДНЕЛЛ-ВИНТЕР*

Тэвисток-хаус,
суббота, 10 февраля 1855 г.

Каждый день я получаю огромное количество писем, написанных различными, совершенно незнакомыми мне почерками, и потому, как Вы сами понимаете, не могу уделять особого внимания внешнему виду всей этой корреспонденции. Вчера вечером, когда я читал, сидя у камина, мне принесли целую пачку писем и положили передо мной на стол. Я просмотрел ее всю и, не заметив ни одного конверта со знакомым мне почерком, оставил письма на столе нераспечатанными и вернулся к своей книге. Но странное волнение вдруг овладело мной, и мысли мои почему-то унеслись в далекое прошлое, к дням моей юности. В том, что я читал и о чем думал перед тем, не было ничего, чем можно было бы объяснить этот внезапный поворот. Но тут мне пришло на ум, что это могло быть вызвано каким-то неосознанным воспоминанием, пробудившимся при виде одного из полученных писем. Я стал снова перебирать их, и вдруг узнал Ваш почерк, и непостижимая власть прошлого захватила меня. Двадцати трех или двадцати четырех лет как будто и не бывало! Я распечатал Ваше письмо в каком-то трансе, совсем как мой друг Дэвид Копперфилд, когда он был влюблен.

В Вашем письме столько жизни и обаяния, столько непосредственности и простоты, столько искренности и тепла,

что я читал его с упоением, не отрываясь, пока не дошел до того места, где Вы упоминаете о своих девочках. В том состоянии полной отрешенности, в каком я находился, я совсем забыл о существовании этих милых крошек и подумал, не схожу ли я с ума, но тут я вспомнил, что и у меня самого девять детей. И тогда эти двадцать три года начали выстраиваться длинной чередой между мной и прошлым, которое мы не в силах изменить, и я задумался над тем, из каких случайностей сотканы наши жизни.

Едва ли Вы способны с такою нежностью, как я, вспоминать старые времена и старых друзей. Всякий раз, проезжая по пути на континент или обратно через Сити, я неизменно захожу в небольшой дворик позади дворца лорд-мэра и, обогнув угол Ломбард-стрит, прохожу мимо церкви и вспоминаю, что там похоронена бедняжка Энн * (не помню, кто мне говорил об этом). Если Вы пожелаете проверить мою память и спросите, как звали Вашу хорошенькую служанку из Корнуолла (теперь, я думаю, у нее уже около трех десятков внуков и ходит она, опираясь на клюку), то Вы убедитесь в том, что я выдержу испытание, хотя имя у нее было просто невероятное. Время не стерло память о тех днях: они оставили во мне след, четкий, ясный, неизгладимый, как будто меня никогда не окружала многотысячная толпа, как будто мое имя никогда не произносилось вне моего тесного домашнего круга. Чего бы стоил я, чего бы стоили все мои усилия и все то, чего я достиг, если бы это было иначе!

Ваше письмо так взволновало меня еще и потому, что пробудило столько дорогих моему сердцу воспоминаний о той поре, поре моей весны, когда я был или гораздо умнее, чем теперь, или, быть может, гораздо безумней? На этот вопрос я не смог бы ответить, даже если б раздумывал над ним целую неделю. Поэтому лучше не буду и пытаться. Я готов всем сердцем откликнуться на Ваш призыв, мечтаю о долгом, задушевном разговоре и буду счастлив увидеть Вас после стольких лет разлуки.

Завтра утром я уезжаю в Париж, где пробуду около двух недель. Когда я вернусь, миссис Диккенс заедет к Вам, чтобы условиться о дне, когда Вам и господину Винтеру (прошу засвидетельствовать ему мое почтение) будет удобно прийти к нам пообедать запросто. Мы встретимся

в тесном домашнем кругу, без посторонних, чтобы никто не помешал нам наговориться вдосталь обо всем.

Мэри Энн Ли* мы видели сто лет тому назад в Бродстэрсе. Миссис Диккенс и ее сестра, которые не пропускают ни одного объявления о браке, буквально вскрикнули, увидев ее имя в газете, я же на их вопрос, как я отношусь к этому известию, ответил, что, по-моему, давно пора. Признаюсь, впечатление было бы гораздо сильнее, если бы я не знал, что жених — джентльмен почтенного возраста, с семью тысячами годового дохода, с многочисленными взрослыми детьми и без малейших признаков образованности.

Моя мать решительно возражает против того, чтобы ее считали старухой, и на рождестве неизменно появляется у меня в легкомысленной девичьей шляпке; чтобы надеть ее, требуется масса времени и сил. Видно, самой судьбой решено, чтобы я никогда не встречался с Вашим отцом, когда он бывает в наших местах. Дэвид Ллойд, этот отъявленный мошенник, нисколько не изменился, в чем я имел случай убедиться, столкнувшись с ним в лондонской таверне примерно в году 1770-м, когда я встретил Вас с сестрой и Вашей бедной матушкой на Корнхилле — Вы шли все трое в Сент-Мэри-Экс заказывать некие таинственные платья, как потом оказалось, подвенечные. Это было в те далекие времена, когда дамы носили круглые зеленые ротонды, шерстяные, если я не ошибаюсь. Со свойственной мне галантностью я проводил вас до самых дверей вашей портнихи, когда Ваша матушка, охваченная внезапным страхом (клянусь честью, без малейших оснований), что я намерен последовать за Вами, сказала, подчеркивая каждое слово: «А теперь, мистер Дикин (иначе она меня не называла), разрешите с Вами распрощаться».

Упомянув выше о Париже, я вспомнил, что вся моя жизнь была разбита и все мои надежды разрушены, когда ангела моей души отправили в Париж для завершения образования. Если я могу быть там чем-нибудь полезен Вам или если я могу привезти оттуда какие-нибудь безделушки Вашим милым девочкам (право, мне все еще кажется, что они плод Вашей фантазии), то прошу Вас, располагайте мной. В Париже я остановлюсь в отеле «Мерис» и запрусь в своем номере,— единственное, что может оградить меня

от нашествия моих земляков и американцев! — но я с величайшей готовностью выполню любое Ваше поручение.

Моя дорогая миссис Винтер, к радостному волнению, вызванному Вашим письмом, примешивается и некоторая доля грусти. В этом огромном мире, где мы с Вами живем и где многие из нас так странно теряют друг друга, нельзя без душевного трепета услышать голос из далекого прошлого. Вы так неразрывно связаны с тем временем, когда те свойства моей натуры, которые впоследствии сослужили мне такую службу, только-только зарождались во мне, что я не в силах закончить это послание легкомысленной нотой. Ваше письмо затронуло во мне такую сторону, или, лучше сказать, такую струну, которую был бы не способен затронуть никто на свете, кроме Вас. Надеюсь, мистер Винтер не посетует на меня за эти слова.

Ваш преданный друг.

8

МИССИС БИДНЕЛЛ-ВИНТЕР

Отель «Мерис», Париж,
четверг, 15 февраля 1855 г.

Я обмакнул перо, но не сразу решился написать Вашу девичью фамилию.

Северная железная дорога на всем протяжении занесена глубоким снегом. Почта задерживается, и Ваше милое письмо пришло только сегодня утром. Я тороплюсь ответить, чтобы отправить мое послание к Вам с обратной почтой, и мне чудится, что вот-вот раздастся стук и войдет, как когда-то на Финсбери-плейс, Ваша Сара с корзинкой в руке и, подарив меня добрым, сочувственным взглядом, унесет мое письмо и оставит меня, как всегда, подавленным и угнетенным.

С болью в сердце я читал эти строки, написанные таким знакомым, ничуть не изменившимся почерком, и в то же время меня так обрадовало Ваше поручение и сознание того, что я все еще занимаю какое-то место в Ваших воспо-

минаниях. Это наполнило гордостью мое сердце и пробудило в нем мечты далекой юности. Излишне говорить, что я выполню Вашу просьбу с такой же тщательностью и с таким же рвением, с каким когда-то доставал для Вас крошечные перчатки (помнится мне, синие). Интересно, были ли синие перчатки в моде тогда, когда мне исполнилось девятнадцать лет, или их носили только Вы?

Мне очень, очень жаль, что Вы не отнеслись ко мне с достаточным доверием и не написали мне еще до рождения Вашей первой дочери, но теперь Вы лучше узнали меня, и я надеюсь, придет время и Вы скажете ей, чтобы она передала своим детям, когда они подрастут, что в дни моей юности я любил ее мать самой глубокой и преданной любовью.

Я всегда думал (и не перестану так думать никогда), что на всем свете не было более верного и преданного любящего сердца, чем мое. Если мне присущи фантазии и чувствительность, энергия и страстность, дерзание и решимость, то все это всегда было и всегда будет неразрывно связано с Вами — с жестокосердой маленькой женщиной, ради которой я с величайшей радостью готов был отдать свою жизнь! Никогда не встречал я другого юношу, который был бы так поглощен единым стремлением и так долго и искренне предан своей мечте. Я глубоко уверен в том, что если я начал пробивать себе дорогу, чтобы выйти из бедности и безвестности, то с единственной целью — стать достойным Вас. Эта уверенность так владела мной, что в течение всех этих долгих лет, до той самой минуты, когда я в прошлую пятницу вечером распечатал Ваше письмо, я никогда не мог слышать Ваше имя без дрожи в сердце. Когда в моем присутствии кто-либо произносил это имя, оно наполняло меня жалостью к себе, к тогдашнему наивному неоперившемуся птенцу, и преклонением перед тем большим чувством, которое я хранил в глубине души, чувством, отданным той, кто была для меня дороже всего на свете. Я никогда не был (и едва ли когда-нибудь буду) лучше, чем в те дни, когда Вы сделали меня таким безнадежно счастливым.

Как странно думать и говорить об этом теперь, через столько лет, но когда Вы писали то письмо, Вы должны были предвидеть, что оно, естественно, пробудит во мне

далекие воспоминания, и потому эти строки не должны неприятно удивить Вас. Хотя в былые годы Вы, вероятно, и не подозревали, как страстно я Вас любил, все же, я надеюсь, Вы нашли в одной из моих книг верное отражение моего чувства к Вам, и в отдельных черточках моей Доры, быть может, узнали черточки, характерные для Вас в те времена. И, быть может, Вы подумали: а ведь это что-нибудь да значит — быть так горячо любимой!

Пройдут годы, и, может быть, в Ваших дочерях вновь возродится очарованье Доры, чтобы свести с ума еще одного юного безумца, но я уверен, что он никогда не будет любить так, как любили мы с Копперфилдом.

Многие восхищались прелестью и поэзией моего изображения невинной любви двух юных существ, нисколько не подозревая, что правдивость этого изображения — ни больше ни меньше, как результат моего собственного жизненного опыта.

Есть чувства, которые я давно похоронил в своей груди, будучи уверен, что им никогда не возродиться вновь. Но сейчас, когда я говорю с Вами опять и знаю, что эти строки «только для Вас», как могу я утаить, что чувства эти все еще живы! В самые невинные, пылкие, лучезарные дни моей жизни моим Солнцем были Вы. И теперь, зная, что мечта, которой я жил, принесла мне столько добра, очистила мою душу, научила упорству и терпению, как могу я, получив Ваши признанья, притворяться, будто я вырвал из сердца все, чем оно было полно!

Но, повторяю, Вы, должно быть, все это так же хорошо знаете, как и я. Мне хочется верить — и надеюсь, в этом нет ничего обидного для Вас,— что Вы не раз откладывали в сторону мою книгу и думали: «Как сильно любил меня этот мальчик и как живо помнит он все, став мужчиной!»

Я пробуду здесь до вторника или среды. Если снежные заносы не помешают этому письму попасть вовремя в Ваши руки, быть может, они не помешают и Вашему ответу застать меня здесь, но Вы должны поторопиться и помнить, что Ваше письмо будет «только для меня». Когда я начал писать эти строки, целый рой воспоминаний окружил меня, и я стал было перебирать их, чтобы спросить, живы ли они и в Вашей памяти. Но все они принадлежат

тому, кто предавался им с радостью и мукой, и теперь они уже отошли в область прошлого, так не будем тревожить их.

Моя дорогая миссис Винтер,

Преданный Вам.

P. S. Мне хотелось бы знать, что сталось с пачкой писем, которые я, повинуясь приказу, вернул Вам, перевязав их синей лентой,— под цвет перчаток.

9

МИССИС ВИНТЕР

Тэвисток-хаус,
22 февраля 1855 г.

Моя дорогая Мария,

Давно знакомый почерк так запечатлелся в моей памяти, что, хотя Ваше письмо написано не совсем разборчиво, я прочитал его без труда, не пропустив ни единого слова. Мне пришлось уехать из Парижа во вторник утром, еще до прибытия почты, но я принял меры, чтобы не вышло задержки, распорядившись отправить всю мою корреспонденцию немедленно вслед за мной. Я вернулся домой вчера вечером, а Ваше письмо пришло сегодня утром. Кстати, нет такого места на земле, где моим письмам была бы обеспечена большая сохранность и неприкосновенность, чем в моем собственном доме.

Увы, почему мне так поздно выпало на долю прочитать эти слова, начертанные знакомой рукой, слова, которых никогда раньше она мне не писала? Я читал их с глубочайшим волнением, и прежнее чувство, прежняя боль нахлынули на меня с непередаваемой силой. Как случилось, что наши пути разошлись, мы не узнаем никогда, по крайней мере по эту сторону Вечности. Но если б Вы произнесли тогда слова, которые написали мне теперь, поверьте, я достаточно хорошо знаю себя и могу засвидетельствовать, что сила и искренность моей любви смели бы с моего пути все преграды.

Помнится, прошло уже много времени с тех пор, как я стал совсем взрослым (было ли это в действительности или мне только казалось тогда?), и я написал Вам послед-

нее, решающее письмо, смутно сознавая, что могу говорить с Вами как мужчина с женщиной. Я предложил Вам предать забвению наши мелкие размолвки и разногласия и начать все сначала. Однако Вы ответили мне холодными упреками, и я пошел своим путем. Но если б Вы знали, с какой болью, с каким отчаяньем в сердце, после какой тяжелой борьбы я отказался от Вас! Эти годы отвергнутой любви и преданности, годы, преследовавшие меня мучительной сладостью воспоминаний, оставили такой глубокий след в моей душе, что у меня появилась дотоле чуждая мне склонность подавлять свои чувства, бояться проявления нежности даже к собственным детям, лишь стоит им подрасти. Несколько лет тому назад, прежде чем приняться за «Копперфилда», я начал было писать историю своей жизни, намереваясь оставить эту повесть неопубликованной до тех пор, пока ее тема не будет исчерпана до конца. Но как только я дошел до того времени, когда в моей жизни появились Вы, я вдруг потерял мужество и сжег все то, что уже написал. Я никогда ни в чем Вас не винил, но до последних дней я думал, что Вы не были сколько-нибудь серьезно затронуты тем чувством, которое так захватило меня.

Но теперь все тучи прошлого рассеялись перед Вашими искренними словами, и уже одно то, что Вы вспомнили обо мне в самую тяжелую пору своей жизни * и так просто и трогательно доверились мне, глубоко взволновало и покорило меня. Когда умерла бедняжка Фанни * (уж она-то знала, что все эти годы я не мог без волненья слышать даже упоминания Вашего имени), нас не было в Лондоне, и тогда я так и не узнал о том, что Вы побывали у нас в доме, на Девоншир-террас, и даже в моей комнате. Все эти долгие годы, до нынешнего дня, я ничего не знал о Вас, пока не прочитал Ваше письмо. И все же за девятнадцать лет я не мог, просто не мог забыть Вас, освободиться от большого и искреннего чувства, превозмочь мою любовь к Вам, и сейчас не могу говорить с Вами так, как говорю с любым из моих добрых друзей. Наверное, я именно поэтому никогда не искал возможности увидеться с Вами за все эти годы.

И вот теперь Вы все изменили, все исправили — так смело и в то же время так бережно и деликатно, что

между нами снова могут установиться отношения взаимного доверия и полной откровенности, которые при всей их честности и дозволенности будут известны только нам двоим. То, что Вы предлагаете, я принимаю всей душой. Кому же Вы можете довериться больше, чем человеку, который так Вас любил! Недавно в Париже леди Оллиф* спросила меня, правда ли, что я так безумно любил Марию Биднелл? Я отвечал ей, что нет на свете женщины и что найдется лишь немного мужчин, которые способны понять всю силу подобной любви.

В моих воспоминаниях Вы все та же, прежняя Мария. Когда Вы пытаетесь уверить меня, что стали «старой, толстой, беззубой и безобразной», я просто не верю Вам и мчусь на Ломбард-стрит, туда, где когда-то стоял Ваш, теперь снесенный, дом (как будто от моего воздушного замка не суждено было остаться даже следам известки и кирпичей!), и снова вижу Вас в том самом малиновом платье с узеньким воротничком, отделанным, кажется, черным бархатом, и с белой кипенью ван-дейковских кружев, к каждому кончику которых было пришпилено мое юное сердце, как бабочка на булавке. До сих пор стоит мне увидеть девушку, играющую на арфе, и та же самая гостиная возникает в моем воображении с такой поразительной отчетливостью, что я, кажется, мог бы описать ее сейчас, не упустив ни малейшей подробности. Я часто вспоминал Вашу манеру сдвигать брови, вспоминал в самых отдаленных странах — в Шотландии, в Италии, в Америке,— и в самой торжественной, и в самой интимной обстановке.

В те времена, когда возникало отчуждение между нами, я часто, возвращаясь поздно ночью (порой около двух-трех часов ночи) из палаты общин, шел пешком, чтобы только пройти мимо окон дома, где спали Вы. За последний год я опять не раз шел этой дорогой и раздумывал над тем, может ли вся слава мира возместить человеку потерю мечты его юности, мечты, которую утратил я.

Я опасный человек: со мною нельзя показываться в общественных местах, ибо меня знают все. В соборе св. Павла меня знает настоятель и весь капитул. На Патерностер-роу меня знает каждая дымовая труба и каждая черепица на крыше. И у меня возникли сомнения, не лучше ли

нам отказаться от встречи на Патерностер-роу и не избрать ли что-либо иное? Ведь то, что покажется вполне естественным, скажем, недели через две, едва ли будет сочтено приемлемым сейчас. И все же я очень хотел бы увидеть Вас наедине, прежде чем мы встретимся на людях. Думаю, это совершенно необходимо для того, чтобы мы чувствовали себя непринужденно. Кроме того, если Вы все же не пожелаете отказаться от Патерностер-роу, имейте в виду, что Вы рискуете принять за меня какого-нибудь другого усатого мужчину. Не лучше ли будет, если Вы придете к нам и спросите сначала Кэтрин, а потом меня? Можно быть почти уверенным, что между тремя и четырьмя часами никого не будет дома, кроме меня. Я предлагаю Вам это, так как знаю, что при встрече на улице бывают всякие нежелательные случайности, и, даже учитывая их малую вероятность, я хочу исключить их возможность, поскольку это касается Вас. Если же Вы не пожелаете прийти к нам, пусть будет по-вашему. Я подчинюсь Вашему выбору.

Я гоню от себя прочь воспоминания о том, что разлучило нас. Я не хочу думать, что Вы поступили со мной жестоко. Помнится, бедняжка Энн как-то написала мне (в то время у меня был один из приступов отчаяния): «Милый Чарльз, я, право, не могу понять Марию и решить, что делается в ее сердце»,— и закончила (да покоится она с миром), если не ошибаюсь, длинной и сочувственной фразой о терпении и времени. Что ж! Видно, нам не суждено было встретиться до тех пор, пока время и терпение не решили это за нас.

Знайте, что я согласен на все, что Вы предложите, и что я всей душой разделяю Ваши чувства.

Ваш преданный друг.

10

МИСС КИНГ

Тэвисток-хаус,
24 февраля 1855 г.

Дорогая мисс Кинг,

Еще раз внимательно перечитал Вашу повесть и совершенно согласен с Вами, что случай со священником

можно рассказать в нескольких словах. Знаю, что мой совет очень удивит Вас, и все же считаю своим долгом сказать, что, по моему убеждению, достоинства Вашей повести неизмеримо возрастут при сокращении. Пожалуй, она произвела бы большее впечатление, будь она вдвое короче.

Для «Домашнего чтения» она, несомненно, слишком велика. Что касается моего варианта, боюсь, он покажется Вам слишком сокращенным. Сейчас я еще менее (если это возможно), чем вначале, расположен отказываться от Вашей повести; но чем больше я думаю над ней, тем более громоздкой она мне кажется. С другой стороны, я не могу просить Вас устранить это препятствие, ибо заранее предвижу всю трудность и мучительность такой попытки.

Если я не ошибаюсь, в последних главах Вы несправедливы к Вашей героине, а что касается горничной-итальянки, Вам, как мне кажется, не удалось выразить то, что Вы имели в виду. С образцами такой речи я встречался в романах времен Матьюрэна *, но в языке итальянцев — никогда.

Все это, однако, мелочи, которые легко исправить в течение часа. Что до основного препятствия, я оставляю его целиком на Ваше усмотрение, после того как Вы снова просмотрите повесть.

Примите уверения в моей неизменной преданности.

11

ДЭВИДУ РОБЕРТСУ *

Тэвисток-хаус,
28 февраля 1855 г.

Дорогой Дэвид Робертс,

Надеюсь, мне удастся в немногих словах вполне отчетливо объяснить Вам, почему я считаю правильным свой отказ пойти на обед, который лорд-мэр дает клубу *. Если бы я не чувствовал, что, отказываясь от его предложения, я делаю то, что велит мне мое понятие о чести, Ваше письмо немедленно заставило бы меня изменить это решение.

Составив вполне определенное мнение о том, что представляет собой наш муниципалитет, и ясно сознавая всю нелепость его претензий в наш век, который никоим образом и ни в каком мыслимом отношении не имеет ничего общего с тем временем, когда существование подобного учреждения было уместным, я уже примерно в течение года не раз высказывал это свое убеждение в «Домашнем чтении». Я перестал бы уважать самого себя и искусство, которому я себя посвятил, если бы поступил так, чтобы и волки были сыты и овцы целы; не могу высмеивать это учреждение в печати и пользоваться гостеприимством его представителя, в то время как на моих статьях еще не просохла типографская краска. Эта неразборчивость и так уже чрезмерно вошла у нас в обычай и унижает литературу, представляя ее чем-то несерьезным.

Таково мое единственное возражение. Лично я всегда был с теперешним лорд-мэром в наилучших отношениях и считаю, что он отлично справляется со своими обязанностями. Коль скоро это касается Вас, меня и его, я ничуть не возражаю против того, чтобы Вы рассказали ему правду. В менее официальном случае, когда он не будет выступать как должностное лицо, я с восторгом готов обменяться любыми любезностями с таким достойным и приятным джентльменом, как мистер Мун *.

Примите уверения в моей неизменной преданности.

12

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ *

Тэвисток-хаус,
понедельник, 19 марта 1855 г.

Мой дорогой Коллинз,

С величайшим удовольствием прочел две первые части «Сестры Розы» *. Книга превосходна, прелестно написана, во всем видно, как много труда вложил в нее автор и как глубоко он знает материал, что встречается сейчас крайне редко.

В случае если моя догадка, что брат и сестра прячут мать мужа, правильна, не сочтете ли Вы нужным еще раз просмотреть заключительную сцену второй части и подумать, нельзя ли сделать намек на это обстоятельство немного более туманным или хотя бы немного менее заметным; скажем, если бы Роза только попросила как-нибудь у брата разрешения открыться мужу; или еще какое-либо незначительное изменение в этом же роде? Лучший из известных мне способов усилить интерес читателя и скрыть от него истину заключается в том, чтобы, в первом случае, ввести или упомянуть *еще одно лицо,* скажем, кого-нибудь из друзей брата, которое *могло бы* (в догадках читателя) оказаться человеком, которого прячут и к которому муж питал бы тайную неприязнь или ревность. Но это может повлечь за собой слишком большие изменения.

С другой стороны, если окажется, что они ходят вовсе не к матери, то Вы, несомненно, добились полного успеха и совершенно сбили меня с толку.

Как Ваши дела? Пробудете ли Вы в Ашфорде всю следующую неделю? В связи с предстоящим торжеством я смог бы оплатить Ваш проезд по железной дороге в обе стороны.

Да, кстати, мне бы хотелось, чтобы Вы видели, как в прошлую среду Ваш покорный слуга вел осаду литературного фонда *. Все они так разволновались и были в таком смятении, что я ждал, что вот-вот мои противники бросятся искать убежища под столом; а посторонние хохотали столь непочтительно каждый раз, когда я припирал к стене председателя, что вся баталия оказалась чрезвычайно забавной. Фактически, я считаю, с этим делом покончено. Уверяю вас, что я отнюдь не расположен останавливаться на полпути, и результат уже сейчас намного превзошел все мои ожидания. Марк * только об этом и думает и все расскажет Вам.

Где живет мистер Пигот? * Я хочу завезти ему свою визитную карточку.

Преданный Вам.

13

МИССИС ВИНТЕР

Вторник, 3 апреля 1855 г.

Моя дорогая Мария,

Отправившись ровно неделю тому назад в Ашфорд с сильным насморком, я, очевидно, простудился еще больше, когда, разгоряченный трехчасовым чтением, возвращался домой в ту же ночь (это было необходимо, так как на следующее утро у меня были дела в Лондоне). Потом всю прошлую неделю мне нездоровилось, а в пятницу я совсем занемог и к девяти часам улегся в постель. И вот теперь, как и всегда, я должен по свойственной мне привычке бродить в одиночестве, чтобы думать на ходу. Я не мог отказаться от этого ни вчера, ни в воскресенье, так же, как человек не может отказаться от пищи, а лошадь — от упряжки. Я сохраняю способность к творчеству лишь при строжайшем соблюдении главного условия: подчинять этому творчеству всю свою жизнь, отдаваться ему всецело, выполнять малейшие его требования ко мне, отметая в течение целых месяцев все, что мешает работе. Если бы я не понял давным-давно, что, только будучи в любую минуту готов полностью отречься от всех радостей и отдаться работе, я смогу сохранить за собой то место, которое завоевал, я бы потерял его очень скоро. Я не рассчитываю на то, что Вы поймете все причуды и метания писательской натуры. Вам никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным в жизни и задумываться над этим. Вот почему Вам может показаться странным то, что я пишу. «Что Вам стоит оторваться на полчаса», «только на часок», «всего лишь на один вечер» — с такими просьбами часто обращаются ко мне. Но люди не понимают, что писатель сплошь и рядом не может распоряжаться по своему усмотрению даже пятью минутами своего времени, что одно сознание того, что он связал себя обещанием, может ему испортить целый день труда. Вот какой ценой приходится расплачиваться нам, пишущим книги. Тот, кто посвятил себя искусству, должен быть готов отдаться ему всецело и

только в служении ему искать себе награду. Я буду очень огорчен, если Вы заподозрите меня в нежелании видеть Вас, но ничего не могу поделать. Я должен идти своим путем, несмотря ни на что.

Я думал, Вы поймете, что, посылая Вам ложу, я тем самым хотел дать Вам знать, что все обстоит благополучно. Я рад, что вам всем понравилась пьеса. Мои дамы говорят, что первый акт оставляет тяжелое впечатление и что его следовало бы разрядить. Я десятки раз собирался посмотреть эту пьесу, но так и не собрался и вряд ли соберусь. Мадам Селест * этим очень обижена (Вы видите, как несправедливы люди!) и недавно в Зеленом Салоне * сказала с надутым видом: «M. Dickens est artiste! Mais il n'a jamais vu Janet Pride» [1].

На меня словно пахнуло дыханием весны, когда я узнал, что Ваша бедная крошка, наконец, вышла из своего затворничества и получает полпинты воздуха сомнительной свежести в день. Я согласился бы стать ее крестным отцом, но при том непременном условии, что ей будет отпущено не менее шестисот галлонов чистого воздуха каждый божий день. И Вы скоро увидите розы на щечках моей маленькой приятельницы Эллы, если будете держать все окна и двери Вашего дома раскрытыми настежь с утра до поздней ночи.

Скоро я уезжаю, еще не знаю куда, не знаю зачем, обдумывать еще неизвестно что. То меня тянет во Францию, то — в длительное путешествие пешком вдоль всего побережья, то мои взоры обращаются к Пиренеям, то к швейцарским Альпам. На прошлой неделе я списался с большим знатоком Испании и пообещал ему приехать туда. Два дня спустя я договорился с Лейардом * отправиться вместе с ним по окончании парламентской сессии в Константинополь. Возможно, завтра я буду обсуждать с кем-нибудь планы поездки в Гренландию или на Северный полюс. Но вполне вероятно, что все эти мечты приведут лишь к тому, что я запрусь в четырех стенах в каком-нибудь заброшенном уголке и буду работать, работать до исступления.

---

[1] Мосье Диккенс — художник! Но он никогда не видел настоящей Джанет Прайд *(франц.)*.

А ведь было время, скажете Вы, когда я ни о чем подобном и не помышлял. Да, но вот уже много лет, как это стало моей жизнью, стало для меня всем.

Преданный Вам...

14

ОСТИНУ ГЕНРИ ЛЕЙАРДУ

Тэвисток-хаус,
вторник, 10 апреля 1855 г.

Мой дорогой Лейард,

Разумеется, я сейчас буду соблюдать полнейшую тайну относительно всего, что касается Ваших проектов. Буду очень рад обсудить их вместе с Вами и ничуть не сомневаюсь в том, что они произведут немалый эффект.

Ничто сейчас не вызывает у меня такой горечи и возмущения, как полное отстранение народа от общественной жизни. В этом нет ничего удивительного. Все эти годы парламентских реформ народу так мало приходилось участвовать в игре, что в конце концов он угрюмо сложил карты и занял позицию стороннего наблюдателя. Игроки, оставшиеся за столом, не видят дальше своего носа и считают, что и выигрыш, и проигрыш, и вся игра касаются только их одних, и не поумнеют до тех пор, пока стол со всеми ставками и свечами не полетит вверх тормашками. Назревающее у нас в стране недовольство пугает меня еще и тем, что оно тлеет незаметно, не вспыхивая ярким пламенем; ведь точно такое же настроение умов было во Франции накануне первой революции, и достаточно одной из тысячи возможных случайностей — неурожай, очередное проявление наглости или никчемности нашей аристократии, которое может оказаться последней каплей, переполнившей чашу; проигранная война, какое-нибудь незначительное событие дома — и вспыхнет такой пожар, какого свет не видел со времен французской революции.

Тем временем что ни день, то новые проявления ан-

глийского раболепия, английского подхалимства и других черт нашего омерзительного снобизма; не говоря уже о том, что Делмастон, Латам, Вуд, Сидней Герберт и бог знает кто не стыдятся опровергать самые очевидные истины на глазах у шестисот пятидесяти свидетелей *. А возмущенные миллионы, храня все то же противоестественное спокойствие и угрюмость, с каждым днем все больше ожесточаются и все сильнее укрепляются в своих наихудших намерениях. И, наконец, всему этому сопутствует нищета, голод, невежество и безысходность, о самом существовании которых едва ли подозревает хоть один из тысячи англичан, которых не коснулись эти бедствия.

Мне кажется, что руководить общественным мнением в ту пору, когда это мнение еще не сформировалось и к тому же при столь критических обстоятельствах,— немыслимо. Если бы люди вдруг встрепенулись и принялись за дело с воодушевлением, присущим нашей нации, если бы они создали политический союз, выступили бы — мирно, но всем скопом — против системы, которая, как им известно, порочна до мозга костей, если бы голоса их зазвучали так же грозно, как рев моря, омывающего наш остров, то и я всей душой присоединился бы к этому движению и счел своей несомненнейшей обязанностью помогать ему всеми силами и попытаться им руководить. Но помогать народу, который сам отказывается помочь себе, столь же безнадежно, как помогать человеку, не желающему спасения. И пока народ не пробудится от своего оцепенения (этого зловещего симптома слишком запущенной болезни), я могу лишь неустанно напоминать ему о его обидах.

Надеюсь увидеться с Вами вскоре после Вашего возвращения. Ваши абердинские речи, полные искренности и отваги, просто восхитительны. Такие речи я велел бы произносить на всех рыночных площадях, во всех городских ратушах, для людей всех званий и сословий — начиная с тех, кто поднимается ввысь на воздушном шаре, и кончая сидящими в водолазном колоколе.

Всегда сердечно преданный Вам.

15

У. Г. УИЛСУ*

Тэвисток-хаус,
пятница, 13 апреля 1855 г.

Мой дорогой Уилс,

Посылаю Вам экземпляр с поправками, внесенными в «Тысячу и одно жульничество». Проследите за пунктуацией «Солдатских жен».

Считаете ли Вы, что прилагаемое мною письмо принадлежит перу того самого мистера Холта? Верните мне его, присовокупив Ваше «да» или «нет».

Возвращаю Вашу рукопись, которую я внимательно прочитал. Она небезынтересна, но, на мой взгляд, обладает одним существенным недостатком, с которым я ничего не могу поделать.

Все действие подчинено Вашему замыслу, и люди не живут сами по себе. Я вижу и слышу, как вертятся колесики, люди же одушевлены лишь настолько, насколько это требуется для развития сюжета, однако в них не больше жизни, чем в движущихся восковых фигурках. Мне очень трудно сказать, в чем тут дело, так как все это постигается лишь чутьем, однако постараюсь пояснить Вам свою мысль на двух небольших примерах. Если бы сцена с умирающей была сделана как следует, то разговор героини с мальчиком стал бы естественной частью этой сцены и никоим образом не мог бы испортить ее; какова бы ни была тема этого разговора, он неизбежно был бы связан в представлении читателя с женщиной, лежащей на кровати, и постепенно подготовил бы его к приближающейся развязке. Если бы мальчик на империале вышел у Вас натуральным, то была бы натуральной и его болезнь, и читатель соответствующим образом воспринял бы ее. Однако получилось так, что разговор у постели мешает линии умирающей, умирающая мешает разговору и они *никак* друг с другом не сочетаются. Ясно также, что мальчик заболевает потому, что это нужно Вам, автору, ибо если бы не несколько относящихся к нему строк в конце главы, читателю и в голову бы не пришло, что с ним что-то случи-

лось. Те же возражения относятся к Вашему сэру Лестеру Дедлоку и к Вашему мистеру Талкингхорну. А вся вступительная часть чрезмерно растянута без всякой необходимости.

Сцена на империале была бы превосходна, если бы не все тот же ужасный недостаток. Вообразите, что Вы сами сидели на этом империале и внезапно попали в факельное шествие тех времен, неужели Вы не вынесли бы оттуда никаких впечатлений, кроме тех, которыми Вы делитесь с читателем? Представьте себе, что это Ваши собственные воспоминания, а потом еще раз прочтите эту сцену. И именно потому, что она написана ненатурально, поведение людей, взобравшихся на империал, в высшей степени неправдоподобно. В то же время если бы эта сцена была изображена правдиво и сильно, то более или менее неизбежное и вполне дозволенное во всяком литературном произведении неправдоподобие стало бы лишь составной частью чего-то столь яркого и естественного, что читателю волей-неволей пришлось бы примириться с ним.

Неплохо сделаны сцена на колокольне собора св. Павла и сцена в доме гравировщика, но меня не покидает ощущение, что все эти вещи — подобие Франкенштейна *. Кроме того, Вы все время идете по стопам какого-нибудь известного мне автора; и там, где Ваши башмаки могли бы при иных обстоятельствах оставить ясный и отчетливый отпечаток, они настолько сливаются со следами этого писателя, что читатель, следящий за шагами обоих, пребывает в состоянии полнейшего замешательства.

Не сомневаюсь, что в дальнейшем все недостатки Вашего повествования еще усилятся, так как по мере развертывания сюжета писать будет все труднее. Я честно называю Вам их; во-первых, потому, что Вы сами этого хотели; во-вторых же, потому, что обычно, читая какой-нибудь роман, я склонен допускать и извинять столь многое, что отнюдь не считаю себя способным найти больше ошибок, чем кто-либо другой, скорее наоборот.

Всегда преданный Вам...

16

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

27 апреля 1855 г.

...Страна, военные дела которой оказались в столь ужасном состоянии; огромное, черное облако нищеты расстилается над каждым городом, с каждым часом становясь все больше и темнее, и при этом из двух тысяч людей не найдется и одного, кто подозревал бы о его существовании или хотя бы способен был поверить в него; праздная аристократия; безмолвствующий парламент; каждый за себя и никто за всех; такова перспектива, и мне она представляется весьма зловещей...

Попытка ученых мужей из комитета фальсификации * представить фальсификацию как естественное следствие спроса и предложения — что за чудесное открытие в области политической экономии!

Ступеньки этой лестницы, сэр, никогда не приведут нас к золотому веку; а сам я не стану поддерживать фалды Великого Могола всех самозванцев, господина Маккулоха *.

17

МИСС КУТС*

Тэвисток-хаус,
пятница, 11 мая 1855 г.

...Лейард совершил ошибку *. Люди, готовые затравить его до смерти, тысячу раз умышленно извращали истину на все возможные лады и своим несправедливым гонением на него не вызывают у меня ни капли сочувствия, а лишь недоверие и гнев. Прислушайтесь к тому, что я говорю сейчас о положении дел в этой безумной стране, ибо возможно, что через десять лет будет уже слишком поздно говорить об этом. Народ не будет вечно терпеть. Из всего, что я наблюдаю, мне это совершенно очевидно,

И мне хочется что-нибудь противопоставить справедливому гневу народа.

Это единственная причина, из-за которой я всей душой стремлюсь к реформам. Я ничего не выигрываю этим, а теряю все (ибо общественное спокойствие — хлеб мой), и все же я полон самой отчаянной решимости, потому что знаю, что положение безнадежно.

Незачем говорить Вам, что мне одинаково противны и любое искажение правды, и попытка уклониться от признания своей неправоты. Там, где я уверен в истине, я не стану лукавить ни с одним человеком. Поступи я иначе, я возненавидел бы себя.

Вы считаете меня взбалмошным, потому что иногда я внезапно заговариваю о вещах, о которых долго думал, и виден лишь конечный итог, а сам путь неясен. Но путь этот долог, и я прошел его медленно и терпеливо. Верьте этому, а там можете считать меня взбалмошным сколько Вам угодно. Называйте меня, как хотите, и пишите мне письма, которыми я так горжусь...

18

МИСС КУТС

Тэвисток-хаус,
вторник, 15 мая 1855 г.

В двух словах подвожу итог ниневийского дела*.

Как я уже говорил, Лейард совершил ошибку, был слишком оскорблен и обижен, чтобы тут же исправить ее, как это мог бы сделать человек, обладающий большим присутствием духа и уравновешенный (к примеру — я), и этим дал в руки своим врагам оружие против себя, каковым они и воспользовались.

Никак не могу согласиться с Вами в том, что он восстанавливает один класс против другого. Он лишь признает, что они враждебны друг другу. К тому же Вы, очевидно, упускаете из виду, что коль скоро в этом вопросе столкнулись интересы двух крупных классов, то и на сам

вопрос следует смотреть с двух сторон. Вы полагаете, что вызов бросил простой народ. Я же считаю, что вот уже долгие годы это делает аристократия и что именно она противопоставила себя всей стране, а вовсе не страна противопоставляет себя аристократии.

Вот какова моя позиция по отношению к Лейарду. Я почувствовал, помнится, еще за неделю или дней за десять до того дня, как он совершил эту злополучную ошибку, что он нуждается в поддержке; встретив его у Вас, я был поражен происшедшей в нем переменой и его встревоженным видом; я случайно узнал о злобных интригах, которые ведутся против него, о тайных влияниях, используемых для того, чтобы погубить его; я написал ему письмо, в котором убеждал его не терять присутствия духа, и говорил, что при нынешних обстоятельствах считаю его самым полезным человеком в парламенте; и что я положительно чувствую себя обязанным оказать ему любую помощь, какая только в моих силах, если она не потребует моего личного присутствия. То, что я мог тогда сделать для него, я сделал немедленно, и он отнюдь не остался к этому нечувствительным. Он показал мне свои проекты за несколько дней до того, как представил их парламенту, и в основном я их одобрил. Тут случилась эта ошибка. Как раз на следующий день мы обедали вместе и я заклинал его ради всех святых соблюдать осторожность. Еще через день-два состоялось собрание, посвященное реформам в управлении, и было предложено создать общество. Я решил стать его членом и внести (в назидание большинству) двадцать фунтов. Почувствовав, что Лейард нуждается в некоторой поддержке, и считая его, несмотря на его промах, достойным ее, я послал ему записку следующего содержания: «Скажите-ка мистеру Линдсею, что в этих пределах общество может рассчитывать на меня». В прошлую субботу, выполняя наше давнишнее соглашение, заключенное еще за несколько недель до этой прискорбной ошибки, мы с ним обедали в Гринвиче с Пакстоном * и еще кое с кем. Лейард спросил меня, не получил ли я письма от мистера Морли *, президента этого общества, так как мистер Морли спрашивал его мнение о возможности каким-нибудь образом убедить меня выступить на собрании в театре Друри-Лейн (в случае если

они решат устроить там собрание). Я подумал и ответил, что, мне кажется, я мог бы выступить по такому поводу, но что я не могу обещать этого, прежде чем не ознакомлюсь во всех подробностях с их намерениями и не удостоверюсь, что я их одобряю. Я написал ему об этом, чтобы еще раз внушить, как необходимо соблюдать осторожность при столь ответственных обстоятельствах, и он горячо согласился со мной, добавив: «Если Вы пойдете, пойду и я; иначе, очевидно, нет».

Мне во что бы то ни стало хочется быть полностью откровенным с Вами в этом вопросе, и сейчас Вы знаете все, что знаю я. Если в моих силах хоть немного повлиять на него, я надеюсь заставить его быть поспокойней и потверже. В подобном деле никто не принудит меня отступиться от того, что я считаю правильным. Что до возможности вынудить меня на какое-нибудь сделанное в запальчивости публичное заявление, то я уверен, что если бы Вам случалось когда-нибудь раньше слышать мои разглагольствования, Вам не пришло бы в голову сомневаться в моем хладнокровии или же в том, что при таких обстоятельствах свою запальчивость я оставляю... скажем, на Стратон-стрит... *

19

МИСС КУТС

Тэвисток-хаус,
среда, 27 июня 1855 г.

...Я огорчен тем, что произошло в Гайд-парке *, но это лишь иллюстрация к тому, о чем я пытался рассказать Вам в связи с предстоящим нам сегодня вечером заседанием,— я имею в виду поразительное неведение людей, пишущих законы, о существовании силы, которая готова в любой момент вломиться к нам, если мы не перестанем выказывать ей свое презрение. После того как лорд Роберт Гровенор * внес этот билль, я спрашивал всех знакомых мне членов парламента: «Как можете вы быть столь безрассудными, чтобы позволить протащить его? Ведь если этот билль будет принят, в стране не найдется силы, способной

провести его в жизнь; люди приходят в ярость всякий раз, когда им докучают этим; уже последний воскресный билль потребовал у них немало жертв и жестоких лишений, чего вы не поняли или не пожелали понять; упорство, с которым вы толкаете людей на смуту и мятеж, поистине поразительно». Иные не понимают, как это может быть, многим ни до чего нет дела, и тут приходит возмездие,— люди, голос которых до этих пор никто не хотел слушать, поднимают восстание — и с делом покончено во мгновение ока.

Если лорд Роберт Гровенор оказался таким невеждой, что, побуждаемый какими-то безумцами, внес этот билль, он просто-напросто последний из людей, которым можно поручить представлять Мидлсекс, и я надеюсь, что впредь ему этого не поручат...

20

У. Ч. МАКРИДИ*

Тэвисток-хаус,
суббота, 30 июня 1855 г.

Дорогой Макриди,

Весь день просидел за письменным столом и пишу Вам всего несколько слов, чтобы успеть с этой почтой ответить на Ваше восторженное, искреннее и юное — о, какое юное! в самом прекрасном значении этого слова — письмо.

Говоря по правде, я был уверен, что Вы напишете мне. Я знал, что если есть на свете человек, готовый отнестись с интересом и одобрением к тому, что я высказал все, накипевшее у меня на душе, то человек этот — Вы. Я был так же уверен в Вас, как в том, что сегодня взойдет солнце.

Дело это связано со множеством трудностей; общество остро нуждается в дельных людях, а вся фаланга защитников дурного и продажного управления сопротивляется не на жизнь, а на смерть. Но перед нами стоит величайшая, насущнейшая, важнейшая задача — разбудить народ, вселить в него энергию и бдительность, решительно перене-

сти войну прямо в ставку таких существ, как, скажем, лорд Пальмерстон, оповестив их об этом таким благовестом, что в их душе (или в том, что заменяет им душу) не останется ни малейших сомнений относительно того, что времена надменных денди безвозвратно миновали. Возможно, мы должны будем заняться законом о майорате * (который не вызывает у меня ни малейшего сочувствия) или какими-нибудь еще более важными проблемами, но то, о чем я пишу, должно быть сделано прежде всего, и пока оно не будет сделано, мы ни на что не можем надеяться. Памятуя об этом, а также стремясь ободрить и привлечь к нам робких духом, я отправился на днях в Друри-Лейн и очень сожалею, что Вы не сопровождали меня и не смогли видеть и слышать того, что там происходило.

Заполучить Ваше имя и дар — большая честь для Общества. Когда за несколько минут до начала заседания мы сидели на сцене, я сказал, обращаясь к председателю Общества мистеру Морли (он очень славный и искренний малый): «Все это так напоминает мне об одном из моих самых любимых друзей и наполняет меня такой удивительной печалью, что я сам не могу понять, кажется ли мне это место чужим или близким». Он сразу же очень заинтересовался Вами, и мы говорили о Вас до той самой минуты, пока он не встал, чтобы объявить собрание открытым.

Мою речь хотят издать брошюрой и разослать по всей Англии *. Поэтому вчера вечером мне пришлось ее править. Мы все здоровы. Чарли сейчас в Сити; все мальчики проводят праздники дома; сюда же торжественно доставлены три приза (один с булонских вод и один из Уимблдона); я то погружаюсь, как водолаз, в работу над новой книгой, то, подобно играющему в чехарду, перескакиваю к «Домашнему чтению». Энн * выходит замуж — это единственная дурная новость.

Всегда неизменно расположенный к Вам и любящий Вас, дорогой мой Макриди,

Ваш преданный друг.

21

ДЖОНУ ЛИЧУ*

Тэвисток-хаус,
4 июля 1855 г.

Мой дорогой Лич,

Вчера я видел Эгга*, и он передал мне Ваш рассказ относительно полиции в Гайд-парке. Поверьте мне, что я не могу — решительно не могу — почувствовать себя спокойным до тех пор, пока не выражу Вам свою настоятельнейшую просьбу сегодня же написать в «Таймс», указав свое имя и адрес и сообщив, без всяких прикрас, о том, что Вам довелось видеть. Это то, что Вы обязаны сделать как общественный деятель и известный человек.

Преданный Вам.

22

У. Г. УИЛСУ

Тэвисток-хаус,
четверг, 12 июля 1855 г.

Мой дорогой Уилс,

Нет никакого сомнения в том, что «История жены» * принадлежит перу весьма талантливой женщины. Не сомневаюсь, что из этой особы, кем бы она ни была сейчас, со временем получится крупный писатель.

Изменить ее повествование так, чтобы оно отвечало нашим требованиям, чрезвычайно трудно, но мне кажется, я вижу путь к тому, чтобы разделить его на четыре части. Однако для этого потребуется сократить начало; что касается развязки, то, по-моему, она совершенно неправдоподобна. Эту часть, если я решу ее сохранить, нужно будет написать заново, и мне бы очень хотелось встретиться с автором, чтобы обсудить все это.

Если у Вас есть возможность быстро снестись с этой дамой (я полагаю, что автор — дама), я приму ее в редакции, в одиннадцать часов в понедельник, коль скоро

этот день и час удобны для нее. В случае если она живет не в городе, я, очевидно, должен буду написать ей; однако личное свидание было бы для меня предпочтительнее. Мне кажется, все сочинение несет на себе печать поразительно глубокого знакомства автора с одной из темных сторон человеческой натуры и в целом написано с необычайной силой и страстностью.

В письме к автору Вы можете процитировать мои слова полностью или, если Вам угодно, частично, однако я убедительно прошу Вас добавить, что ее сочинение попало ко мне только сегодня утром.

Прилагаю еще одну рукопись, за которой должны зайти в редакцию. Я надписал карандашом фамилию и адрес этой дамы. Я уже отправил ей письмо, в котором отклоняю ее сочинение.

Всегда преданный Вам.

Только что говорил с Эвансом относительно изменения заголовка. До конца тома оставьте тот, что был прежде, а в понедельник я скажу Вам, что я предполагаю поставить взамен.

23

МИСС ЭМИЛИ ДЖОЛЛИ

Альбион-вилла, Фолкстон, Кент, вторник, 17 июля 1855 г.

Сударыня,

Ваша рукопись, озаглавленная «История жены», попала ко мне всего три-четыре дня тому назад. Произведение это обладает столь незаурядными достоинствами и возможностями, свидетельствует о таком ярком даровании и глубоком знании человеческого сердца, что я почувствовал живейший интерес к Вам, как к автору этой книги.

Я попросил джентльмена, являющегося моим доверенным лицом в редакционных делах, вернуть Вам Вашу рукопись. Надеюсь, что с той же почтой Вы получите и мое письмо. Просьба моя состоит в следующем: я заклинаю

Вас подумать над тем, как изменить окончание Вашей повести. Вы, разумеется, пишете для того, чтобы Вашу книгу читали. Между тем излишне мрачная развязка оттолкнет от нее многих из тех, кто мог бы прочесть ее, но не сделает этого, услышав отзывы читавших. Кроме того, чрезмерное нагромождение ужасов будет губительным и для замысла книги. Весь мой опыт и знания настойчиво велят мне посоветовать Вам сохранить жизнь мужу и одному из детей. Пусть героиня, увидев, как вносят ее раненого и потерявшего сознание мужа, решит, что он мертв (сохраните все, что Вы пишете о ее душевных муках, когда после этого она остается на попечении врача, но исцелите ее в конце концов счастливым известием о том, что муж ее жив и что она может загладить свою вину, *искупив все зло, причиненное ею этому человеку, которому она отплатила неблагодарностью за его любовь и принесла столько горя*). Таким образом, вместо того чтобы ожесточить читателя, Вы смягчите его, и из многих глаз польются слезы, исторгнуть которые возможно лишь нежным и бережным прикосновением к сердцу. Я совершенно убежден в том, что такое изменение сделает всю предыдущую часть Вашего повествования в двадцать раз красноречивее. И лишь уверенность в том, что Вас, если Вы сумеете как следует распорядиться Вашими замечательными способностями, ждет большая слава, заставляет меня решиться дать Вам совет сейчас, когда Вы, как я полагаю, находитесь в самом начале своего пути.

Мне кажется, в иных местах Ваше повествование выиграло бы (даже в отношении психологической достоверности), если бы его немного сократить. Если Вам угодно будет предоставить это мне, я сделаю это с такой же осторожностью и тщательностью, как будто речь идет о моем собственном произведении. Что касается изменений, о которых я говорил в начале письма, то внести их можете только Вы.

В заключение этой второпях набросанной записки разрешите мне заверить Вас самым чистосердечным образом, что никогда еще ни одна рукопись не производила на меня столь глубокого и сильного впечатления, как Ваша.

Ваш покорный слуга.

24

Г-ЖЕ ЮЛИИ ШВАБЕ

Фолкстон,
воскресенье, 22 июля 1855 г.

Любезная г-жа Швабе,

Сегодня утром я получил Ваше письмо и ящик с бумагами. Такое количество документов оставляет мне только одну возможность.

Я считаю своим долгом уведомить Вас, что не могу взяться за изучение дела, которое нужно выяснить, блуждая в таком лабиринте. Я начал читать отчет о процессе мисс Дудэ *, но теперь вижу, что это свыше моих сил. Мои дни заполнены работой, все мои мысли поглощены новой книгой, мои дела имеют ясную цель и смысл, я должен отвечать бесчисленным корреспондентам, которые вправе рассчитывать на мою аккуратность и внимание, и я не могу отдать себя на произвол чуждой мне стихии. Мне известно о деле мисс Дудэ не больше, чем о любом другом деле, в ходе которого человека судят, признают виновным и оставляют без последствий поданную им кассационную жалобу. В том, что она не испытывает недостатка в друзьях, меня вполне убеждает великодушное участие, которое принимаете в ее судьбе Вы и упомянутая Вами дама. Оставить работу и дела, которые непрерывно требуют от меня самого пристального внимания, и тратить свои силы, блуждая в запутанных ходах этого лабиринта, означает для меня то же самое, что уподобить свою жизнь и самый смысл ее недолговечным следам на прибрежном морском песке, который я вижу из окна моего кабинета.

Все полученные мною бумаги я немедленно отошлю на Ваше имя в редакцию «Домашнего чтения» в Лондоне, где о них позаботится мистер Уилс. Этот джентльмен перешлет их по тому адресу, который Вы соблаговолите ему сообщить.

Ваш покорный слуга.

25

У. Г. УИЛСУ

Фолкстон,
воскресенье, 22 июля 1855 г.

Дорогой Уилс!

Длинная повесть без заглавия, которую я прочел сегодня утром, произвела на меня такое сильное впечатление, что мне трудно приняться за деловое письмо. Мне давно уже не доводилось читать ничего столь трогательного. О частностях я придерживаюсь совсем иного мнения, нежели Вы. Вся повесть настолько продуманна, что любые подробности кажутся необходимыми и соответствующими целому. Я по совести не могу предложить автору сделать какие-либо значительные сокращения. На мой взгляд, это было бы решительным образом неправильно — во всей рукописи я не заметил, пожалуй, ни одной детали, которая не была бы существенной частью всей грустной картины.

Остаются, однако, две трудности, делающие ее неприемлемой для «Домашнего чтения». Во-первых — ее длина. А во-вторых — главная ее идея. Эта ужасная возможность — а скорее, даже вероятность — угрожает стольким людям без какой бы то ни было вины с их стороны, что боюсь, как бы эта повесть не причинила много горя, если мы предложим ее нашим многочисленным читателям. Я страшусь взять на себя ответственность и пробудить ужас и отчаяние, дремлющие, быть может, в стольких сердцах. Поэтому я с большой неохотой пришел к заключению, что нам не остается иного выхода, как вернуть повесть автору. Однако я хотел бы, чтобы Вы, сообщив ей перечисленные мною выше причины моего отказа, в самых лестных выражениях передали бы ей мое мнение о величайших достоинствах этой повести. Я искренне считаю ее замечательным произведением и буду рад написать автору письмо, если она того пожелает, чтобы рассказать о своем впечатлении. Может быть, мне удастся также уговорить какого-нибудь издателя.

Повесть мисс Линн при сравнении с ней сильно проигрывает. Однако это — именно то, что она написала в своем проспекте, и сделано очень неплохо. Впрочем, поскольку

эта повесть покажется (невнимательному читателю) оборотной стороной медали, описанной мисс Джолли, я полагаю, лучше будет заплатить за нее немедленно, но на некоторое время (пожалуй, даже на несколько месяцев) задержать ее опубликование, не сообщая мисс Линн действительной причины, а просто сославшись на то, что мы должны сперва напечатать ранее принятые повести в четырех частях. Вещь мисс Джолли лучше и сильнее потому, что она попадает в самый центр мишени, в то время как мисс Линн не всегда задевает цель. Поэтому право первенства должно остаться за повестью мисс Джолли — ради наших интересов так же, как и благодаря достоинствам ее произведения.

Однако заметьте, я не считаю возможным, чтобы мисс Джолли успела переделать свою повесть за указанное Вами время. То, что, на мой взгляд, с ней необходимо сделать,— слишком тонкая операция для столь быстрой ремесленнической переделки. С другой стороны, не кажется ли Вам, что в данное время было бы неплохо выпустить один месячный номер без длинного романа с продолжением — просто ради разнообразия?

Со времени моего возвращения все мои мысли заняты новой книгой *, и я, право, не знаю, сумею ли я найти подходящую тему для первого тома. Однако точно я сообщу Вам это с завтрашней вечерней почтой.

Когда в воскресенье вечером я вернулся из Оксфорда, я нашел письмо мистера Меритона, о котором вы упоминаете (посланное не то в этот же день, не то накануне вечером),— он ничтоже сумняшеся просит прочесть приложенную рукопись к вечеру понедельника, когда он пришлет за ней. Я послал ему короткое письмо, отказываясь читать ее на подобных условиях, захватил ее утром в понедельник в редакцию и отдал Джону, распорядившись отнести ее в течение дня в Тэвисток-хаус, «куда за ней пришлют». Пожалуйста, выясните, почему произошла задержка и по чьей вине.

Я написал мистеру Бру, чья статья нам вполне подойдет. Я жду сегодня моего брата, и если он приедет, пошлю Вам с ним эту статью и трогательную повесть.

Искренне Ваш.

26

МИСС ХАРИЕТ ПАРР

Фолкстон, Кент,
вторник, 14 августа 1855 г.

Сударыня!

Мистер Уилс сообщил, что Вы разрешили мне написать Вам, и я спешу заверить Вас, что прочел Вашу повесть с глубоким волнением и восхищаясь ее необычайной талантливостью. Искренность и сочувствие к людям, которыми она дышит, поистине выше всяких похвал. Не могу выразить, как она меня тронула. Я написал мистеру Уилсу, что весь день находился под ее впечатлением и ничего не мог делать и что я испытываю глубокое уважение к ее автору, кто бы он ни был.

По странному совпадению я несколько дней работал над персонажем, очень похожим на «тетушку». И мне было весьма любопытно следить за тем, как двое людей, казалось, сначала находились совсем рядом, а потом поспешили пойти каждый своим путем, ведущим в противоположную сторону.

Я сообщил Уилсу, что не знаю, счел ли бы я себя вправе предложить вниманию столь многочисленных читателей страшную проблему наследственного безумия, когда, весьма возможно, многие — в лучшем случае некоторые — из них с ужасом угадают в этом свое личное несчастье. Но мне не пришлось задаваться этим вопросом, так как Ваша повесть не подходит для «Домашнего чтения» из-за своей длины. Я хочу сказать только, что она слишком длинна для напечатания в нашем журнале, но она вовсе не растянута. Я не мог бы выкинуть из Вашей рукописи ни одной страницы.

Опыт показывает, что особым требованиям нашего журнала лучше всего отвечает повесть из четырех частей, и я хочу заверить Вас, что буду счастлив, если это письмо убедит Вас стать одним из наших авторов. Однако я выражаю свое восхищение силой и трогательностью Вашей чудесной повести вовсе не для того, чтобы этого добиться.

В то время как я ее читал, Вы для меня не существовали. Сила и правдивость поступков и страданий ее героев — вот что захватило меня и произвело на меня глубочайшее впечатление.

Остаюсь, сударыня, искренне Ваш.

27

РЕЙКСУ КЕРРИ

28 августа 1855 г.

Дорогой сэр,

Я не мог ответить на Ваше письмо вчера вечером, так как находился в Диле, но поверьте мне, я искренне признателен Вам и тронут Вашим любезным приглашением. Я бы с радостью воспользовался им и посетил бы Вас завтра вместе со всеми моими чадами и домочадцами, взяв с собой, как Вы просите, и мистера Уилки Коллинза (в настоящее время это единственный наш гость), но, к сожалению, я лишен возможности сделать это. Именно потому, что я провел субботу в городе, а вчерашний день в Диле, я должен сидеть взаперти в своем кабинете до завтрашнего вечера. В последнее время я с головой окунулся в работу над своей новой книгой, а когда я занят книгой, я никогда не выхожу из дому от девяти утра до двух часов дня. Затем, в силу твердо установившейся привычки, я отправляюсь на прогулку до пяти часов дня. Время на обед, на сон, все мое время распределено так, чтобы мне работалось как можно легче и приятней. Восемь месяцев, которые я ежегодно провожу в Лондоне, я придерживаюсь этого порядка так строго, как это только возможно в подобном месте, и неукоснительно соблюдаю этот режим остальные четыре месяца в году, когда я живу за городом и никуда не хожу, если не считать длительных прогулок по полям. Нельзя сказать, чтобы потеря одного дня или даже целой недели страшила меня, но я знаю, что никогда не смогу выполнить намеченное, если не подчиню себя строжайшей, установленной мною самим, дисциплине.

Не в моих правилах докучать людям подобными подробностями моего существования, и если я распространяюсь о них сейчас, то лишь потому, что не хочу, чтобы у Вас создалось впечатление, будто я пренебрегаю Вашим гостеприимством. Надеюсь, что я смогу не позже, чем через неделю, приехать вместе с миссис Диккенс в Сендлинг-парк и тем подтвердить свои слова. Если мое откровенное письмо сможет убедить Вас в том, сколь многим из того, к чему я испытываю склонность, мне приходится жертвовать, когда я сажусь за письменный стол, и как редко я позволяю себе отступать от моих правил, то у меня станет легче на душе.

Здесь рассказывают настоящие легенды об успехе празднеств, состоявшихся в прошлую среду.

Примите, дорогой сэр, уверения в моей неизменной преданности.

28

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Фолкстон,
16 сентября 1855 г.

...Я как раз начинаю работать над третьим выпуском. Порою с воодушевлением, чаще с немалой тоской... Глава об «Отце Маршалси» требует нечеловеческих трудов, ибо на небольшом пространстве надо разместить целую бездну. Я не решил еще окончательно, но у меня появилась недурная мысль обрушить на это семейство большое состояние. Они окажутся в весьма любопытных обстоятельствах. Мне думается, я смогу сделать из Доррита чрезвычайно выразительную фигуру...

...Я буду читать для них пятого числа следующего месяца, а за последние две недели я ответил на тридцать писем, в которых меня просят сделать то же самое во всех уголках Англии, Ирландии и Шотландии. Вообразите себе, как в декабре я покидаю Париж, чтобы отправиться читать в Питерборо, Бирмингем и Шеффилд,— давнишние обещания...

29

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Фолкстон,
23 сентября 1855 г.

...Я буду читать здесь в следующую пятницу. У них (как и везде) есть общество литераторов и общество рабочих, между которыми не существует ни малейшей связи, ни малейшей симпатии. Кресло стоит пять шиллингов, но я заставил их установить для рабочих цену в три пенса, и надеюсь, что это может послужить началом для их сближения. Все состоится в мастерской плотника: это самое просторное помещение, какое было возможно отыскать...

30

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Фолкстон,
30 сентября 1855 г.

...Я самым серьезным образом убежден — а я размышлял об этом предмете со всей добросовестностью человека, имеющего детей, которым еще предстоит жить и страдать после него,— в том, что представительный строй у нас потерпел полный крах, что английский снобизм и английское раболепие делают участие народа в государственных делах невозможным и что, с тех пор как миновал великий семнадцатый век, вся эта машина пришла в совершенную негодность и находится в безнадежном состоянии...

31

У. МАКРИДИ

Фолкстон, Кент,
четверг, 4 октября 1855 г.

Мой милый Макриди!

Я так усердно тружусь над моей книгой, что у меня почти не остается времени даже на письма, писать кото-

рые я вынужден. Ведь стоит мне оторваться от моей рукописи, как меня охватывает страшное искушение отправиться гулять по холмам, подставляя голову ветру, взбираться на их вершины, сбегать со склонов и вести себя самым буйным образом, потому что только в таких прогулках я нахожу отдых.

Ваше письмо мисс Кутс относительно маленькой мисс Уорнер я переслал незамедлительно. Она сейчас в Пиренеях, и на прошлой неделе я получил от нее письмо, которое разошлось с моим и Вашим, в него вложенным.

Прошу Вас, не отказывайтесь от своего полувысказанного намерения приехать в Париж! Как приятно будет увидеть в этом городе Вашу постаревшую физиономию и сияющую лысину! Вы помолодеете, побывав там в театре (а предварительно пообедав у «Трех братьев») в обществе юного шутника, который сейчас Вам пишет. Ну, пожалуйста, не отказывайтесь от Вашего намерения!

Я знаю, Вам будет приятно узнать, что Чарли поступил в торговый дом Беринга на самых благоприятных условиях. Мистер Бейтс, компаньон этой фирмы, оказал мне любезность, устроив его в маклерскую контору, услугами которой он пользуется. А когда оный Бейтс написал мне полмесяца назад о прекрасной вакансии, открывшейся у Беринга, он добавил, что маклеры дали Чарли весьма лестную рекомендацию, в которой «с похвалой отозвались о его способностях и трудолюбии», и поэтому было бы несправедливо брать его практикантом и для начала ему следует назначить жалованье в пятьдесят фунтов — на что я милостиво изъявил согласие.

Что касается всеобщего избирательного права, то я вообще потерял всякую веру в выборы. На мой взгляд, мы наглядно доказали всю бессмысленность представительных органов, за которыми не стоит образованный, просвещенный народ. Вспоминая о том, как простых людей постоянно учат «знать свое место»; о том, как тех, кто составляет душу и тело нашей страны, воспитывают пай-деточками, или посылают в пивные, или в тюрьму за браконьерство, или ко всем чертям; о том, как у нас нет среднего класса (хотя мы постоянно восхваляем его, как нашу опору, на самом деле это всего лишь жалкая бахрома на

мантии знати); о лакействе и низкопоклонстве; о том, как самым ничтожным аристократам предоставляются все важнейшие посты в государстве, о «Придворном бюллетене», почитаемом больше Нового завета,— я с большой неохотой прихожу к заключению, что мы, англичане, вообще молчаливо потворствуем этому жалкому и позорному положению, в котором мы очутились; и никогда своими силами из него не выберемся. Кто нам поможет и поможет ли нам кто-нибудь, одному богу известно. А пока мы катимся вниз по склону к тому, чтобы нас завоевали, и все упорно довольствуются этим, распевают «Правь, Британия» и не желают, чтобы их спасали.

В третьем выпуске моей новой книги я немного спустил пары своего негодования *, которое иначе могло бы взорвать меня, и с божьей помощью не сойду с этой стези до конца моих дней; но пока у меня нет никаких политических иллюзий, и никакой надежды — ни грана.

Завтра я буду читать здесь «Рождественскую песнь» в длинной плотничьей мастерской, которая, кажется, куда страшнее бирмингемской ратуши.

Тут дует ураганный юго-восточный ветер и дождь льет как из ведра.

Любящий Вас.

32

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Париж,
<октябрь 1855 г.>

...Отсутствие каких-либо мыслей просто ужасно *, и даже когда добираешься до Малреди и видишь двух стариков, беседующих над чересчур бросающейся в глаза скатертью, и читаешь объяснение их занятия: «Спор о теории доктора Уистона» *, все же испытываешь большую неудовлетворенность. Почему-то они ничего не выражают. Даже «Санчо» Лесли * не хватает жизни, а полотна Стэнни * смахивают на декорации. Бесполезно закрывать глаза на тот факт, что в произведениях художников не хватает именно того, чего, как мы знаем, недостает

самим художникам: оригинальности, огня, целеустремленности и уменья поставить все на службу замыслу. В большинстве из них чувствуется отвратительнейшая респектабельность — мелочная, бескрылая, низменная обыденность, которая почему-то кажется мне символом нынешнего состояния всей Англии. Фрис *, Уорд * и Эгг представлены здесь своими лучшими полотнами и привлекают наибольшее внимание. Первый — «Добродушным человеком», второй — «Королевской семьей в Темпле», а третий — «Первой встречей Петра Великого с Екатериной»: эту последнюю картину я всегда считал очень хорошей, и иностранцы, по-видимому, обнаружили в ней совершенно неожиданный драматизм, который им нравится. У французов сколько угодно скверных картин, но боже мой, какое в них бесстрашие! Какая смелость рисунка! Какая дерзость замысла, какая страсть! Сколько в них действия! Бельгийский отдел производит прекрасное впечатление. Именно там можно увидеть лучший пейзаж, лучший портрет и лучшую сцену из семейной жизни на всей выставке. Внешние формы и условности занимают в английском искусстве, так же как и в английском правительстве и в английском обществе, место истины и подлинной жизни — не сочтите эти слова следствием моего безнадежного взгляда на положение нашей страны и моего страха, что наша национальная слава приходит в упадок. Я всячески боролся вчера с этим впечатлением: в первую очередь отправился в английскую галерею, хвалил и восхищался с большим усердием, но все без толку. Мои впечатления остались все теми же, как я вам их описал. Разумеется, это все между нами. Дружба лучше критики, и я буду помалкивать. Спор, участники которого не могут договориться, о чем они спорят, не просто бесполезен, он вреден... Я никогда еще не видел ничего столь странного. По-моему, они твердо уверовали, что естественной может считаться только английская манера (сама по себе настолько исключительная, что в любой стране она кажется весьма своеобразной), и если француз — изображенный, скажем, в ту минуту, когда его ведут на гильотину,— не дышит невозмутимостью Клэпхема или респектабельностью Ричмонд-хилла *, значит, тут что-то не так...

33

Ф. РЕНЬЕ*

Париж,
среда, 21 ноября 1855 г.

Дорогой Ренье!

Позвольте мне, поблагодарив Вас за ложу, которую Вы любезно предоставили мне позавчера, принести Вам в тысячу раз более горячую благодарность за удовольствие, которое доставила нам Ваша восхитительная пьеса. Никогда еще ни один спектакль так меня не трогал и не увлекал. Композиция выше всяких похвал, сюжет необыкновенно увлекателен и мастерски доводится до трогательной и очень естественной развязки.

С самого начала и до конца в пьесе ощущается дух и чувство истинно художественные, и я от всего сердца поздравляю Вас и Вашего соавтора с достигнутым Вами успехом. Я не сомневаюсь, что он будет очень большим и очень прочным.

Ах, друг мой! Если бы я увидел хоть одну английскую актрису, которая обладала бы хоть сотой долей искренности и искусства мадам Плесси*, я поверил бы, что наш театр уже стоит на пути к возрождению. Но у меня нет ни малейшей надежды, что я когда-либо увижу подобную актрису. С тем же успехом я мог бы рассчитывать увидеть на английской сцене замечательного художника, способного не только писать, но и воплощать то, что он пишет, как это делаете Вы.

Искренне Ваш.

34

КАПИТАНУ МОРГАНУ*

<Ноябрь 1855 г.>

Дорогой друг,

Как всегда, счастлив был получить Ваше письмо. Одна только мысль о Вашей искренности оказывает на меня

животворное действие. И с каждым днем я все больше и больше убеждаюсь в том, что быть искренним до конца — это главное, и что стоит только в чем-нибудь покривить душой, как все идет прахом. Вы видите, что мы натворили с нашими отважными солдатами, Вы видите, какими жалкими мошенниками мы оказались. И потому, что мы, к невыразимому своему огорчению, конфузу и печали, запутались в сетях аристократической рутины, джентльмены, которые были так добры, что довели нас до погибели, собираются устроить для нас послезавтра день смирения и поста. Я просто выхожу из себя, когда думаю, что все это происходит в наши дни.

...Моя работа над новой книгой находится сейчас в первой стадии. Это значит, что я кружусь и кружусь вокруг замысла, как птица в клетке, которая, прежде чем клюнуть кусочек сахару, все ходит да ходит вокруг него.

Всем сердцем преданный Вам.

35

МАДАМ ВИАРДО*

Авеню Елисейских полей, 49, понедельник, 3 декабря 1855 г.

Дорогая мадам Виардо,

Миссис Диккенс говорит, что Вы взяли у нее первый выпуск «Крошки Доррит» только на время и собираетесь его вернуть. Умоляю Вас не делать ничего подобного и доставить мне величайшее удовольствие, разрешив присылать Вам все последующие выпуски, как только они попадут ко мне в руки. Я так восхищаюсь Вашим великим талантом, так увлечен и покорен им, что буду горд честью доставить Вам минуту духовного удовольствия.

Примите уверение в моей совершенной преданности.

36

У. Г. УИЛСУ

Авеню Елисейских полей, 49,
воскресенье, 6 января 1856 г.

Мой дорогой Уилс,

Я прочел статью Морли, уделив особое внимание той ее части, которая относится к мисс Мартино*. Я считаю, что если все факты будут тщательно изучены и проверены, ее следует напечатать и поместить в начале следующего номера, как я и указываю на прилагаемой корректуре. Мне кажутся не совсем убедительными доказательства того, что отказ от уплаты штрафов так уж несомненно относится к 7-му августа. Мне бы хотелось, чтобы это выглядело более очевидным.

Мисс Мартино здесь выступает именно в том свете, в каком я ее всегда видел и пытался представить Вам. После того как мне довелось увидеть и услышать ее, я был так убежден в том, что она именно такова и не может быть иной, что сейчас, когда она сама подтвердила мое мнение, я не испытываю ни малейшего торжества. Мне кажется, свет не видывал еще такой вздорной и тщеславной женщины и такой лгуньи.

Может быть, что-нибудь из написанного мной покажется Вам излишне резким,— посоветуйтесь с Форстером. Если он согласится с Вами, выбросьте это место. Но не прежде.

Мне хочется, чтобы Морли написал статью о забастовке * и пересказал бы большую часть того, что пишет здесь. Однако я не могу выдавать себя за человека, порицающего все без исключения забастовки, объявляемые этим несчастным классом общества, которому так трудно мирным путем добиться того, чтобы его голос был услышан. Начать дискуссию об этом предмете с заявления о том, что эти люди «несомненно находятся в совершеннейшем и прискорбном заблуждении», было бы просто абсурдно. Покажите, что они заблуждаются, но, во имя неба, сделайте это, касаясь существа вопроса.

Не могу я также согласиться с утверждением, что эти люди не правы потому, что, сами отказываясь работать, они лишают работы и других людей, возможно, без согла-

ния последних. Ведь если бы такой довод считался убедительным, не было бы ни гражданских войн, ни кавалерийских лошадей, выведенных Хэмпденом в ущерб хлебопашеству Букингемшира, ни самопожертвования в мире политики. И когда Морли (о боже правый!) пишет о страданиях жен и детей, может ли он сомневаться в том, что эти заблудшие души всем сердцем разделяют эти страдания и что они искренне, чистосердечно и благоговейно верят в то, что именно ради счастья детей (в ту пору, когда те будут уже отцами) они и терпят сейчас такие муки!

Во вторник напишу снова. Прилагаю мою статью, которая будет напечатана в начале выпуска.

Преданный Вам.

37

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Январь 1856 г.>

...В среду мы отправились в «Одеон» посмотреть новую четырехактную драму в стихах — «Мигель Сервантес». Право, трудно вообразить себе более мутную водицу. Однако некоторые места, касавшиеся подавления общественного мнения в Мадриде, принимались с таким яростным восторгом, как будто речь шла о современной Франции,— это заставляет о многом задуматься. И снова здесь в каждом антракте упорная, четкая, непрерывная, как бой военных барабанов, «Ça ira»!

...Мне еще не доводилось видеть ничего столь тяжеловесного и столь нелепого. Не привыкни я уже трепетать при виде античных складок, облегающих человеческую фигуру, я на этом неподражаемом спектакле погрузился бы в пучину ужасающей скуки. Хор уничтожен, и лишь коекакие отрывки из его речей вложены в уста действующих лиц. Нет, это нелепость, доведенная до совершенства. Офранцуженные вопли античных страдальцев показались мне настолько смехотворными, что я и сейчас ухмыляюсь до ушей...

Вчера я был в «Порт Сен-Мартэн», где давалась недурная мелодрама «Смешанная кровь»; в ней действует анг-

лийский лорд Уильям Фолкленд, которого в течение всего спектакля именовали «Милор Вильямс Фак Лорн» и сотни раз называли «Вильямсом», что делал и он сам. Сыгран он был восхитительно, но две путешественницы-англичанки были невыразимо нелепы, и такое отсутствие достоверности — попросту убийственно. Декорация одного акта, изображающая деревянную террасу швейцарского отеля, висящую над пропастью, была лучшим образчиком театрального плотничьего искусства, какой только мне довелось увидеть во Франции. На следующей неделе нам предстоит узреть в «Амбигю» «Потерянный рай» с убийством Авеля и всемирным потопом. Ходят самые дикие слухи о дезабилье наших прародителей...

38

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

11 января 1856 г.

...Что касается прославленной Санд, то трудно вообразить женщину, столь мало похожую на образ, созданный моим воображением. Мне кажется, именно так должна выглядеть няня, ухаживающая за королевой после рождения наследника — степенная, круглолицая, смуглая, черноглазая. В ней нет ничего от синего чулка, кроме, пожалуй, манеры утверждать свое превосходство в споре с вами, которую, очевидно, следует объяснить тем, что она живет во Франции и господствует над умами избранных. Ни в ее внешности, ни в манере держаться нет ничего необычного. Обед был очень хорош, и все чувствовали себя удивительно легко и непринужденно. Были мы, мадам и ее сын, Шефферсы, Сарторисы, какая-то леди X. (только что приехавшая из Крыма), которая была одета в нечто, напоминающее пальто, и курила. Дом Виардо находится в новом квартале Парижа. Кажется, что они всего неделю назад поселились в нем и через неделю собираются выехать. Но тем не менее они прожили в этом доме уже восемь лет. Опера — последнее, что вам придет в голову связать с этой семьей. Рояль даже не открыт. Ее муж удивительно милый человек, а она — сама простота и естественность...

39

ПРЕПОДОБНОМУ ЭДВАРДУ ТЭГАРТУ*

Редакция «Домашнего чтения»,
среда, 6 февраля 1856 г.

Дорогой мистер Тэгарт!

Эту зиму мы проводим в Париже, и так как в Лондоне я бываю только наездами, то лишь теперь получил Ваше любезное письмо. Позвольте мне от души заверить Вас, что я искренне разделяю все выраженные в нем дружеские чувства и сердечно благодарю Вас за них.

Боюсь, что не смогу помочь автору книги, которую Вы мне прислали, по той простой причине, что я связан только с нашим журналом и ни в каких других ни малейшим влиянием не пользуюсь. «Домашнее чтение», как правило, избегает помещать на своих страницах статьи, касающиеся книг. Они никогда в нем не рецензируются и вообще упоминаются только в тех случаях, когда их замысел имеет прямое и непосредственное отношение к какому-нибудь социальному улучшению или нововведению. Однако если в данном случае окажется возможным что-либо сделать (судить об этом я не могу, не прочитав книги), это будет сделано.

Мои в Париже все были здоровы, когда я уезжал. Если бы они знали, что я пишу Вам, то, несомненно, вместе со мной передали бы самый сердечный поклон миссис Тэгарт и всем Вашим домашним.

Искренне Ваш.

40

ДУГЛАСУ ДЖЕРОЛДУ*

Редакция «Домашнего чтения»,
6 марта 1856 г.

Дорогой Джеролд!

Сегодня ко мне явился Бакстон, наполовину потерявший голову по той причине, что Макриди, трепеща перед своей астмой, отказался (иначе он, конечно, и не мог по-

ступить) председательствовать на очередном банкете Фонда. Я обещал поддержать просьбу Бакстона, чтобы Вы согласились взять на себя председательствование, и, хотя я помню, как Вы рассказывали мне, почему это кажется Вам нежелательным, я считаю (как и сказал тогда), что это — никак не причина для отказа, а наоборот, лишний повод для согласия. Прошу Вас, подумайте об этой просьбе. Ваше положение в мире драматургии всегда казалось мне отличной и достойнейшей рекомендацией для этого поста. Я убежден, что так же на это посмотрит и широкая публика, а кроме того, прошу Вас взвесить хорошенько тот факт, что мы никогда не сумеем как следует сразиться с лордами, если будем отказываться занимать места, которые они так долго монополизировали. Еще раз прошу Вас обдумать все это. Если Вы решите дать благоприятный ответ, я буду чрезвычайно рад и, конечно, приеду из Парижа, чтобы быть рядом с Вами. В противном случае я буду чрезвычайно огорчен, хотя, разумеется, я глубоко уважаю Ваше право иметь свой взгляд на подобные вещи.

Как всегда Ваш.

41

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Париж,
<апрель 1856 г.>

...У меня сердце сжимается от жалости, когда я думаю о нем, коротающем свой век в шерборнском уединении *. Что касается меня, то я всегда мечтал умереть, с божьей помощью, на своем посту, но я никогда не желал этого так остро, как сейчас, наблюдая за ним и размышляя над его долей. Пусть некоторым это кажется странным, но, по-моему, работать не покладая рук, никогда не быть довольным собой, постоянно ставить перед собой все новые и новые цели, вечно вынашивать новые замыслы и планы, искать, терзаться и снова искать,— разве не ясно, что так оно и должно быть! Ведь когда тебя гонит вперед какая-то не-

преодолимая сила, тут уж не остановиться до самого конца пути. И в тысячу раз лучше терзаться и идти вперед, чем терзаться, не двигаясь с места. Что ж, есть люди, для которых отдыха на этом свете не существует. Все сказанное смахивает на небольшую проповедь, но за последнее время эти мысли одолевают меня так часто, что я должен был дать им выход.

Хотел бы я знать, удастся ли мне когда-нибудь вновь обрести былое спокойствие духа? Может быть, да, но лишь отчасти. Признаться, я чувствую, что скелет в моем домашнем шкафу * причиняет мне все больше и больше беспокойства.

42

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Париж, 1856 г.

Недавно у меня был Б. и среди прочего рассказал мне об удивительном приключении, которое произошло с ним три года назад менее чем в тысяче миль от моей «собственности» в Гэдсхилле. Он жил тогда в дешевой гостинице и однажды, когда он работал над этюдом, мимо в открытом экипаже проехал какой-то господин с дамой. На следующий день Б. опять писал свой этюд, сидя на том же месте, и тот же экипаж снова проехал мимо. А на третий день этот господин остановил лошадей, подошел к нему и представился: любитель искусств, проживает вон в том большом доме, быть может, известном Б.; учился в Оксфорде, девонширский сквайр, но по семейным причинам в своем поместье не живет; будет рад, если Б. завтра у него отобедает. Б. принял это приглашение и не замедлил обнаружить, что у его хозяина прекрасная библиотека. «Она к вашим услугам,— сказал сквайр, которому Б. уже успел рассказать о себе и своих занятиях.— Используйте ее и как автор, и как художник. А то ею никто не пользуется». Он прогостил там *шесть месяцев*. Дама оказалась любовницей сквайра, двадцатипятилетней красавицей, которая успела уже спиться. Сам сквайр — пьяница и распутник, лишенный даже подобия совести, но при этом образованнейший человек, полиглот и ученый богослов.

Эти шесть месяцев у него гостили еще двое сумасшедших. Один из них хорошо известен здесь в Париже: он всегда носит в грудном кармане пунцовый шелковый чулок, в котором содержится зубная щетка и внушительная сумма в звонкой монете. Другой — университетский приятель сквайра, промотавший свое состояние. У него была неутолимая жажда, и по ночам он прокрадывался в столовую и осушал содержимое всех графинов... Б. прожил там так долго потому, что какое-то дьявольское любопытство подстрекало его посмотреть, чем все это кончится... В доме сквайра не водилось ни чая, ни кофе, да и вода там бывала редко. Признавались только три напитка: пиво, шампанское и коньяк. Завтрак: баранья нога, шампанское, пиво и коньяк. Полдник: баранья лопатка, шампанское, пиво и коньяк. Обед: всевозможные изысканные блюда (годовой доход сквайра — семь тысяч фунтов), шампанское, пиво и коньяк. В свое время сквайр женился на женщине легкого поведения, затем они разошлись, но от этого брака родилась дочь. Назло отцу мать привила ей всевозможные пороки. Эта тринадцатилетняя девочка раз в месяц приезжала домой из пансиона. Пересыпает свою речь ругательствами и пьет без просыпу. Когда они ездили кататься в двух открытых экипажах, пьяная любовница все время вываливалась из одного, а пьяная дочь — из другого. В конце концов пьяная любовница совсем спалила спиртом свой желудок и начала умирать на диване. Ей становилось все хуже, и она то бредила о чьем-то заведении, где когда-то обитала, то вопила, что вырвет у кого-то сердце из груди. Наконец она умерла на диване, и после похорон гости разъехались кто куда. Несколько месяцев тому назад Б. встретил в Брайтоне человека с пунцовым шелковым чулком и узнал, что сквайр умер «от разбитого сердца», а его университетский приятель — от белой горячки, и дочь унаследовала все состояние. Б. сообщил мне всю эту историю, которой я безусловно верю, без всяких прикрас — так же просто и безыскусственно, как я рассказал ее Вам...

. . . .

...Помните, некоторое время тому назад я говорил, как меня удивляет то, что «Робинзон Крузо» — книга, пользующаяся огромной популярностью,— еще ни у кого не вы-

звала ни смеха, ни слез. Я только что перечитал ее, освежаясь у источников английской мудрости, и берусь утверждать, что во всей мировой литературе нет более разительного примера полного отсутствия даже намека на чувство, чем описание смерти Пятницы. Бессердечность такая же, как в «Жиль Блазе», но иного порядка и куда более страшная. Вторая часть вообще никуда не годится. Некоторые места второй части «Дон-Кихота» даже лучше, чем первая. Но вторая часть «Робинзона Крузо» не заслуживает ни одного доброго слова хотя бы потому, что в ней выводится человек, чей характер ни на йоту не изменился за тридцать лет пребывания на необитаемом острове,— более вопиющий недостаток трудно придумать. А все женщины Дефо — супруга Робинзона Крузо, например,— удивительно скучные особы мужского пола, наряженные в юбки; вероятно, и сам он был на редкость сухим и неприятным субъектом — я имею в виду Дефо, а не Робинзона. Гольдсмит (я только что вспомнил) придерживался точно такого же мнения.

. . . .

...Леди Франклин прислала мне все мемуары Ричардсона: мне кажется, я в жизни не встречал ничего более благородного, чем та верная дружба и любовь, которую Ричардсон питал к Франклину *. При мысли о ней сердце преисполняется святой радостью...

43

У. Г. УИЛСУ

Елисейские поля, Париж,
воскресенье утром, 27 апреля 1856 г.

Дорогой Уилс,

Д. Ч. *

Возвращаю корректуру 320-го номера и прилагаю к ней свою статью, которую надо напечатать в самом начале.

Это даст Вам возможность избавить номер либо от «Булонского постоя», либо от «Рассказа о Карманном архипелаге». Оба они очень слабы, а последний к тому же —

слишком расплывчат для того, чтобы быть напечатанным у нас.

Да и «Воскресенья мистера Дити» скучны до невероятности. В них ведь просто-напросто ни о чем не говорится. И как всегда бывает с такой рыхлой и бесцветной чертовщиной, автор берется рассуждать о важнейших вопросах, а толку никакого, да и впечатления ни малейшего. Я скорее соглашусь пообедать старой перчаткой, чем стану жевать этакую вываренную литературную телятину. Статью об эпидемиях поместите как можно ближе к началу (там где обычно печатаются стихи) — она не лишена остроты.

В составленном Вами оглавлении я встретил некое кабалистическое слово, которое показалось мне похожим на «Прозвища». Статьи с таким названием я не получал.

Что касается Гильдии, то положение, разумеется, прежде всего должно быть обсуждено Форстером, Вами и мною. Затем (если мы уясним себе план действий) надо будет созвать совещание.

Мои планы

заключаются в следующем. Наши снимаются с якоря, а работать, сидя в самой гуще домашних неурядиц, я не в состоянии. Покинуть Тэвисток-хаус раньше следующей субботы семейство Хогартов не намерено, у меня же нет больше сил наблюдать их идиотизм. (Думаю, что созерцание Хогартов во время завтрака нанесло уже немалый урон моему здоровью.) Поэтому я намерен во вторник в восемь часов уехать с почтовым поездом в Дувр и остановиться там в «Корабле» (где, надеюсь, я смогу работать в первой половине дня) и вернусь в субботу утром. Из чего следует, что мой адрес: гостиница «Корабль», Дувр. Прибуду туда я, очевидно, во вторник к обеду и, без всякого сомнения, тотчас или очень скоро либо встречусь с Вами, либо получу Ваше письмо.

Всегда преданный.

P. S. Только что получил Ваше письмо. Вы слишком близко приняли к сердцу мое недовольство, вернее, Вы ошибочно сочли себя его причиной. Я описал Вам номер так, как описал бы его самому себе. Не более того. Все его

недостатки меня глубоко огорчают, и это настроение сообщилось моему перу. Мне вообще свойственно (хотя Вы, возможно, не обратили на это внимания) выражать свои мысли резко.

Воспряньте духом, моя правая рука!

44

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Тэвисток-хаус,
1856 г.

...Мне думается, нет смысла превращать «Историю одного самоистязания» *, над которой я много работал, в письменное признание. Однако я полагаю, что из нее удастся сделать самостоятельную главу — таким образом я смогу избежать кавычек. Как по-вашему, не будет ли это более удачным? Я твердо уверен, что Филдинг — да и Смоллетт тоже — прибегал к вставным новеллам потому, что порой бывает совершенно невозможно ввести содержащуюся в такой новелле идею в основной текст (которую тем не менее как-то ввести надо), если только не исходить из предположения, что читатель наделен романтическим воображением в той же мере, как и сам писатель. Мне казалось, что с мисс Уэйд мне удалось достигнуть чего-то нового: настолько связать вставную новеллу с самим произведением, чтобы она стала неотделимой от основного сюжета, чтобы кровь романа циркулировала по ним в равной степени. Но, судя по Вашим словам, я могу предположить только, что мне это не совсем удалось...

45

УОЛТЕРУ СЕВЕДЖУ ЛЭНДЕРУ*

Вилла де Мулино, Булонь,
вечер субботы, 5 июля 1856 г.

Дорогой Лэндер,

Я так часто беседую с Вами в моих книгах и так редко пишу письма, помимо тех, которые я *должен* писать и за которые сажусь без всякого удовольствия, что мне даже

страшно подумать о том, сколько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз обменялись письмами. Но когда я сегодня за обедом болтал с Вашим тезкой *, я вдруг решил отправиться, как только мы встанем из-за стола, к себе в комнату и написать: «Дорогой Лэндер, как Вы поживаете?» — ради удовольствия получить ответ, написанный Вашей собственной рукой. А что Вы мне *пишете,* и пишете часто, я знаю и так. Иначе чего ради стал бы я читать «Экзаминер»?

Мы жили в Париже с мая по октябрь (я, собственно говоря, метался между Парижем и Лондоном) и благодаря счастливой случайности узнал там, что Ваш крестник совсем оглох. Я немедленно обратился к главному врачу тамошнего приюта для глухонемых (одному из лучших специалистов в Европе), он продержал мальчика в больнице целых три месяца и отнесся к нему с величайшей заботой и вниманием. Теперь он совсем вылечился, блестяще сдал школьные экзамены, вернулся домой с триумфом, привезя с собой награду, и «получил право» вскоре после пасхи сдавать экзамены для Индии. Раз для него уже есть там место, он, вероятно, отправится туда, как только сдаст их, и причастится неведомой жизни «в глубине страны» прежде, чем хорошенько сообразит, что живет,— а это поистине высокая степень познания.

И там же, в Париже, я увиделся с Маргерит Пауэр * и маленькой Нелли; они живут с матерью и хорошенькой сестрой в очень маленькой и чистой квартирке и трудятся не покладая рук (как сказала мне Маргерит), чтобы както прожить. Все, что я видел, преисполнило меня глубоким уважением к ним и воскресило нежные воспоминания о Гор-хаусе. Они через месяц приедут к нам, чтобы отдохнуть две-три недели в деревне. Мы много разговаривали о Гор-хаусе и о связанных с ним счастливых часах; и я без всякого лицемерия могу сообщить Вам, что ни о ком они не вспоминали с такой нежностью и любовью, как о Вас. Маргерит все еще красива, хотя года два-три тому назад она болела оспой и при дневном свете на ее лице заметны оспины. Бедняжка Нелли (самая умная и наблюдательная из них) — очень милая и рассудительная женщина, но неудачный брак наложил на ее лицо печать за-

боты, не идущей ее годам. Вскоре должна приехать и Мэри Бойль.

Я только что писал Форстеру о том, каким замечательным доказательством силы чистой правды является тот факт, что одна из самых популярных книг на свете никого не заставила ни смеяться, ни плакать. Думаю, я не ошибусь, сказав, что в «Робинзоне Крузо» нет ни одного места, которое вызывало бы смех или слезы. В частности я считаю, что еще не было написано ничего бесчувственнее (в прямом смысле этого слова) сцены смерти Пятницы. Я часто перечитываю эту книгу, и чем больше я задумываюсь над упомянутым фактом, тем больше меня удивляет, что «Робинзон» производит и на меня, и на всех такое сильное впечатление и так восхищает нас.

Кэт и Джорджина шлют Вам самый нежный привет и одобрительно улыбаются, глядя из соседней комнаты, как я пишу. Дорогой Лэндер, наверное, Вы видитесь со многими из тех, кого любите, а другие часто Вам пишут; но мы, хранящие молчание вдалеке, всегда Вас помним. И Вы не забывайте нас. Давайте хотя бы обменяемся взаимным приветом.

Остаюсь, как всегда, Вашим почитателем и другом.

46

ГЕРЦОГУ ДЕВОНШИРСКОМУ*

Вилла де Мулино, под Булонью,
вечер субботы, 5 июля 1856 г.

Мой дорогой герцог,

Не могу удержаться, чтобы отсюда, где я коротаю за работой лето, окруженный розовыми садами и морским воздухом, не написать Вам, какое большое удовольствие доставило мне Ваше интересное письмо и как высоко я ценю Вашу доброту и великодушие. Вся моя семья каждую минуту вспоминала Вас во время Вашей болезни, и получить начертанное Вашей рукой чудесное и убедительнейшее доказательство Вашего недавнего выздоровления — это такая честь и радость, что я и сказать не могу!

Я счастлив, что Вам понравилась Флора. Мне как-то пришло в голову, что у всех нас были свои Флоры (моя еще жива и толста на диво) * и что эту полупечальную, полусмешную истину еще никто не высказал вслух. Удивительно приятно обнаружить, что Флора знакома всем. И даже более того: кажется, есть люди, которые считают, что я нанес им личное оскорбление и что их собственные Флоры (бог знает кто они и где проживают) все до одной — Крошки Доррит.

Нас всех очень огорчило, что Вы были больны, когда мы сыграли у меня дома «Маяк» мистера Коллинза. Если бы Вы были здоровы, я обратился бы к Вам со смиренной просьбой присутствовать на спектакле. А если бы Вы пришли, я уверен, что Вы не удержались бы от слез — и я был бы в восторге. На следующее рождество я надеюсь поставить дома еще одну новую пьесу, и если мне удастся уговорить Вас посмотреть ее из самого удобного кресла и если мне удастся расстроить Вас, я буду удовлетворен свыше всякой меры.

Разрешите развлечь Вас рассказом об остроумной развязке одной пьесы. Я видел ее прошлой зимой в Париже, и она мне очень понравилась. Это была старая пьеса, которую возобновил «Водевиль»,— «Мемуары дьявола». Превосходная композиция, очень интересный спектакль, к тому же чудесно сыгранный. Сюжет таков: в руки некоего мсье Робэна попадают бумаги одного скончавшегося нотариуса, и он обнаруживает среди них документы, из которых явствует, что покойник незаконно лишил поместья некую баронессу и совершил еще кое-какие подлости (в том числе доказал, что она не состояла в браке с покойным бароном, и запятнал ее доброе имя). Все эти злодейства столь отвратительны, что он переплетает пресловутые документы в книгу и называет ее «Мемуары дьявола». Затем он отправляется в мрачный старый замок — последнее прибежище баронессы, откуда она с дочерью должна уехать, потому что и замок входит в отобранное имущество. Мсье Робэн сообщает матери, что он может вернуть ей утраченное имущество и доброе имя, но в награду за это требует руки ее дочери. Она отвечает: «Я не могу обручить мою дочь с человеком, о котором ничего не знаю. Вы обещаете мне великое счастье, но ваше усло-

вие для меня неприемлемо». Однако дочь, слышавшая весь их разговор, выходит к ним и говорит: «Сделайте то, что, по вашим словам, вы можете сделать, и я буду вашей женой». Затем начинается восхитительное разоблачение всех лицемеров, составляющее основное содержание пьесы. Слуги в замке принимают мсье Робэна за дьявола — отчасти потому, что он знает все потайные ходы в замке (почерпнув сии сведения из бумаг нотариуса), а отчасти потому, что он появляется в обличье дьявола, чтобы сильнее поразить лицемеров. В начале последнего действия он внезапно предстает перед молодой барышней, и она вскрикивает от испуга, но затем, опомнившись и рассмеявшись, спрашивает: «Но ведь на самом деле же вы не...?» — «О боже мой, конечно, нет,— отвечает он,— я не имею к нему никакого отношения. Но здешние обитатели так трусливы и глупы! Видите на столе эту коробочку? Вот я открываю ее. В ней лежит колокольчик. Они тут верят, что стоит позвонить в колокольчик — и я явлюсь. Какое невежество, не правда ли?» — «О да»,— отвечает она. «Ну,— говорит мсье Робэн,— если вам когда-нибудь очень захочется, чтобы я появился, позвоните в колокольчик — хотя бы шутки ради. Обещаете?» Она обещает, и действие идет своим чередом. Наконец ему удается вернуть баронессе все ее имущество, и он вручает ей последний документ, доказывающий, что она была замужем за бароном, и возвращающий ей доброе имя. Потом он говорит: «Сударыня, занимаясь этим делом, я понял радость творить добро ради самого добра. Я навязал вам корыстные условия. Теперь я освобождаю вас от вашего слова. Я сделал все, что обещал. Желаю вам и вашей милой дочери всяческого счастья. Прощайте». Он кланяется и уходит. На сцене полное удивление. В публике тоже. (Я в бешенстве.) Дочь собирается расплакаться, но видит коробочку на столе, вспоминает про колокольчик и звонит. Он вбегает и заключает ее в объятия. Тут мы все плачем от радости и весело смеемся.

Описание получилось очень длинным, а Вы, быть может, знаете пьесу. Если так, я попробую искупить мою вину с помощью Флоры в дальнейших выпусках.

Миссис Диккенс и ее сестра просят передать Вашей светлости их приветы и поздравления по случаю Вашего

выздоровления. Во время Вашей болезни я несколько раз виделся с Пакстоном и получил от него самые ободряющие сведения. Не знаю, сколько он будет весить (я имею в виду — на весах), но начинаю подозревать, что Дэниэл Лэмберт * приходится ему родственником.

Остаюсь вашей светлости покорный и благодарный слуга.

47

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Вилла де Мулино, Булонь,
воскресенье, 13 июля 1856 г.

Дорогой Коллинз,

Мы все очень жалеем, что Вы не сможете приехать раньше второй половины следующего месяца, но надеемся, что в таком случае Вы погостите у нас до конца и мы уедем отсюда вместе около десятого октября. Я думаю (учитывая развлечения и пр.), что этого времени будет достаточно, чтобы написать пьесу. Дамы, будущие участницы спектакля, сгорают от нетерпения и жаждут, чтобы Вы поскорее заперлись в беседке. Да, кстати, об этом сооружении — я забыл упомянуть, что она много выиграла и стала гораздо более надежным приютом уединения, после того как дверь устроили в другом месте. Она стала удивительно уютной, а Гений Порядка произвел в доме некоторые улучшения (в среднем по десять пенсов штука), которые, мы надеемся, Гений Беспорядка оценит по достоинству.

Не могу Вам выразить, какого я высокого мнения об Энн Родуэй. Я снял из заголовка слово «Отрывки», потому что многоголовая гидра могла усмотреть в нем намек на незаконченность, на незавершенность всего произведения, а это отпугнуло бы некоторых читателей. Я с огромным восхищением прочел первую половину в редакции, а вторую читал в поезде, возвращаясь сюда,— я побывал в Лондоне как раз после Вашего отъезда. Я вел себя в присутствии других пассажиров совершенно недопусти-

мо — так плакал, что даже Вы остались бы довольны. Не говоря даже об истинной силе и красоте этой маленькой повести, о восхитительной обрисовке характера девушки, ее внутреннего мира, она написана с таким старанием и влюбленностью в работу, какие немногие сумели бы оценить выше, чем их ценю я, и уж во всяком случае, нет человека, который больше уважал бы их. По-моему, это превосходная вещь, которую не смог бы написать никто другой, и я горжусь ею, как своей,— а это очень приятное чувство.

О себе могу сообщить только, что я всецело занят «Крошкой Доррит». На прошлой неделе я набросал план, наметил характеры и сюжет водевиля и послал все это Марку, который болен лихорадкой. Фарс, мне кажется, должен получиться очень смешным. Дело с кошками настолько потешно, что ему нельзя воздать должное на таком крохотном листке, и я поведаю его vivo voce [1], когда буду в Лондоне. Флеиш так загордился с тех пор, как подстрелил тигровую кошку № 1 (она подбиралась к благородному Дику, сверля его зелеными глазами), что, боюсь, мне придется расстаться с ним. Все мальчики (в новых костюмчиках, надетых, чтобы идти в церковь) лежат сейчас на животах за кустами, улюлюкают и вопят (завидев тигровую кошку № 2): «Флеиш!», «Вот она!», «Вон она удирает!» и проч. Я не решаюсь высунуть голову из окна, опасаясь получить пулю (просто настоящий coup d'état [2]), а торговцы, приближаясь к дому, жалобно кричат: «Ne tirer pas, Monsieur Flench, c'est moi — boulanger! Ne tirer pas, mon ami!» [3].

Кроме того, я должен рассказать Вам тайную историю ограбления павильона в Фолкстоне, которое вам придется описать.

При случае скажите Пиготу, что мы все будем очень рады, если он соберется приехать погостить у нас неделю, когда Вы будете здесь.

Я надеюсь сообщить Вам немало планов нашей буду-

---

[1] Устно *(итал.)*.

[2] Государственный переворот *(франц.)*.

[3] Не стреляйте, мсье Флеиш, это я — булочник. Не стреляйте, друг мой! *(франц.)*

щей работы, пока мы с Вами будем коротать унылые дни здешней арктической зимы. Да сопутствует им успех!

Сердечный привет от всех драматическому поэту дома нашего, а также матушке и брату поэта.

Остаюсь ваш.

P. S. Если будет еще раз идти «Летучий голландец» *, прошу вас — сходите посмотреть его. Уэбстер сказал мне, что это «милая штучка». Умоляю вас — сходите посмотреть милую штучку.

48

У. Г. УИЛСУ

Булонь,
четверг, 7 августа 1856 г.

Дорогой Уилс,

Я не испытываю ни малейшего желания помещать отчет об этих двух делах, разбиравшихся в суде канцлера. Во-первых, я не хотел бы способствовать тому, чтобы в чьем-либо сердце зародилось доверие к этому притону беззакония.

А во-вторых, по моему мнению, при пересказе полностью исчезает подлинная философия этих фактов. Зло, которое было исправлено в этих двух частных случаях, могло совершиться главным образом потому, что все эти подлые суды справедливости *, располагающие такими возможностями для бесконечных затяжек и проволочек, развязывают руки всяким негодяям и мошенникам. Если бы правосудие было дешевым, справедливым и быстрым, подобные преступления встречались бы гораздо реже. Опыт доказывает, что (из-за гнусной деятельности этих судов и всех мерзавцев, которых они породили) человеку лучше терпеливо сносить величайшую несправедливость, нежели отправиться в канцлерский суд — или позволить кому-нибудь другому сделать это за него,— мечтая найти там защиту. Вот почему возможны такие темные сделки.

И я не нахожу, чтобы решения этих дел служили к чести канцлерского суда — скорее наоборот. Я не согласен также, будто мой долг — быть признательным канцлер-

скому суду за то, что он вынес справедливые решения в двух таких простеньких случаях. На моей совести нет никаких подобных обязательств по отношению к суду канцлера.

Я очень спешу.

Искренне Ваш.

49

МИСС КУТС

Вилла де Мулино,
13 августа 1856 г.

Вчера утром в мою ванну попал гравий и так глубоко изрезал мне левую руку у локтя, что пришлось посылать в город за хирургом, чтобы он сделал перевязку. Это наводит меня на мысль о наших политиках-хирургах и о том, как они умудрились все испортить после заключения мира. Впрочем, я всегда твердо знал, что лорд Пальмерстон (принимая во внимание век, в котором он живет) — пустейший шарлатан, какого только можно вообразить, тем более опасный, что это видят далеко не все. Не прошло и трех месяцев после заключения мира, а главные условия договора уже нарушены и весь мир смеется над нами! Я так же не сомневаюсь в том, что в конце концов эти люди добьются того, чтобы нас завоевали, как не сомневаюсь в том, что в один прекрасный день умру. Долгое время нас ненавидели и боялись. И стать после этого посмешищем — очень и очень опасно. Никто не может предугадать, как поведет себя английский народ, когда он наконец пробудится и осознает происходящее (NB: все это гравий, впившийся в мой мозг)...

50

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Булонь,
15 августа 1856 г.

...Мне всегда становится очень весело при мысли о состоянии нашей морали, когда какой-нибудь сладкоречивый господин говорит мне — или кому-нибудь другому в

моем присутствии,— что его поражает, почему герой английских романов всегда неинтересен, слишком добродетелен, неестествен и т. д. Мне постоянно твердят это о Вальтере Скотте живущие здесь англичане, которые питаются Бальзаком и Санд. Ах, мой сладкоречивый друг, каким же блестящим обманщиком считаешь ты себя и каким ослом меня, если надеешься своей наглостью изгладить из моей памяти тот факт, что этот неестественный юноша (если уж порядочность считать неестественной), которого ты встречаешь в книгах, и в чужих и в моих, кажется тебе неестественным из-за твоего собственного нравственного уродства. Он вовсе не должен наделяться — не скажу пороками, которые тебе так импонируют, но даже теми переживаниями, горестями, неудачами и сомнениями, без которых не может сложиться человеческий характер, как хороший, так и дурной!..

51

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Тэвисток-хаус,
12 сентября 1856 г.

Дорогой Коллинз,

Восхитительная мысль. Мне кажется, в ней заключено все, что нужно для пьесы. Но она так сильна, что лишь в последнем действии (во избежание преждевременного спада напряжения) можно будет показать, что он спасен и жив. Борьба, выслеживание, главное подозрение, напряженность — во втором. Радость и облегчение, приносимые этим открытием, в третьем.

И в этом, мне кажется, очень важна будет роль Марка. Честный, прямой человек, который прежде восхищался мной, любил меня,— вдруг у него возникает это ужасное подозрение, он не может его побороть и постепенно отдаляется от меня, именно потому, что он благороден и великодушен; все это было бы интересно само по себе, обеспечило бы ему несомненный успех, позволило бы мне натворить с ним чудес (Вы ведь знаете, мы пре-

восходно ладим) и весьма способствовало бы усилению вышеупомянутого напряжения.

Я предлагаю все это, разумеется, со всем почтением к Вашей точке зрения и праву первенства. Но как бы ни повернуть эту ситуацию, она остается необычайно *сильной*, и если публика не устроит Вам овации, то я... тори (это неразборчивое слово означает Т-О-Р-И).

Надеюсь, мы увидимся сегодня вечером.

Всегда Ваш.

52

ДЖОРДЖУ ОГЕСТЕСУ СЕЙЛА*

Редакция «Домашнего чтения»,
понедельник, 15 сентября 1856 г.

Дорогой мистер Сейла,

В номере, который мы сегодня составили, я начинаю печатать Ваше «Путешествие» *. Этот номер выйдет в среду первого октября.

Так как мне пришлось сильно сократить первые две статьи, я хочу объяснить Вам причины, побудившие меня к этому, чтобы у Вас не сложилось превратное впечатление. На мой взгляд, необходимо было слить первые две статьи воедино, чтобы в первом же журнальном выпуске Вашей книги Вы оказались уже *на пути в Россию*. Иначе Вы могли бы расхолодить некоторых читателей и на самой важной (первой) стадии не овладеть вниманием публики. Все изъятые куски будут тщательно сохранены для Вас, и я старался производить купюры таким образом, чтобы не причинить никакого ущерба напечатанной части.

Начало мне очень нравится, и будем надеяться, что конечный результат оправдает самые смелые ожидания. Я был очень огорчен, узнав от Уилса о Вашем нездоровье. Однако хочу надеяться, что сейчас Вы здоровы и бодры и работа Вам приятна.

Мы будем помещать продолжение каждую неделю.

Искренне Ваш.

53

У. Г. УИЛСУ

Тэвисток-хаус,
вторник, 16 сентября 1856 г.

Дорогой Уилс,

Я много думал о Коллинзе, и мне кажется, что в настоящее время лучше всего будет присоединить его к Морли и платить ему пять гиней в неделю. Он очень чуток и удивительно легко понимает мои мысли. Кроме того, он трудолюбивый и весьма надежный человек, так что, пригласив его, мы вряд ли увеличим наши расходы даже на 20 фунтов в год.

Я знаю, что для человека в его положении, человека, который старается пробиться, очень важно, чтобы его имя постоянно попадалось на глаза публике. И его надо как-то компенсировать за то, что оно не всегда будет сообщаться, а сделать это, по-моему, можно, предложив ему постоянную работу. Если Вы согласны со мной, то не зайдете ли Вы к нему сегодня утром рассказать о предложении, которое мы собираемся ему сегодня сделать, объяснив, что я хотел бы, если это возможно, чтобы он все обдумал заранее. Вам будет легче объяснить ему в нескольких словах, каковы были бы его обязанности, чем нам всем вместе поднимать эту тему. И тогда он придет уже подготовленный.

Разумеется, за ним будет сохранено право на написанное им и его интересы во всех отношениях будут соблюдены, в этом он может быть совершенно уверен. Я считаю, что в дальнейшем это будет ему только очень полезно, и убежден, что, встречаясь — обедая втроем, а не вдвоем — да еще иногда приглашая и Морли, мы сумеем высечь много нового огня.

Главное, он должен понять, что это означает постоянную работу, а он уже имел возможность судить, насколько ему приятно и полезно работать со мной и также насколько менее удобно для него будет обычное соглашение.

Всегда Ваш.

54

У. Г. УИЛСУ

Редакция «Домашнего чтения»,
вечер четверга, 13 ноября 1856 г.

Дорогой Уилс,

«Рождественская песнь» — да; «Песнь звезд» — нет.

Я рад, что Вам нравится «Гибель» *, хотя, мне кажется, Вы еще не видели ее всю. По-моему, повествование настолько напряженно (я говорю как читатель, а не как писатель), что его не стоит прерывать вставными новеллами. Поэтому мы с Коллинзом договорились поместить новеллы между его повествованием и моим, не перебивая их.

Я еще ничего не писал с такой легкостью, а также с таким интересом и уверенностью.

Альманах я сегодня отослал назад в типографию. Я выбираю более длинную цитату потому, что цитата без «солнца» лишается источника жизни.

Всегда Ваш.

55

МИСС КУТС

Тэвисток-хаус,
суббота, 15 ноября 1856 г.

...Я возвращаю дерри. Несомненно, эта материя очень добротна, но цвет у нее невыносимо унылый. Этим людям нужны яркие краски, и они будут получать от меня яркие краски (изменяемые по потребности). В нашу эпоху железа и машин даже такая приправа к блюду их скучной и суровой жизни, по моему мнению, приобретает огромное значение. Нельзя же им с утра до вечера обходиться одним цветом, да к тому же землянo-землистым. Почему бы дерри не покрыться полосками или бутонами, а то и распустившимися цветами? С какой стати дерри присваивает себе право делать из нас квакеров, хотим мы того или нет?!

56

ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ*

Тэвисток-хаус,
среда, 28 января 1857 г.

Дорогой Бульвер,

Ашетт * заплатил мне 350 фунтов за согласие на перевод всех книг, которые я написал до сих пор. И они сохраняют это право на все книги, которые я могу написать в будущем (если сочтут это желательным), выплачивая мне 40 фунтов за каждую. Это очень крупная фирма, и их контора за морем в древнем Париже не уступает, скажем, лонгменовской.

Я думал, что Уилс рассказал Вам о Гильдии (я настоятельно просил его сделать это) и о том, что мы ничего не можем сделать, пока не пройдет семь лет со дня утверждения нашего устава. Таково строжайшее запрещение, установленное парламентским актом, но за это, слава богу, отвечаете вы, его члены, а не я. Когда я заметил этот пункт (мы как раз собирались назначить пенсию — если бы договорились, кого считать достойным ее), я потребовал, чтобы мы посоветовались с нашим поверенным. Да, это действительно так. Я сразу же предложил прекратить все расходы, проценты с капитала по мере их накопления вносить в банк, от помещения отказаться и уволить клерка,— Гильдия сможет бесплатно пользоваться помещением редакции «Домашнего чтения», а также услугами Уилса. Что и было сделано.

В настоящее время изготовляются копии письма, которые будут разосланы всем членам Гильдии, чтобы ознакомить их с положением вещей в новом году. Вы тоже получите такую копию. Мне кажется, выглядит это неплохо. Но если является идиот, который сильнее нас, и связывает руки мне, или Вам, или нам обоим на семь лет, что можно с ним сделать?

Однако, говоря о делах куда более важных — и важнее их не найти на этой нашей переобремененной земле,— я пришел к заключению, что в нашем замученном мире

нет ничего более неудачного и вредоносного, чем палата общин, да и весь парламент в целом.

Я, как положено, переслал Ваше письмо секретарю Драматургического общества.

57

ДЖОЗЕФУ ПАКСТОНУ

Тэвисток-хаус,
воскресенье, 1 марта 1857 г.

Дорогой Пакстон,

Тысяча благодарностей за Ваш любезный и скорый ответ. Мое представление о еженедельном жаловании основывалось на чистых догадках, и я глубоко убежден в правильности того, что Вы считаете правильным.

Пока у меня там живет арендатор (старый священник, поселившийся там тридцать лет назад), но с благовещенья я сам вступаю во владение. Однако нанять садовника я хотел бы как можно скорее: мне кажется, чем раньше он возьмется за дело, тем лучше будет выглядеть летом сад.

Посылайте этого человека, как только Вам будет удобно, и я поговорю с ним, а если мне почему-либо придется уехать, то миссис Диккенс или мисс Хогарт будут снабжены полномочиями на заключение договоров от имени домашнего владыки. Удобнее всего будет, если он явится часов в десять утра. Я думаю, мы не станем наводить о нем справок, так как в этом деле, как и в любом другом, нам вполне достаточно Вашей рекомендации.

Позвольте напомнить Вам об этой переписке, когда лето будет в разгаре, и пригласить Вас как-нибудь в субботу отправиться со мной в обширные владения, где сигары и лимоны растут на всех деревьях.

Палата общин, на мой взгляд, становится хуже с каждым днем. Торжественно заверяю Вас — я с горечью и против воли пришел к заключению, что выборное правительство в нашей стране потерпело позорный крах. Поглядите, какими жалкими партийными сварами занимаетесь Вы сейчас в Вестминстере, и вспомните, как совсем не-

давно рядом с Вашими дверями проходило собрание бедных рабочих, мечтающих об эмиграции! Когда Ваш садовник вырастит в моем саду смородинный куст с корнями в воздухе и эппингскими сосисками вместо ягод, начиненными серной кислотой, я поверю, что страна сумеет избежать банкротства, если ею будет руководить клуб, собранный (разумеется, о присутствующих не говорят) дьяволом под большим колоколом, которому, пожалуй, скоро придется зазвонить по совсем нежданному поводу!

Остаюсь, как всегда, Ваш.

58

МИСС КУТС

Редакция «Домашнего чтения»,
Веллингтон-стрит, 16, Норт, Стрэнд,
четверг, 5 марта 1857 г.

...Теперь Вы, наверное, не замедлите сообщить миссис Браун * «какой он странный человек! Какие необычные мысли приходят иной раз ему в голову!» И все же я не могу скрыть, что считаю неправильным Ваше одобрение этих очерков о костюме. По-моему, они неестественны, надуманны, полны поверхностного морализирования, слишком похожи друг на друга; и короче говоря — настолько же искусственны и аффектированны, насколько претендуют на простоту. Кэтрин Стэнли (страница 36), которая обнаруживает, что не хочет наряжаться (а не забудьте, что молодежь любой страны мира любит наряжаться,— человеческая натура всегда «чуть-чуть вульгарна», и нечего закрывать на это глаза), Кэтрин, повторяю, которая обнаруживает, что не хочет наряжаться, так как без украшений «ею будут больше восхищаться», могла бы быть своей преемницей мисс Кокеткой. Мне кажется, из всей семерки только Кэтрин не лицемерит.

Но за этими исключениями — а в их отношении я прибиваю свой флаг к мачте гвоздями ценой по десять пенсов каждый — книга в целом очень интересна и доставила мне удовольствие. И я от всей души поздравляю Вас...

59

МИСС КУТС

Гостиница Уэйта, Грейвсенд,
вечер четверга, 9 апреля 1857 г.

...Сборник о костюмах мне не понравился главным образом из-за того, что говорят девушки. Я не чувствую за их словами правды и подозреваю, что они писали вопреки естественным побуждениям, которые приносились в жертву нравоучительности. Я нисколько не виню самих девушек, не сомневаясь, что они обманывали себя гораздо больше, чем кого-либо другого, и писали все это из любви к похвалам, куда более неприятной, чем простая любовь к нарядам.

Я также давно уже чувствовал, что вопрос этот чрезвычайно сложен. К тому, что вы с таким мягким изяществом написали в Вашем письме (не сердитесь, что я хвалю его,— оно правда очаровательно) об этом безобидном женском тщеславии и желании нравиться, которыми Мудрость (а в сравнении с ней все наши знания — лишь невежество) на благо человечества наделила женщину в качестве ее отличительных особенностей, я могу добавить лишь одно свое наблюдение, кажущееся мне справедливым. Я постоянно замечаю, что любовь к ярким краскам свидетельствует о щедрой и великодушной натуре. Я убежден, что не такое уж важное на первый взгляд умение находить прелесть в окружающем, ценить его и украшать является основой жизнерадостного, неунывающего и милого характера. Я торжественно заявляю, что *не* знаю, каких благ лишу я дом бедняка, если уничтожу в сердце девушки, на которой он собирается жениться, это естественное чувство.

Это — как пристрастие к крепким напиткам или вообще всякое пристрастие. Опасность не в употреблении, а в злоупотреблении. Умение видеть различие между ними, точное ощущение границы вкуса и приличия являются следствием — одним из следствий — хорошего, простого и здорового воспитания. Прекрасный пол во всех своих сословиях обладает естественной склонностью к нарядам — и я не собираюсь выступать против этой (беру на себя

смелость сказать) приятной, полезной и здоровой черты характера. Щеголихи из общества, которые внушают Вам — так же, как и всем разумным людям,— отвращение, попросту не получили подлинного воспитания. Если вам не нравится Гэдсхилл, я его сожгу — тем более что он застрахован...

60

МИСС ЭМИЛИ ДЖОЛЛИ

Грейвсенд, Кент,
10 апреля 1857 г.

Сударыня,

Я на несколько дней уехал из Лондона, и Ваше письмо было переслано мне сюда.

Могу с полной искренностью заверить Вас, что Ваше уныние и разочарование в собственных силах, на которые Вы жалуетесь, не имеют ни малейшего основания.

Во-первых, о «Мистере Арле». Я часто слышу похвалы этой книге и считаю, что она обладает немалыми достоинствами. Если бы я сказал Вам, что не замечаю в ней никаких следов неопытности, это было бы неправдой. Не лишним было бы и некоторое оживление действия; однако меня удивляет, что она приводит Вас в такое отчаяние,— уверяю Вас, на мой взгляд (если не забывать, конечно, что это Ваша первая книга), она была принята очень хорошо.

Насколько я помню (здесь я не могу навести точные справки), только две Ваши вещи не подошли для «Домашнего чтения». Первая, если не ошибаюсь, называлась «Ручей». Мне кажется, ее погубила путаница между предварительным следствием и судебным разбирательством. Насколько помню, их формы и процедуры, которые ни в коем случае не следует смешивать, были настолько переплетены между собой, что я оказался не в силах навести в них порядок. И вторая — повесть о том, как жена пишет роман втайне от мужа, а он узнает об этом, когда роман уже написан. По моему мнению, такое происшествие слишком незначительно и не заслуживает столь длинного описания. Однако обе эти неудачи никак нельзя считать роковыми.

Когда я говорил с мистером Уилсом о последней вещи, он сказал мне, что у Вас было намерение предложить для «Домашнего чтения» более длинную повесть. Если Вы ее пришлете, уверяю Вас, что с удовольствием прочту ее сам и, если это окажется возможным, буду искренне рад напечатать ее.

Лучший совет, какой я могу Вам дать,— это внимательней вглядываться в окружающую жизнь и стремиться к истинному и благородному в ней. Чтобы ободрить Вас, могу прибавить лишь одно: на мой взгляд, у Вас нет решительно никаких причин для уныния.

Искренне Ваш.

61

ГРАФУ КАРЛАЙЛУ*

Грейвсенд, Кент,
среда, 15 апреля 1857 г.

Дорогой лорд Карлайл,

Я уже несколько дней работаю на берегу реки, и в конце прошлой недели сюда приехала N с Вашим рекомендательным письмом. Меня не было, но так как N специально приехала с этим письмом из Лондона, миссис Диккенс вскрыла его и приняла ее. Эта дама не могла точно объяснить, что ей от меня нужно. Но она сказала, что слышала в Стэффорд-хаусе, будто у меня есть театр, в котором она могла бы выступать с чтением. Последнее было сказано с большой робостью и скромностью и после долгих колебаний.

Но дело в том, что мой маленький театр переворачивает мой дом вверх дном, его установка стоит пятьдесят фунтов и он разобран всего два месяца назад — стало быть, об этом не может быть и речи. Все это миссис Диккенс объяснила N, добавив также, что я ничего не могу сделать для ее чтений, кроме того что они сами могут сделать для себя. Она, по-видимому, согласилась с этим и, собственно говоря, видимо, еще раньше сознавала, насколько я бессилен в подобном деле.

Она рассказала, что больна чахоткой и страдает легочными кровотечениями: казалось бы, при таком условии публичные чтения — это последнее, чем следует заниматься бедняжке.

Говоря между нами, я считаю, что вся эта затея — ошибка, и думал так с самого начала. Она, к несчастью, очень смахивает на попытку разжалобить: что-то вроде дяди Тома и «разве я не человек и не брат?». Ну, пусть так, но это еще не значит, что ты можешь выступать с публичными чтениями и требовать от меня внимания к ним. Город и так зачитан со всех белых клеток шашечницы; его уже сильно замучили со всех черных — то с помощью банджо, то с помощью Эксетер-холла; * и у меня сложилось впечатление, что такого рода оружием его не возьмешь. Я сам, например, кротчайший из людей и питаю глубокое отвращение ко всяческому рабству, но из этого еще не следует, будто мне хочется, чтобы дядя Том (или тетушка Томасина) читали мне «Короля Лира». И я убежден, что так же думают многие тысячи других.

Я так долго надоедаю Вам всем этим, ибо мне, естественно, хочется, чтобы Вы поняли, что, будь в моих силах как-нибудь помочь этой бедной даме или хотя бы дать ей полезный совет, я не преминул бы это сделать. Но помочь ей я не могу, так же как не могу дать ей никакой надежды. Боюсь, что ее затея ни к чему не приведет.

Во время Вашего отсутствия я внимательно следил за Вами по газетам и так радовался тому, что Вы пользуетесь там всеобщей любовью, словно речь шла обо мне самом или о ком-нибудь из моих близких. Но я тут же должен признаться, что предпочел бы видеть Вас здесь — слишком мало у нас хороших государственных деятелей. Я не питаю ни малейшей склонности к демагогам, но остаюсь заядлым радикалом и считаю, что политические знамения нашего времени почти так же плохи, как общественный дух, допускающий их существование. Во всех же остальных отношениях я так здоров, бодр и счастлив, как только может мне пожелать Ваше доброе сердце. Считайте, что мой политический пессимизм — моя единственная болезнь.

Остаюсь, дорогой лорд Карлайл, Вашим
вернейшим и глубоко обязанным.

62

МИСС ЭМИЛИ ДЖОЛЛИ

Тэвисток-хаус,
утро субботы, 30 мая 1857 г.

Сударыня,

Вчера вечером я с величайшим вниманием прочел Вашу повесть. Не могу выразить, с какой неохотой я пишу Вам, так как мнение мое о ней неблагоприятно, хотя я вижу, сколько чувства и сил Вы вложили в ее создание.

Поймите, прошу Вас, что я не претендую на непогрешимость. Я только сообщаю Вам мое искреннее мнение, сложившееся прямо против моей воли. И разумеется, я не считаю его обязательным для других людей, хотя полагаю, что с ним согласятся многие. Я думаю, что такой сюжет невозможно изложить в тех узких рамках, которыми Вы себя ограничили. Три основных персонажа все до одного непонятны читателю, и объяснить Вы их можете, только охватив куда больший срок и с большим тщанием исследовав души Ваших героев. Отъезд Элис может быть оправдан только в том случае, если у нее будет какое-нибудь веское основание считать, что, решившись на этот шаг, *она спасет человека, которого любит.* То, что Вы заставляете его полюбить теперь Элинор, по-моему, очень удачная и правдивая мысль, но воплощена она очень путано и почти наверное останется непонятой. Образ Элинор кажется мне вымученным и неестественным и поэтому снижает напряжение. Особенно это заметно в том месте, когда Элинор думает, что утонет.

Вообще сама идея Вашей повести настолько трудна, что требует чистейшей правды, больших знаний и уменья расцветить ее с начала до конца. А я твердо убежден, что как раз в этом отношении она страдает многими недостатками. Герои не говорят так, как следует говорить подобным людям, а те тонкие штрихи, которые, сделав жизненным описание загородного дома и окружающего пейзажа, придали бы жизненность людям, полностью отсутствуют. Чем больше Вы стараетесь обрисовать страстную натуру Вашей героини, тем более необходимым становится это общее впечатление правдивости окружающей обстановки. Оно, так сказать, заставило бы читателя поверить, что перед ним

живой человек. А теперь, непрерывно вспыхивая, как большой фейерверк, лишенный фона, ее характер сверкает, завивается в спирали, шипит и гаснет, так ничего и не осветив.

И последнее: боюсь, что Ваша героиня слишком уж судорожна от начала до конца. Прошу Вас, попробуйте с этой точки зрения заново просмотреть ее чело, ее глаза, ее манеру выпрямляться во весь рост, ее благоухающее присутствие и ее вплывание в комнаты, а кроме того, и ее вопросы к окружающим — как они смеют и тому подобное — по самым ничтожным поводам. Когда она слышит, как играют ее музыку, она, по-моему, становится особенно противной.

Я не сомневаюсь, что если Вы оставите эту повесть у себя года на три, на четыре, вы придете к такому же заключению, как и я. В ней столько хорошего, столько размышлений, столько страсти и убежденности, что, если я прав, Вы, несомненно, еще вернетесь к ней. С другой стороны, мне кажется, что опубликование ее в теперешнем виде вряд ли окажет Вам большую услугу или будет для Вас приятным впоследствии.

Я, разумеется, не могу судить, достаточно ли у Вас терпения, чтобы заниматься литературой, но склонен думать, что его у Вас мало и что Вы недостаточно дисциплинированны. Когда мы чувствуем потребность что-либо написать, мы все же должны взвесить: «Насколько это выразит мою мысль? Насколько это мои собственные бурные чувства и излишняя энергия — и что же тут действительно принадлежит этому идеальному характеру и этим идеальным обстоятельствам?» Чтобы разобраться в этом, требуется много труда, но только в решимости взяться за него и лежит путь к исправлению недостатков. В доказательство искренности, с которой я пишу все это, позволю себе добавить, что сам я человек нетерпеливый и импульсивный, но уже много лет заставляю себя проделывать за своим письменным столом все то, что советую Вам.

Я не стал бы писать так много и так откровенно, если бы не Ваше последнее письмо. Оно, казалось, требовало, чтобы я отвечал Вам с полной искренностью, что я и сделал в этом письме, не умалчивая ни о чем, как приятном, так и неприятном.

Искренне Ваш.

63

ФРЭНКУ СТОУНУ

Понедельник, 1 июня 1857 г.

Дорогой Стоун, то, что я хочу сказать Вам, будет не совсем приятно, но я надеюсь на здравый смысл автора заметок и высказываю свое искреннее мнение, зная, что меня поймут так, как нужно.

Ее заметки губит избыток остроумия. Создается впечатление какого-то постоянного усилия, которое наносит удар в самое сердце повествования, утомляя читателя не тем, что сказано, а тем, как все это сказано. Этот недостаток — один из самых распространенных в мире (как я имел возможность постоянно отмечать, работая здесь), но тем не менее к нему не следует относиться легко. Ведь Вы не поставите к себе на стол épargne[1] или подсвечник, поддерживаемый хрупкой женской фигуркой, которая стоит на носочках в позе, явно не предназначенной для такого рода тяжести,— и точно так же читателя огорчила бы или насторожила манера автора, который рисует мир одной только светлой краской своего остроумия, тогда как читатель знает, что в картине должны присутствовать гораздо более глубокие и темные тона. Конечно, легкость и живость — очаровательные качества, неотделимые от заметок о веселом путешествии, однако читатель должен почувствовать не только юмор автора, но и его доброжелательное отношение ко многим и многим вещам. Оно может быть выражено всего одним словом, иногда может быть достаточно намека, но без этого маленького качества никакой юмор невозможен. В этой небольшой рукописи автор слишком ко многому снисходит покровительственно и свысока, тогда как малейшее проявление участия, например, к самым простым и необразованным крестьянам или теплоты к некрасивой горничной, у которой блестело лицо, потому что она его чем-то намазала, желая произвести приятное

[1] Копилка *(франц.)*.

впечатление, сразу бы изменило все. Но чтобы почувствовать эту разницу, автор должен попытаться писать иначе. Описание колокольного звона — единственное место во всей рукописи из двадцати одной страницы, которое читаешь с удовольствием. И читаешь с удовольствием просто потому, что здесь выражено какое-то чувство. Вряд ли в душе читателя найдет отклик добросовестный пересказ, сделанный равнодушным человеком, или описание, где прежде всего бросается в глаза желание автора продемонстрировать свои собственные прекрасные чувства. Зато как бывает приятно, когда все, о чем он пишет, проникнуто живым, искренним чувством! В этом как раз и заключается разница между шутливым отношением и жестокостью. И снова я должен повторить — особенно для молодых писателей: ради всего святого, никогда не пишите ни о чем снисходительно! Откажитесь от манеры, показывающей всем, как умны вы сами и какие чудаки все остальные. Все, что угодно, только не это!

Чувствуется, что у автора заметок отличный дар наблюдательности, и мне особенно понравился мальчик-посыльный и все, что о нем написано. Я ничуть не сомневаюсь, что и остальную часть дневника можно было сделать гораздо лучше, если бы только автору захотелось. Если она на минуту задумается, то поймет, что получила удовольствие от всего, что ей пришлось увидеть во время путешествия потому, что мир явился ей в живой игре света и тени, и потому, что от всего, окружающего человека, в его душу тянется бесконечное число тончайших нитей. Невозможно передать хотя бы часть этого удовольствия кому бы то ни было, показывая вещи с одной только точки зрения, где кругозор сильно сужен,— особенно когда постоянно ощущается присутствие автора, выступающего в роли благодетельницы вселенной, где прозябают миллионы низших существ. Вот почему любой читатель имел бы право возразить против заметок (если бы они когда-нибудь были напечатаны), считая их не в меру легковесными и слишком остроумными.

Поскольку, по моему мнению, вопрос этот касается только нас троих и поскольку Ваше доверие, равно как и доверие автора заметок, требует от меня исполнения долга, налагаемого узами дружбы, я считаю, что сделал все от

меня зависящее. Может быть, я подошел к заметкам более критически, чем Вы того хотели или ожидали; если так случилось, то только потому, что я не остался равнодушным и хотел убедить Вас в этом. Если бы, говоря о недостатках рукописи, я не считал их легко устранимыми, я бы, вероятно, задумался, прежде чем писать о них. Но, к счастью, это не так. Нужно совсем немного, чтобы не только автор, но и читатель почувствовали мягкий, здоровый юмор и благожелательность во всем этом веселье.

Искренне Ваш.

64

ДЭНИЭЛУ МАКЛИЗУ*

Тэвисток-хаус,
8 июля 1857 г.

Дорогой Маклиз,

Можем считать, что мы квиты. Удовольствие, которое я доставил Вам Ричардом Уордуром*, никак не может превосходить то, которое Вы доставили мне, одобрив его. В постоянной погоне за воплощением истины, которая составляет и радость и муку нашей жизни — жизни людей, подвизающихся в области искусства, подобный образ интересен для меня потому, что дает мне возможность, так сказать, писать книгу в содружестве с кем-нибудь, а не в одиночестве моего кабинета, и позволяет узнать у читателей, какое впечатление она производит. А когда я узнаю это от читателя, подобного Вам, трудно придумать что-либо увлекательнее. Нет более интересного для меня повода излить накипевшую во мне ярость.

Ловлю Вас на слове! Когда мы кончим, я пошлю Вам эту книгу на отзыв.

Видели бы Вы, как высоко участники «содружества» оценили Вашу высокую оценку, когда я сообщил им о ней. Право, Вам было бы приятно — так хорошо оно понимает все ее значение.

Королеве, несомненно, все чрезвычайно понравилось. Я получил в воскресенье письмо самого неофициального и непридворного характера. Она послала за мной после спек-

такля, но я принес свои извинения, объяснив, что не могу явиться ни в каком костюме, кроме моего собственного.

Когда Вы посетите Гэдсхилл?

Всегда Ваш.

65

У. ДЖ. КЛЕМЕНТУ

Тэвисток-хаус,
пятница, 10 июля 1857 г.

...Ваше письмо, полученное сегодня утром, удивило меня. Через два-три дня после получения рукописи этого бедного мальчика я отослал ее Вам вместе с письмом о ней. Я не помню точно, был ли я тогда здесь или в Грейвсенде. В таком случае я сам отправил письмо, но как бы то ни было, я твердо знаю, что отправил Вам ответ вместе с рукописью.

Точные слова моего ответа я, разумеется, забыл, ибо веду огромную переписку и должен помнить множество вещей. Я помню, что мне было трудно написать так, чтобы не возбудить ложных надежд. Если не ошибаюсь, я написал Вам, что в этом юношеском произведении есть кое-какие достоинства, но я не заметил в нем никаких признаков особенного таланта, отличающегося от простых способностей; что вряд ли автор может сделать больше того, что делают многие молодые люди, да и это не очень успешно. Я указал на различие между тем, что можно считать интересным и талантливым в кругу друзей, и тем, что адресуется широкой публике, которую совершенно не интересуют обстоятельства создания произведения и которая судит о нем только по его собственным достоинствам. Кажется, я кончил, указав, что, буде этот молодой человек захочет что-нибудь предложить в «Домашнее чтение», я сам прочту рукопись, если мне ее пришлете Вы.

Поймите, прошу Вас, что это письмо действительно было написано, и я почти не сомневаюсь, что сам его отослал.

Я должен был бы очень измениться и сменить свой характер, как змея меняет кожу, чтобы пренебречь Вами,— ведь я питаю к Вам искреннюю дружбу и меня познакомил с Вами наш бедный милый Тальфур.

66

У. Ч. МАКРИДИ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера,
понедельник, 3 августа 1857 г.

Мой милый Макриди,

Я выступал в Манчестере в прошлую пятницу. Присутствовало столько народу, что Вы и представить себе не можете. Коллекция картин на выставке изумительная. Очень приятно, с какой силой утверждает себя новая английская школа. Внимание к простым людям, проявившееся в заботе об их удобствах, также восхитительно и достойно всяческих похвал. Но им нужно больше развлечений и особенно (так мне кажется) что-нибудь движущееся, будь то хоть вращающийся фонтан. Они проводят свою жизнь у машин, и все это для них слишком неподвижно, так что искусство ускользает от их взгляда.

Надеюсь, Вы видели мою схватку с «Эдинбургом»? * Эта мысль пришла мне в голову в прошлую пятницу, когда я ехал в Сент-Мартинс-холл, чтобы читать «Рождественскую песнь». И я тут же на месте написал половину статьи. На следующее утро вскочил с постели ни свет ни заря и к полудню закончил ее. Отправился в Галерею Иллюстраций * (мы в тот вечер играли), сделал все дела, правил корректуру в полярном костюме в своей уборной, разбил два номера «Домашнего чтения», чтобы немедленно поместить ее, сыграл в «Замерзшей пучине» и в «Дяде Джоне», председательствовал на званом ужине, произнес множество тостов, отправился домой, четыре часа проворочался в постели, затем крепко уснул, а на следующий день был так же свеж, как бывали Вы в далекие дни своей буйной юности.

Всегда Ваш.

67

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Гэдсхилл,
5 сентября 1857 г.

...К большей части сказанного Вами — аминь! Вы, пожалуй, слишком нетерпимы к прихотливому и неугомонному чувству, которое (на мой взгляд) является частью того, на чем держится жизнь воображения и что, как Вы должны бы знать, мне частенько удается подавить, только перескочив через препятствие по-драгунски. Но оставим это. Я не хнычу и не жалуюсь. Я согласен с Вами относительно весьма возможных неприятностей, еще более тяжелых, чем мои, которые могут случиться и часто случаются между супругами, вступившими в брак слишком рано. Я ни на минуту не забываю, как удивительно дано мне познавать жизнь и высшие ее ощущения, и я много лет говорил себе совершенно честно и искренне, что это — неизбежная, темная сторона подобной профессии и жаловаться не стоит. Я говорю это и чувствую это теперь так же, как и прежде; и я уже писал Вам в предыдущем письме, что не хочу поэтому ничего затевать. Но с годами все это не стало для нас легче, и я невольно чувствую, что должен что-то предпринять — столько же ради нее, сколько ради себя самого. Но я слишком хорошо знаю, что это невозможно. Таковы факты, и больше сказать нечего. И не думайте, пожалуйста, что я скрываю от себя возможные доводы другой стороны. Я не утверждаю, что я безгрешен. Вероятно, я сам виноват в очень многом — в нерешительности, в капризах, в дурном настроении; но лишь одно изменит это — конец, который изменяет все...

Что Вы скажете, если я, чтобы заплатить за этот дом, вернусь к мысли о чтениях моей книги? Меня это сильно соблазняет. Подумайте об этом.

...Идет сбор хмеля, и сборщики спят в саду и дышат в дверную скважину. Меня и прежде поражало, сколько несчастных, еле ползающих живых скелетов занимается сбором хмеля. Оказалось, существует поверье, что пыльца свежесобранного хмеля, попадая в горло, излечивает чахотку. И вот эти бедняги бродят по дорогам, спят под мокрыми кустами и вскоре излечиваются разом и окончательно.

68

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Сентябрь 1857 г.>

...Ваше вчерашнее письмо было таким ласковым и сердечным, заставило мягко звучать столько струн, которых мы касались вместе, что я не могу не ответить на него, хотя мне почти нечего (во всех отношениях) сказать. Мои слова о «признаниях» показывали только, какое облегчение для меня высказать хотя бы часть того, что накопилось в моей душе. Бедняжка Кэтрин и я не были созданы друг для друга, и этому ничем нельзя помочь. И беда не только в том, что она делает мою жизнь тяжелой и несчастной; главное — то, что я порчу ее жизнь, и гораздо больше, чем она мою. Она действительно такая, какой вы ее знаете,— добрая и покладистая, но как супружеская пара мы слишком мало подходим друг для друга. Бог свидетель, она была бы в тысячу раз счастливее, если бы вышла замуж за человека, на меня не похожего; если бы ей только удалось избежать такой судьбы, это все равно было бы лучше для нас обоих. У меня разрывается сердце, когда я думаю, каким несчастьем было для нее, что я оказался на ее пути. Если бы я завтра заболел, стал бы калекой, я знаю, как она горевала бы и как я сам страдал бы оттого, что мы потеряли друг друга. Но стоило бы мне выздороветь, и сразу же между нами встало бы все то же несоответствие характеров; и ничто на свете не помогло бы ей понять меня или сделать нас подходящими друг для друга. Ее характер не соответствует моему. Это было не так уж важно, пока нам приходилось думать только о себе, но с тех пор появилось много причин для того, чтобы любые попытки все уладить оказались безнадежными. То, что теперь случилось со мной, надвигалось уже давно — с памятных Вам дней, когда родилась Мэри; и я слишком хорошо понимаю, что ни Вы и никто другой не может мне помочь. Я даже не знаю, зачем я пишу все это, но в том, что Вы будете ясно понимать, как обстоят дела, есть какое-то грустное утешение. Простое упоминание об этом, без каких-либо жалоб и упреков, уже дает мне некоторое облегчение в моем теперешнем состоянии духа — и, кроме Вас, я ни у кого не могу найти утешения, так как ни с кем не могу говорить об этом...

69

МИСС КУТС

Гэдсхилл,
воскресенье, 4 октября 1857 г.

...В последний раз, когда я видел Лейарда, я заметил, что он ужасно постарел. Я осмелился намекнуть ему, что, по моему мнению, он сам в этом виноват, так как не желает предоставить благородную игру в политику мошенникам, дуракам и pococuranti [1], чтобы они нас окончательно погубили.

Когда я вижу, как люди изо дня в день пишут письма в «Таймс» о том, что такой-то или такой-то класс не вступает в армию и нисколько ею не интересуется, и когда я думаю о том, насколько хорошо мы все понимаем, что позволили возникнуть системе, которая уничтожила благородное честолюбие и лишила простого человека надежды на награду, и о том, как наше дворянство разоружило наших крестьян,— когда я думаю обо всем этом, то меня охватывает бешенство.

Жаль, что я не могу стать главнокомандующим в Индии. Я начал бы с того, что вверг бы эту восточную расу в удивление (отнюдь не относясь к ним, как если бы они жили в лондонском Стрэнде или Кемдентауне), объявив им на их собственном языке, что считаю себя назначенным на эту должность по божьему соизволению и, следовательно, приложу все усилия, чтобы уничтожить народ, запятнанный недавними жестокостями; * и что я прошу у них любезности заметить, что я нахожусь здесь только для этого и отныне приступаю со всем приличным старанием и милосердной скоростью к тому, чтобы исключить ее из рядов человечества и стереть с лица земли...

...Мистер Коллинз (которому еще ни разу не удалось отправиться со мной в какую-либо поездку и не пострадать при этом) на второй же день вывихнул ногу, и мне приходилось носить его à la Ричард Уордур в гостиницы и из гостиниц, в железнодорожные вагоны и т. д. и т. п. до

---

[1] Равнодушные *(итал.)*.

самого конца нашей поездки. Теперь в «Домашнем чтении» Вы сможете почитать наше «Ленивое путешествие» *. В нем содержатся несколько описаний (гм!), замечательных своей прихотливой верностью, а также две страшные истории — первая в следующую среду о несчастном калеке, а вторая — в среду через две недели, то есть в четвертой части, написанной Вашим покорнейшим слугой,— небольшой рассказ с кое-какой дьявольщиной...

70

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Октябрь 1857 г.>

...Слишком поздно советовать мне утихомириться и не взбираться на гору бегом. Теперь мне это не поможет. Мое единственное спасение — в действии. Я потерял способность отдыхать. Я глубоко убежден, что стоит мне дать себе передышку, и я заржавею, надломлюсь и умру. Нет, уж лучше делать свое дело до конца. Таким я родился и таким умру — в этом меня убеждает, увы! печальный опыт последних лет. Тут уж ничего не поделаешь. Я должен поднатужиться и терпеть этот изъян. Впрочем, изъян ли это? Я не уверен. Как бы то ни было, я не могу уйти с поста.

71

ЭДМУНДУ ЙЕТСУ *

Тэвисток-хаус,
вечер понедельника, 16 ноября 1857 г.

Дорогой Йетс,

Я с удовольствием беру Ваш рассказ, и мне незачем говорить Вам, что Вы нисколько не ошиблись в последних строчках Вашего письма.

Поэтому извините меня, если я позволю себе сказать два-три слова о том, что, по-моему мнению (я говорю это

с мыслью о будущем), могло бы послужить к улучшению рассказа. Зачин великолепен, но он слишком уж полностью переходит в рассказ ирландца, не освещает его изображением окружающей жизни или обстоятельств, при которых он ведется, и не проводит через него с той неуловимой тонкостью, по моему мнению, необходимой, нить, которой Вы начали свою пряжу. Я прошу Уилса переслать мне корректуру, и, когда внимательно ее прочту, постараюсь показать Вам, что я имею в виду.

Искренне Ваш.

72

ДЖОНУ ХОЛЛИНГСХЕДУ*

Тэвисток-хаус,
вечер субботы, 12 декабря 1857 г.

Дорогой сэр,

Хотя этот фарс строится на очень забавной (и оригинальной) идее, я не думаю, чтобы он годился для сцены. Мне кажется, он кончается хуже, чем начинается, и, на мой взгляд, актеру там почти «нечего делать». Самая лучшая роль здесь — роль мистера Мэрнеста. Но Вам не удастся поставить эту пьесу как следует, если Крэнки не будет играть хороший актер, а в такой пьесе хороший фарсовый актер не захочет играть упомянутого Крэнки, потому что роль эта не настолько сильна, чтобы надолго овладеть вниманием публики. Это мое мнение не как писателя, а как актера.

Чтобы сделать этот фарс сценичным, необходимо предоставить в нем гораздо больше места Крэнки, добавив что-нибудь к сюжету, чтобы он оказался в более нелепом положении благодаря каким-либо новым своим злоключениям. Вот, например, если бы у него был зуб против какого-нибудь человека, о котором он знал бы только, что его фамилия начинается с П.; или если бы у него был соперник по фамилии Поджерс еще до его брака с миссис Крэнки; или если бы растратчик Поджерс сбежал с приданым миссис Крэнки; или если бы банк Доджерса и Доджер-

са лопнул, причинив ему ущерб. И вот эта беда, в чем бы она ни заключалась, была бы наконец исправлена благодаря появлению этого Поджерса (явившегося искупить свою вину), который, собственно говоря, родился там, но объяснил бы, что он не собирался там рождаться, но что в окрестностях Бедлама его матушку напугал некий поэт, и она в извозчичьей карете отправилась искать приюта в этом доме или у родственников,— в этом случае, я думаю, вы сможете заручиться помощью мистера Бакстона. Затем услужливые господа и дамы кинутся в окрестности Бедлама на поиски бессмертного Поджерса, а смертный Поджерс предоставит заключение фарса мистеру Крэнки. Если Вам удастся достигнуть чего-нибудь в этом роде, я думаю, фарс будет иметь большой успех. Но без этого — ни в коем случае.

Искренне Ваш.

73

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ*

Тэвисток-хаус, Лондон,
понедельник, 18 января 1858 г.

Дорогой сэр,

Два первых рассказа в книге, которую Вы были так любезны послать мне через господ Блеквудов, произвели на меня очень сильное впечатление и, я надеюсь, Вы извините мое желание написать Вам, чтобы выразить восхищение их необыкновенными достоинствами. Я никогда еще не видел ничего, что могло бы сравниться с удивительной верностью и изяществом как юмора, так и трогательности этих рассказов; и даже если бы у меня хватило дерзости попробовать, я не сумел бы сказать Вам, как сильно они на меня подействовали.

Обращаясь с этими краткими словами благодарности к создателю несчастной судьбы мистера Эмоса Бартона и печальной любви мистера Гилфила, я (полагаю) должен пользоваться именем, которое было угодно принять этому великолепному писателю. Я не могу придумать

лучшего, но если бы это зависело только от меня, мне бы очень хотелось обратиться к названному писателю, как к женщине. В этих трогательных историях я заметил изящную тонкость женской руки, и даже теперь не могу удовлетвориться заверениями титульного листа. Если же они все-таки не принадлежат женщине, то могу сказать только, что с начала времен еще ни одному мужчине не удавалось так искусно придать себе духовный облик женщины. Поверьте, что я пишу это не из нескромного желания разгадать Вашу тайну. Я упомянул об этом только потому, что для меня это очень важно — а не из простого любопытства. Если Вы когда-нибудь захотите показать мне лицо того мужчины — или женщины,— кому принадлежат эти очаровательные произведения, для меня это будет памятным событием. Но если я ошибаюсь, то всегда буду относиться к этой таинственной особе с любовью и уважением и обращаться ко всем будущим произведениям того же пера с непоколебимой уверенностью, что они сделают меня мудрее и лучше.

Глубоко Вам обязанный, покорный
Ваш слуга — и почитатель.

74

У. М. ТЕККЕРЕЮ

Тэвисток-хаус,
вторник, 2 февраля 1858 г.

Парламент, в своей великой премудрости издавший акт об учреждении Гильдии, который стоил огромных денег ее учредителям, запрещает этой корпорации производить какие бы то ни было действия, пока она не просуществует без всякой пользы и в полном бездействии в течение семи лет. Эта статья закона, плод творчества какого-то понаторевшего на составлении частных биллей * высокопоставленного бюрократа, казалась столь чудовищно нелепой, что никто не принимал ее всерьез. Однако в тот момент, когда мы уже были готовы выдать

первую щедрую пенсию одному литератору, я почуял недоброе и обратился к юрисконсульту, который подтвердил всю обоснованность моих опасений. Поэтому даже нет смысла запрашивать, имеет ли право наша ассоциация, близкая по своему характеру к обществам взаимного кредита, ссылаться на прецедент, о котором Вы мне сообщили. Запрещение не может быть снято в течение по крайней мере двух или трех лет.

Искренне Ваш.

75

УЭСТЛЕНДУ МАРСТОНУ*

Тэвисток-хаус,
среда, 3 февраля 1858 г.

Дорогой Марстон,

От всей души поздравляю Вас с Вашей очаровательной пьесой. Она произвела на меня такое впечатление, что я не сумел бы выразить его Вам, даже если бы и попробовал. Если не считать «La Joie fait peur» *, я не видел ничего, что могло бы идти в сравнение с ней; а тонкость умилительного образа беззаботной девочки, которая ради Ребена становится женщиной, способной на высочайшее самопожертвование, бесконечно превосходит мадам де Жирардэн. Не могу выразить Вам, как я восторгался пьесой вчера и какие искренние лил слезы. Трогательная мысль, полная такого изящества, воплощена истинным художником и поэтом с благородной мужественной щедростью, и никто, ознакомясь с ней, не сможет остаться равнодушным.

Все актеры играли превосходно, но мистер Диллон был поистине восхитителен и заслуживает самых горячих похвал. Как приятно в наши дни видеть актера, с таким пылом отдающегося своему искусству и играющего с такой естественностью и силой! Есть только одна мелочь, которую, я думаю, ему следовало бы изменить. Я убежден, что ни один человек — и уж во всяком случае, такой человек — не станет мять письма, написанного рукой

любимой женщины. Он может, конечно, бессознательно прижать его к сердцу и в то же время растерянно искать его взглядом; или он может сделать что-нибудь, что выражало бы ту нежность, любовь, которая для него связана с мыслью о ней, но ни при каких обстоятельствах он не стал бы мять ее письма, скорее уж он смял бы ее сердце.

По тому, что я заметил такую мелочь в такой великолепной игре, Вы можете судить, как внимательно я следил за Диллоном. Никто не может сравниться с ним в этой роли, и я должен признаться, что он не только заворожил меня, но и удивил.

Я думаю, что стоило бы предложить эту вещь «Комеди Франсэз». Им очень удаются одноактные пьесы; такие пьесы пользуются там большим успехом, а эта кажется мне очень подходящей для них. Если бы Вы захотели, чтобы Сансон или Ренье прочли Вашу пьесу (поанглийски), то, будучи хорошо с ними знаком, я был бы рад сообщить им, что я послал ее с Вашего разрешения, потому что она мне очень понравилась.

Искренне Ваш.

76

АРТУРУ СМИТУ*

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
вторник, 25 мая 1858 г.

Мой дорогой Артур,

Я не только разрешаю, но даже прошу Вас показывать прилагаемое письмо и тем, кто относится ко мне доброжелательно, и тем, кто, будучи введен в заблуждение, станет судить меня несправедливо.

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
вторник, 25 мая 1858 г.

Наша совместная жизнь с госпожой Диккенс была несчастливой уже в течение многих лет. Для каждого, кто

знал нас близко, без сомнения, было ясно, что трудно найти супругов, которые бы менее подходили друг к другу по характеру, темпераменту и во всех других отношениях, чем мы с женой. Вряд ли когда-либо существовала семья, в которой муж и жена, сами по себе неплохие люди, так не понимали бы друг друга и имели бы так мало общего. Это может подтвердить наша преданная служанка (она была нам скорее другом), которая, прожив с нами шестнадцать лет, вышла замуж, но по-прежнему пользуется полным доверием г-жи Диккенс, так же как и моим. Она имела возможность изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год близко наблюдать прискорбное состояние нашей семейной жизни, будь то в Лондоне, во Франции, Италии — всюду, где мы были вместе.

Мы не раз собирались расходиться, но единственной, кто стоял на пути к разрыву, была сестра г-жи Диккенс, Джорджина Хогарт. С пятнадцатилетнего возраста она целиком посвятила себя нашей семье и нашим детям, для которых она была и няней, и учителем, и участницей их игр, и защитником, и советчиком, и другом.

Что касается моей жены, то из чувства уважения к ней лишь замечу, что в силу особенностей своей натуры она всегда перекладывала заботу о детях на кого-либо другого. Я просто не могу себе представить, что сталось бы с детьми, если бы не их тетка, которая вырастила их, снискала их искреннюю преданность и пожертвовала ради них своею молодостью, лучшими годами своей жизни.

Глубоко страдая за нас, она увещевала, убеждала нас и всеми силами старалась не допустить разрыва между г-жой Диккенс и мною. Г-жа Диккенс часто благодарила сестру за ее любовь к детям и заботы, которыми она их окружила; особенно часто она выражала свою признательность в этот последний год.

Уже в течение нескольких лет г-жа Диккенс неоднократно давала мне понять, что для нее было бы лучше уехать и жить отдельно от меня. Она говорила, что пропасть между нами все увеличивается, и это усугубляет состояние подавленности, которое у нее иногда бывает, что она не в силах более жить со мной и что ей лучше

покинуть наш дом. Я всегда отвечал на это, что мы должны примириться со своим несчастьем и нести свой крест до конца, что мы должны это сделать ради детей и быть вместе хотя бы «для других».

Наконец, приблизительно три недели тому назад, Форстер убедил меня, что в интересах самих детей будет, несомненно, лучше, если мы направим их жизнь в новое, более счастливое русло. Я уполномочил его как нашего общего друга вот уже в течение двадцати одного года переговорить с г-жой Диккенс, а она со своей стороны поручила представлять свои интересы Марку Лемону.

В прошлую субботу Лемон написал Форстеру, что г-жа Диккенс «с благодарностью принимает» условия, предложенные мною.

Что касается денежной стороны вопроса, скажу только, что я был так щедр, как будто г-жа Диккенс знатная дама, а я сам человек со средствами. Вот вкратце остальные условия: старший сын будет жить с матерью и всячески помогать ей, старшая дочь останется хозяйкой в моем доме; остальные дети также останутся со мной, вместе со своей тетей Джорджиной, к которой они привязаны всей душой, так, как редко могут быть привязаны к кому-либо юные сердца, и которая (о чем я не уставал твердить в течение многих лет), как никто другой в этом мире, заслуживает мою горячую признательность и уважение.

Я надеюсь, что никто из тех, кто ознакомится с этим письмом, не будет настолько жесток и несправедлив, чтобы неправильно истолковать наш разрыв. Мои старшие дети полностью отдают себе отчет в происшедшем и принимают его как неизбежное. Между мной и детьми царит полное взаимное доверие, и старший сын согласен со мной во всем.

Два злопыхателя, которым, хотя бы из чувства уважения и благодарности, следовало бы отзываться обо мне совсем иначе, связали случившееся с именем одной молодой особы, которой я чрезвычайно предан. Я не назову ее имени, ибо я слишком высоко ее ставлю. Клянусь честью, на всей земле нет более добродетельного и незапятнанного существа, чем эта особа. Она так же чиста и невинна, как мои любимые дочери.

Далее, я убежден, что г-жа Диккенс поверит всему, что я здесь написал, из чувства уважения, которое, как я знаю, она питает ко мне, а также потому, что она верит в мою искренность и правдивость, что́ она не раз подтверждала в лучшие минуты нашей совместной жизни.

По этому вопросу между мною и детьми также нет никаких недомолвок. Наши отношения основываются на полной откровенности, как у братьев и сестер. Они знают, что я никогда не стану обманывать их, и наше взаимное доверие непоколебимо.

Приложение

Мы узнали, что в связи с разрывом семейных отношений между г-ном и г-жой Диккенс распространяются утверждения, что этот разрыв будто бы имел место вследствие обстоятельств, бросающих тень на репутацию г-на Диккенса, а также на доброе имя других лиц.

Мы торжественно заявляем, что отвергаем подобные утверждения, как не имеющие никаких оснований. Нам известно, что г-жа Диккенс не верит этим утверждениям. Мы обещаем во всех случаях выступать против них.

(Следуют подписи миссис Хогарт и ее младшей дочери.)

77

НЕЛСОНУ ЛИ

Тэвисток-хаус,
суббота, 29 мая 1858 г.

Дорогой сэр,

Я сумел просмотреть рукопись Вашей «Биографии» только два или три дня тому назад, так как все это время был занят более обычного.

У меня нет слов, чтобы достойно восхвалить скромность ее тона и ненавязчивое мужественное благородство, которым она пронизана. Она подтверждает все хорошее, что я когда-либо о Вас слышал, и показывает Вас в очень естественном и приятном свете.

Но с большим сожалением я должен, однако, прибавить, что, несмотря на все свои достоинства, она по своему характеру вряд ли будет иметь успех у широкой публики. Мне кажется, что она всецело ограничена кругом театральной профессии и даже не охватывает ее целиком. Поэтому я уверен, что вряд ли найдется издатель, который решится пойти на подобный риск. Если бы такой издатель и нашелся, я считал бы, что он совершает ошибку, а если бы книга хотя бы окупила расходы по своему изданию, то, значит, сильно ошибаюсь я.

В литературе существует уже множество описаний бродячей жизни, в том числе и жизни актера. Значительное число таких описаний существует и в биографической литературе. А в пережитом Вами я не нахожу разнообразных и интересных приключений, которых непременно будут ждать читатели, привлеченные такой темой. То же, что касается руководства театром, бенефисов и афиш, на мой взгляд, может заинтересовать только горсточку людей. Я помню много случаев, когда это проверялось на практике, и ни один из них не опровергает моего мнения.

Жизнь всякого целеустремленного, трудолюбивого и честного человека — поучительный урок, но урок этот нужно прожить, а не описывать. В Вашей биографии я не нахожу достаточных оснований для того, чтобы ее стоило описывать, хотя, несомненно, это предмет законной гордости и интереса для Вашей семьи и, может быть, для кое-кого из Ваших собратьев по профессии. Но ни тех, ни других нельзя смешивать с широкой публикой, а в этом-то, на мой взгляд, и заключалась бы ошибка, если бы Вашу биографию издали.

Искренне Ваш.

78

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, понедельник, 6 сентября 1858 г.

Дорогой Уилки,

Во-первых, позвольте сообщить Вам, что я нахожусь здесь меньше сорока восьми часов. Я прибыл наконец (и прямым путем — довольно трудное путешествие) из Лимерика.

Работа нелегкая, иногда даже слишком, но я справляюсь и приехал сюда совсем свежим.

Позвольте порекомендовать Вам вложенное письмо от Уигена в качестве великолепной статьи в Вашем стиле для «Домашнего чтения». Вполне можно ссылаться непосредственно на него или на Фелпса, с которым случилось то же самое года два назад вблизи Айлингтона — дело касалось его умной и прелестной маленькой дочки. Мне кажется, это превосходный случай, чтобы поговорить о сословном чванстве, коснувшись и других школ, которые объявляют, что в них учатся «только сыновья джентльменов», и еще о справедливом признании большей либеральности таких наших школ, как Итон. В Итоне учатся сыновья торговцев, и там учился Чарльз Кин, а Макриди (тоже сын актера) учился в Регби. Заголовок вроде «Ученое лакейство» или что-нибудь столь же презрительное может раскрыть смысл статьи. Безусловно, такому директору нужно проглотить все серебряные вилки, которые ученикам полагается привозить с собой и не полагается увозить. И разумеется, он не мог бы существовать, если бы к нему десятками не обращались лакействующие персоны.

Во-вторых,— ах, нет, это уже в-третьих,— о рождественском номере. Я собираюсь кончить мои чтения так, чтобы освободиться к 15 ноября. И значит, у меня будет достаточно времени, чтобы написать хорошую вещь, если мне что-нибудь придет в голову. Как Вы смотрите на то, чтобы нам построить рождественский номер на мысли, которую я Вам сейчас коротко изложу? Какой-нибудь разочарованный человек, мужчина или женщина, прежде-

временно — с причиной или без причин — возненавидев свет (этот человек, по-моему, должен быть молодым), уединяется в каком-нибудь старом доме, расположенном в пустынной местности, или на старой мельнице, или еще где-нибудь, с единственным слугой, и решает скрыться там от мира и не искать с ним никакого общения. Единственный слуга видит нелепость этой мысли, притворяется, что сочувствует ей, но на самом деле старается ее опорочить. Все, что с ними случается, любой человек, оказывающийся вблизи, каждый намек на человеческие интересы, который доносится в старый дом из деревни, или пустоши, или с перекрестка двух дорог, вблизи которых он расположен и откуда в него забредают усталые путники, ясно показывает, что нельзя отгородиться от мира, что вы живете в нем, принадлежите ему и оказываетесь в нелепом положении, как только попытаетесь оторваться от жизни, что вы должны жить в нем, и жить как можно лучше, и к тому же стараться стать как можно лучше.

Если мы сможем найти способ сделать это вместе, я не побоюсь взяться за свою часть, а если нет, то не можем ли мы найти способ сделать это, использовав чужие рассказы? Если же это невозможно (но я в это не верю), не вернуться ли нам вновь к циклу новелл? Но если возможно, я хотел бы без этого обойтись. Вы об этом подумаете?

Остаюсь, дорогой Уилки, любящий Вас.

79

У. Г. УИЛСУ

Вокзальный отель, Ньюкасл,
в пятницу днем, 24 сентября 1858 г.

Дорогой Уилс,

Возвращаю подписанный чек.

Я только что явился сюда из Сандерленда в час дня и сумел лишь посмотреть на зал. Его обновили с тех пор, как мы здесь играли. Он стал большим и может вместить

немалые деньги. Надеюсь, он их и вместит сегодня вечером и завтра.

Вы удивитесь, услышав, что вчера вечером в Сандерленде мы не получили почти никакой прибыли. Я читал в очень красивом новом театре, и зал, казалось, был полон, но он оказался не настолько полон, чтобы принести прибыль. В последнем тамошнем банковском крахе пропало полмиллиона, принадлежащих только Сандерленду, и, говорят, город с тех пор так и не сумел поднять головы. Вероятно, те, кто там присутствовал, либо не потеряли никаких денег, либо снова их нашли. Мне еще не доводилось видеть столь восторженной публики. И они — вместе со сценой, чему я никогда не умел сопротивляться,— заставили меня проделать такое количество новых вещей в «Песне», что Артур и все наши стояли за кулисами вне себя от удивления и вопили и топали ногами, как будто слушали совсем новую книгу, превосходящую все остальные. Непременно приезжайте в какой-нибудь хороший город и послушайте «Песнь». Я думаю, вы ее просто не узнаете.

Литл Дарлингтон — в ветхой, старой концертной зале без фонаря над входом, так что, когда я отправился туда читать, я раз десять прошел мимо, пока ее отыскал,— покрыл себя славой. Из окрестностей собралось множество людей, и город до поздней ночи упивался «Песнью». В Дургаме у нас тоже была великолепная публика, возглавляемая настоятелем собора и всем капитулом, за которыми смиренно следовал мэр и местный скучный муниципалитет. Однако ни зал, ни город не были достаточно велики для целей Вашего друга.

Вот так мы и разрабатываем свой путь дальше на север. Я прогулялся из Дургама в Сандерленд и запечатлел в уме интереснейшую фотографию страны шахт, которая в один прекрасный день отлично подойдет для «Домашнего чтения». Проделывая это, я не мог не прийти к заключению, что мозг мой — прекрасно изготовленная и высокочувствительная пластинка. И я сказал без малейшего самодовольства (как Уоткинс мог бы сказать о какой-нибудь своей пластинке): «Работать с тобой просто приятно, так хорошо ты воспринимаешь изображение».

Я помечаю это письмо «срочным», так как забыл упо-

мянуть, что хотел бы, чтобы Вы внимательно просмотрели статью Уилки про уигеновского директора школы и изъяли все, что может быть излишне оскорбительным для среднего класса. Он всегда склонен перегибать палку в этом отношении — а такая тема слишком для него соблазнительна. Не бойтесь правды, но не будьте несправедливы.

Артур шлет Вам наилучшие пожелания. Кланяйтесь от меня миссис Уилс. Надеюсь, мое полезное влияние еще сказывается?

Искренне Ваш.

80

ДЖЕЙМСУ МЭНСОНУ

Ньюкасл-на-Тайне,
суббота, 25 сентября 1858 г.

Дорогой сэр,

Ваше письмо бесконечно меня растрогало. Я глубоко чувствую его искренность, скромность и благородство и никогда их не забуду. В моих глазах это придает новую цену тому, что Вы написали обо мне, и, благодаря Вас, я могу от души сказать, что горжусь этим.

Ваши слова о роли писателя, какая она есть и какой должна быть, выражают то, к чему я стремился всю мою творческую жизнь. Я никогда не позволял, чтобы писателя патронировали, или снисходительно терпели, или чтобы с ним обходились как с паинькой или скверным мальчишкой. Выполняя мой прямой долг по отношению к литературе, я всегда воодушевлялся надеждой, что помогу тупоголовым чуть-чуть лучше понять ее.

Простите меня за то, что, заканчивая эту короткую записку, я не могу не упомянуть о трех сонетах, которые я прочел сегодня в Вашей газете и которые, я полагаю, принадлежат Вашему перу. Они привлекли бы мое внимание при любых обстоятельствах. Особенно второй, где очень удачно подана глубокая мысль.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне Ваш.

81

У. Г. УИЛСУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
Другими словами: Данди,
суббота, 2 октября 1858 г.

Дорогой Уилс,

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не берите стихов, если только они не безусловно хороши. Без них нам гораздо лучше: «Предел» — это уж действительно предел всего, что может быть скверным, по крайней мере, я ничего хуже не видел.

Вы сообщили Пейну и Уайту, что среди рассказчиков не может быть Жильца Дома. Я этого не понимаю. Жилец может придать вещи некоторое разнообразие и (насколько я вижу) нисколько не ослабит основную мысль.

На вопросы Уилки я отвечаю:

1. На мой взгляд, обрамление мне лучше всего написать от первого лица — если только я не придумаю чего-либо совсем нового и оригинального. Но во всяком случае, я не стану этого делать в третьем лице, как будут писаться новеллы.

2. Я еще не решил насчет того, чтобы проследить судьбу старых материалов и сделать их гибельными. Мне кажется, это придаст концу мрачность, не подходящую к случаю. Если я смогу построить из них хорошую школу, или приют для престарелых, или детскую больницу, или еще что-нибудь в том же роде, это сделает конец куда более приятным, а всю вещь — гораздо более светлой.

3. На месте Уилки я, разумеется, сделал бы рассказ о людях, снимавших этот дом, главным рассказом, если это только не противоречило бы основной мысли. И по-моему, мы об этом уже договорились.

* * *

Несомненно, в Эдинбурге чувствовалась какая-то холодность прежде, чем чтения начались. Я упоминаю об этом для того, чтобы Вы поняли, почему я считаю свой успех там самым главным из моих триумфов. Город был взят штурмом и покорен. «Колокола» потрясли его; «Маленький Домби» взорвал его. В последние два вечера

толпа была необъятна, и тем, кто не сумел попасть на чтения, нет числа. Повсюду были слышны только похвалы, а больше всего в лавке Блеквуда, где, конечно, нельзя было прежде подозревать склонности к похвалам. Это была блестящая победа, которую нельзя выразить только в деньгах. Я получил здесь 20 фунтов. В Ньюкасле я получил 170 фунтов (зал там очень большой). Всего за сентябрь я получил 900 фунтов. Без сомнения, эта цифра перевалит за тысячу фунтов еще до того, как я начну следующую тысячу в Глазго.

Я буду читать «Песнь» один раз в Бирмингеме и Ноттингеме. Мне кажется, туда Вам легче всего добраться.

Мой нежный привет миссис Уилс, к которому присоединяются и девочки. Они были в восторге от Эдинбурга и, пользуясь прекрасной погодой, осмотрели и город, и его окрестности. В Хотернден с нами ездил Пейн, и мы хохотали весь день. Представьте, он рассказал мне, что мисс Мартино однажды объяснила ему и некоему озерному доктору, почему «Таймсу» так удаются заграничные корреспонденции,— дело в том, что они держат для этого ясновидящую!!! «Вы, может быть, заметили,— говорит она,— что «Дейли ньюс» за последнее время сделала большие успехи в этом отношении. А почему? Потому что они недавно тоже наняли ясновидящую!»

И под этим внушительным доказательством надменного самодовольства, таящимся под смирительной рубашкой, прошу позволения подписаться:

Всегда анти-политико-экономический, антидеморганский и т. д.

82

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон, воскресенье, 10 октября 1858 г.

Дорогой Форстер,

Что касается чтений, я не могу описать Вам, какие я всюду встречаю любовь и уважение. Как огромная толпа, битком набившая зал, умолкает, едва я выхожу на сцену.

Как университетская молодежь и старые дельцы одинаково стараются пробиться ко мне, когда они, вопя, провожают меня. Как простые люди и знатные господа останавливают меня на улицах и говорят: «Мистер Диккенс, не позволите ли вы мне коснуться руки, которая наполнила мой дом таким количеством друзей?» А если бы Вы видели одетых в траур матерей, отцов, сестер и братьев, которые неизменно приходят на «Маленького Домби», и если бы Вы всмотрелись в это удивительное выражение успокоения и надежды, с которым они толпятся вокруг меня, словно я стоял рядом с ними у смертного ложа их ребенка, Вы сочли бы это удивительным и непонятным.

И конечно, я стал читать лучше, потому что, выступая, все время внимательно наблюдаю и за самим собой, и за публикой, и благодаря этому многое улучшил.

В Абердине зал и коридор были битком набиты дважды за один день. В Перте (где я, приехав, решил, что там буквально некому прийти слушать меня) знать съехалась из всех поместий, даже лежавших в тридцати милях от города, который тоже явился весь и заполнил огромный зал. И такую чуткую, полную огня и энтузиазма публику мне редко доводилось видеть. В Глазго, где я читал три вечера и одно утро, мы собрали огромную сумму — целых 600 фунтов. И это при манчестерских ценах на билеты, которые ниже, чем цены Сент-Мартинс-холла! Что касается впечатления — если бы Вы видели их после того, как в «Колоколах» умерла Лилиен или когда Скрудж проснулся и начал разговаривать с мальчиком за окном, я думаю, Вы этого никогда не забыли бы. А вчера, когда кончился «Домби», в холодном свете дня они все после недолгого, простого и грустного молчания встали и начали так аплодировать, так махать шляпами с удивительной сердечностью и любовью ко мне, что в первый раз за все мои публичные выступления меня буквально сбили с ног, и я увидел, как все тысяча восемьсот человек качнулись на одну сторону, словно сотрясая весь зал. Но, несмотря на все это, должен признаться, я хотел бы, чтобы чтениям поскорей пришел конец, чтобы я вернулся домой и мог снова сидеть и думать

у себя в кабинете. И только одно не было ничем омрачено.

Милые девочки получили огромное удовольствие, и их поездка чрезвычайно удалась. Я думаю, что писал Вам (однако точно не помню), как великолепно меня принимали в Ньюкасле. Я вспомнил о Ньюкасле потому, что там ко мне присоединились девочки. Я хотел бы, чтобы чтениям поскорей пришел конец, чтобы я вернулся домой и мог снова сидеть и думать у себя в кабинете. Но хотя иногда я очень устаю, утомление на мне почти не сказывается. И хотя все наши, от Смита и далее, порой более или менее выходили из строя, я ни разу не чувствовал себя неспособным работать, хотя частенько был бы рад без этого обойтись.

Мой самый нежный привет миссис Форстер.

Любящий Вас.

83

МИСС КУТС

Гулль,
среда, 28 октября 1858 г.

...Моя поездка близится к концу, и я от души рад, что почти все уже позади и я скоро буду дома, у себя в кабинете. Эта поездка была удивительно успешной. Мой чистый доход — только мой, после вычета всех расходов,— превосходил тысячу гиней в месяц. Но самое главное (особенно сейчас) — это то, как публика повсюду с восторгом выражала свою любовь ко мне и нежную дружбу. Я считаю особым счастьем, что именно в эту осень мне суждено было встретиться с таким множеством расположенных ко мне людей.

Мистер Артур Смит превзошел все мои ожидания и сделал эту поездку настолько легкой, насколько это вообще возможно. Его огромный практический опыт и замечательная ревностность, его умение обращаться с толпами и отдельными лицами были для меня великой помощью и утешением...

84

ФРЭНКУ СТОУНУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
понедельник, 13 декабря 1858 г.

Мой дорогой Стоун,

Очень благодарен Вам за присланные размышления. Мне они очень понравились тем, что в них выражены мысли и чувства многих людей, в других же отношениях они ничем особенным не примечательны. Им свойственна некая роковая ошибка, подобная червю, подтачивающему растение в самом его корне, и не дающая ему развиваться и приносить плоды. Половина всего зла и лицемерия, что существует в христианском мире, проистекает (на мой взгляд) из упорного нежелания признать Новый завет учением, имеющим свою собственную ценность, из стремления насильственно сочетать его с Ветхим заветом — а это служит источником всяческого переливания из пустого в порожнее и толчения воды в ступе. Но ведь ополчаться с такой силой на столь незначительную погрешность или обесценивать каким-либо образом божественное милосердие и красоту Нового завета — значит совершать ошибку гораздо худшую. А приравнивать Иисуса Христа к Магомету — попросту безрассудство и блажь. С таким же успехом я мог бы взгромоздиться на помост и оповестить своих учеников о том, что жизнь Георга IV и Альфреда Великого — явления одного и того же порядка *.

Любящий Вас.

85

Б. У. ПРОКТЕРУ*

Тэвисток-хаус,
воскресенье, 19 декабря 1858 г.

Дорогой Проктер,

Тысяча благодарностей за песенку. Она меня очаровала, и я буду счастлив осветить страницы «Домашнего

чтения» таким мудрым и ласковым огоньком. Я так же не верю в исчезновение Вашего поэтического таланта, как в то, что Вы сами переселились в лучший мир. Поверьте мне, Вы и Ваш талант отправитесь туда вместе. И вот я надеюсь, что услышу еще много песен труда, а кузнец выкует из железа множество превосходных стихов, как и надлежит искусному работнику, каким я всегда его знал.

Искренне Ваш, мой дорогой Проктер.

86

У. Г. УИЛСУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, суббота, 8 января 1859 г.

Милый Уилс,

Это первый из нескольких очерков «Жены священника», о котором я Вам говорил. Отдайте его в набор для нашего следующего номера.

Надеюсь, что она окажется весьма полезным сотрудником. Я прочитал несколько ее вещей и посоветовал ей, как их улучшить. Она собирается написать еще один очерк, который будет продолжением этого. Она превосходно знает жизнь бедного сельского прихода, у нее приятный женский юмор, по-женски тонкая наблюдательность и несомненные литературные способности.

Преданный Вам.

87

ДЖ. П. НАЙТУ*

Вторник, 18 января 1859 г.

...Весьма сожалею, что вынужден отказать себе в удовольствии принять для «Домашнего чтения» рукопись, которую возвращаю одновременно с настоящим письмом. Хотя для первого опыта она очень недурна и хотя в ней есть проблеск живой фантазии (например, описание того, как дождевые капли падают в лужи), она слишком

пространна для столь ничтожной темы. Кроме того, я настоятельно рекомендовал бы начинающему автору принять во внимание, что к нашему времени старые ветераны Наполеона Великого поистине ужасно состарились. Они участвовали в стольких кампаниях и совершили такое огромное количество маневров (и во французской и в английской литературе), что попытку этих древних пенсионеров выбраться из богадельни могут оправдать лишь какие-нибудь совершенно новые подвиги. Мсье Ноэль лишен всякой индивидуальности, ни одна оригинальная черточка, ни один штрих не выделяют его из всех персонажей, которые наводняют литературу вот уже сорок лет. К тому же он так долго собирается поведать свою историю, что я сомневаюсь, есть ли у него что сказать.

Я позволил себе написать Вам эти несколько слов, так как мне очень хочется объяснить, почему я отказываю себе в удовольствии оставить рукопись. Право же, я был бы искренне рад, если бы имел хоть маленькую возможность это сделать.

Разумеется, я не могу взять на себя роль оракула, заявив, что писательница могла бы сделать лучше, но думаю, что могла бы...

88

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

24 января 1859 г.

...Я твердо решил выбрать название для будущего журнала, ибо знаю, что не смогу работать до тех пор, пока его не будет, и, кроме того, я заметил, что такое же странное чувство владеет всеми остальными... Не правда ли, это хорошее название и удачная цитата? Я в восторге, что мне удалось откопать ее для нашего заголовка:

ГАРМОНИЯ ДОМАШНЕГО ОЧАГА *

«Наконец под звуки Гармонии Домашнего очага».

Шекспир...

89

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
среда, 26 января 1859 г.

Милый Уилки,

Просмотрите список названий *, который я набросал на обратной стороне, чтобы завтра мы могли их обсудить. Это первое, что необходимо решить. Я не могу ничего делать, пока у меня нет заглавия.

Любящий.

Вопрос: *РАЗ В НЕДЕЛЮ.*

Круглый год.

1. Воскресные колокола.
2. Кузница.
3. Вечнозеленые листья.

Если просто «Кузница», то необходим какой-нибудь девиз, поясняющий заголовок — что-нибудь вроде «Здесь мы выковываем свои идеи».

РАЗ В НЕДЕЛЮ.

Очаг.
Кузница. «Здесь мы выковываем свои идеи».
Суровое испытание.
Наковальня времен.
Журнал Чарльза Диккенса (В часы досуга).
Летние листья.
Вечнозеленые листья.
Домашний очаг.
Семейные мелодии.
Перемены.
Бег времени.
Два пенса.
Колокола Англии.
Воскресные колокола.
Ракета!
Хорошее настроение.

90

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

28 января 1859 г.

...Обедаю я рано из-за чтений, и пишу буквально с полным ртом. Но мне только что пришло в голову название, которое я нахожу замечательным — особенно если поставить цитату перед ним — там же, где стоит наша теперешняя цитата в «Домашнем чтении».

«Повесть наших жизней из года в год».

Шекспир.

«Круглый год» *

Еженедельный журнал под редакцией Чарльза Диккенса...

91

У. Ф. де СЭРЖА

Тэвисток-хаус,
вторник, 1 февраля 1859 г.

Милый Сэржа,

Я прочитал Ваше всегда желанное новогоднее послание даже с бо́льшим интересом, чем обычно, ибо меня (как и обеих моих дочерей вместе с их тетушкой) весьма взволновало и обрадовало известие о помолвке Вашей дочери. Не говоря уже о том, что я высоко ценю доверие, с которым Вы делитесь со мною своими сокровенными чувствами, я прочитал Ваш рассказ с живейшею симпатией и уважением к ней. Надеюсь вместе с Вами, что все будет прекрасно, и что все вы будете счастливы. Разлука, даже при нынешних средствах передвижения (а никто не может сказать, насколько они могут улучшиться благодаря новейшим открытиям), ровно ничего не значит. Да благословит бог Вашу дочь и всех вас, и пусть безоблачное лето принесет ей радость и счастье, которых мы все ей желаем.

Переходя от алтаря к Таунсхенду * (путь немалый!), могу сообщить Вам, что Задира * обращается с ним очень сурово, держит его в ежовых рукавицах, и в довершение

всего бедняга жалуется на несварение желудка. Он приезжает сюда каждое воскресенье, а остальное время большею частью проводит взаперти в своем прекрасном доме, где я иногда навещаю его и обедаю с ним tête-à tête и где мы постоянно говорим о Вас и пьем за Ваше здоровье. Мы взяли это себе за правило и никогда от него не отступаем. Он сейчас «занят изданием книги своих стихотворений» (весьма дорогое удовольствие). По вечерам Таунсхенд никуда не ходит (кроме нашего дома), за исключением прошлой пятницы, когда он отправился слушать, как я читал «Бедного Путешественника», «Миссис Гэмп» и «Суд» из Пиквика. Он зашел в мою комнату в Сент-Мартинс-холле, и я подкрепил его силы разбавленным бренди. Вы, наверное, рады будете услышать, что вышеозначенные чтения произвели больший фурор, чем когда-либо, и что каждый вечер, когда они бывают (раз в неделю), сотни желающих попасть на них уходят ни с чем, хотя зал рассчитан на тысячу триста человек. Сегодня я обедаю с N и, кстати, с его агентом, по отношению к которому он, как я заметил, вечно терзается противоположными чувствами — безграничным доверием и плохо скрываемым подозрением. Он всегда говорит мне, что его агент — драгоценность чистейшей воды; о да, это лучший из дельцов! а потом добавляет, что ему не очень нравится, как тот вел себя в истории с арендатором и стогами сена...

...Вашего корреспондента в настоящее время засыпали предложениями ехать выступать в Америке. Он ни за что не поедет до тех пор, пока не получит вперед изрядную сумму еще по эту сторону Атлантики. Между нами, размер этого аванса он назначил только вчера...

Здесь все хорошо осведомленные лица считают, что война в Италии, во-первых, неизбежна, а во-вторых, начнется в последних числах марта. Я знаю в Генуе одного человека (по происхождению швейцарца), тесно связанного с туринскими властями, который уже отправляет своих детей домой.

В Англии царит относительное спокойствие. Как Вам известно, все обсуждают билли о реформе, но я не верю, чтобы кто-нибудь серьезно ими интересовался. По-моему,

публика стала явно равнодушной к государственным делам и, в особенности, к тем людям, которые ею управляют — под ними я подразумеваю представителей всех партий,— а это очень скверное знамение времени. Похоже на то, что общество устало от дебатов, от достопочтенных членов парламента и избрало своим девизом laisser-aller [1].

Моя домашняя жизнь (которая, как я знаю, для Вас небезынтересна) течет мирно. Моя старшая дочь — отличная хозяйка, она с большим тактом распоряжается за столом, передав определенные обязанности своей сестре и тетке, и все трое нежно привязаны друг к другу. Мой старший сын Чарли остается в фирме Берингов. Ваш корреспондент пользуется большей популярностью, чем когда-либо. Я склонен думать, что чтения в провинции завоевали новую публику, которая доселе оставалась в стороне; но как бы то ни было, его книги получили более широкое распространение, чем когда-либо, и восторг его публики безграничен...

Дорогой Сэржа, Вы не написали, когда приедете в Англию! Мне почему-то кажется — почему, я и сам не знаю,— что эта свадьба должна привести Вас сюда. Вам будет приготовлена постель в Гэдсхилле, и мы вместе с Вами поедем смотреть интересные вещи. Когда я был в Ирландии, я заказал там самую нарядную двуколку, какая только есть на свете. Она только что прибыла пароходом из Бельфаста. Сообщите, что Вы едете, и Вы будете первым человеком, которого из нее вывернут; из нее непременно кого-нибудь да вывернут (ибо моя дочь Мэри берется править любой лошадью, а я еще не встречал в Англии лошадей, которые умели бы спускаться с кентских холмов, если их запрячь в двуколку), и если Вам хочется, этим человеком можете стать Вы. Прошлым летом они — Мэри с сестрой и теткой — опрокинули на проселочной дороге фаэтон. Им пришлось его поднимать, что они и сделали и, как ни в чем не бывало, вернулись домой.

Всегда искренне преданный Вам друг.

---

[1] Безразличие, невмешательство *(франц.)*.

92

ДЖЕЙМСУ Т. ФИЛДСУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
<предположительно июнь 1859 г.>

...Я пишу Вам из своего загородного домика в Кенте, с того самого места, откуда убежал Фальстаф *.

Не могу выразить, как я обязан Вам за Ваше любезное предложение и за непритворную искренность, с какою оно было сделано.

Должен честно признаться, что оно затронуло во мне струну, которая не раз звучала в моей груди с тех пор, как я начал свои чтения. Я очень хотел бы читать в Америке. Но пока это всего лишь мечта. Множество серьезных причин сделали бы это путешествие затруднительным, и, если бы даже удалось преодолеть эти затруднения, я не предприму его до тех пор, пока не буду уверен, что американская публика действительно желает меня слушать.

В течение всей нынешней осени я буду читать в различных частях Англии, Ирландии и Шотландии. Я упоминаю об этом в связи с заключительными словами Вашего любезного письма. Еще раз сердечно благодарю Вас и остаюсь признательным и преданным Вам.

93

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

9 июля 1859 г.

Я выздоравливаю очень медленно и изнываю от тоски. Но по-моему, теперь дело идет на поправку. Моя болезнь и эта жара привели к тому, что я с трудом выполнял свой урок, готовя очередную порцию «Повести о двух городах» на месяц вперед. То, что она выходит такими маленькими выпусками, меня бесит, но мне кажется, что повесть завоевала большую популярность. Отдельные выпуски пользуются небывалым спросом, и за последний месяц мы распродали 35 000 старых номеров. Карлейль написал мне о ней письмо, которое доставило мне огромное удовольствие...

94

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
воскресенье, 10 июля 1859 г.

Сударыня,

Сегодня утром я с величайшим интересом и удовольствием прочитал Ваше письмо. Нет необходимости добавлять, что я получил его конфиденциально.

Поверьте, что, когда я писал Вам по поводу «Сцен из жизни духовенства», я всего лишь — и притом весьма слабо — выражал чувство величайшего восхищения, которое Вы мне внушили. Я повторял это везде, где только мог. Духовная связь с таким благородным писателем доставила мне редкостное и истинное блаженство, и, пожалуй, мне было бы легче умолкнуть навсегда, нежели перестать восхищаться таким талантом.

Возможность написать Вам положила конец затруднению, в котором я нахожусь с тех пор, как Вы прислали мне «Адама Бида». Избавление наступило именно так, как я все время ожидал, ибо я всегда был настолько самонадеян, что верил: в один прекрасный день я получу от Вас письмо, которое не оставит сомнений в том, что Вы настоящая живая женщина.

Я не имел иной возможности подтвердить получение этой книги, кроме как через Блеквуда. В то время я уже знал, что мне предстоит переменить издателя. Поэтому я в высшей степени деликатно постарался внушить шотландцу (издателю), что устроил на Вас засаду! Я был уверен, что Вы не сомневаетесь в моем восхищении книгой. Поэтому я решил не писать к Джордж Элиот [sic], а вместо этого дождаться того дня, когда смогу написать Вам самой — кем бы Вы ни были.

«Адам Бид» занял свое место среди действительных событий и переживаний моей жизни. Эта книга отличается теми же высокими достоинствами, что и предыдущая, а сверх того еще и Огромною Силой. Характер Хетти изображен до такой степени правдиво и тонко, что я раз пятьдесят откладывал в сторону книгу, чтобы, закрыв глаза, вызвать перед собой ее образ. Я не знаю дру-

гой героини, которая была бы написана с таким искусством, так смело и правдиво. Сельская жизнь, на фоне которой происходят события повести, так реальна, так забавна, так достоверна и в то же время так изысканно отточена искусством, что заслуживает самой высокой похвалы.

Та часть книги, которая следует за судом над Хетти (я заметил, что ее поняли хуже остальных), потрясла меня гораздо больше любой другой и еще более усилила мое преклонение перед автором. Вы не должны думать, что я пишу это специально для *Вас*. Я без устали твердил об этом всегда и везде, и теперь — пусть это не покажется Вам смешным — прошу у Вас прощения, что вынужден повторяться в этом письме.

Прежде чем закончить его, я должен коснуться двух вопросов: Во-первых (поскольку общение наше не может осуществляться через Блеквуда), если у Вас когда-нибудь появится возможность и желание работать вместе со мной, это доставит мне удовольствие, какого я еще никогда не испытывал и какого мне не сможет доставить ничто иное; и никакое издание, которым даже Вы сами могли бы руководить, не будет столь выгодным для Вас. Во-вторых, я надеюсь, что Вы разрешите мне встретиться с Вами, когда все мы снова будем в Лондоне, и сказать Вам — смеха ради,— почему я был убежден, что Вы женщина, и почему я с неизменной и непоколебимой уверенностью отгонял всех мужчин от «Адама Бида» и поднял на своей мачте флаг с надписью «Ева».

Прошу Вас передать мой привет Льюису * — вместе с поздравлением. Я уверен, что он вполне разделяет мои мысли и чувства.

Преданный Вам.

95

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Август> 1859 г.

...Я, разумеется, прекрасно знал об официальном отказе от феодальных привилегий; * однако они весьма болезненно ощущались перед самой революцией — то

есть во время событий, упоминаемых в рассказе Доктора, которые, как Вы помните, происходили задолго до Террора. Несмотря на весь жаргон новой философии, было бы вполне естественно и позволительно представить себе дворянина, приверженного старым жестоким идеям и олицетворяющего уходящую эпоху — подобно тому, как племянник его олицетворяет эпоху нарождающуюся. Если о чем-либо можно говорить с полной уверенностью, так это о том, что положение французского крестьянина в ту пору было совершенно невыносимым. Никакие позднейшие исследования и цифровые доказательства не опровергнут потрясающих свидетельств современников. В Амстердаме была издана любопытная книга; она не ставит себе целью кого-либо оправдывать и достаточно утомительна в своей напоминающей лексикон скрупулезности, но по страницам ее разбросаны убедительные доказательства того, что мой маркиз мог существовать. Это — «Картины Парижа» Мерсье *. То, что крестьянин запирался в своем доме, когда у него был кусок мяса, я взял у Руссо. В страшной нищете этих несчастных людей я убедился, изучая таблицы налогов...

Я не понимаю и никогда не понимал литературного канона, запрещающего вмешательство случая в таких ситуациях, как смерть мадам Дефарж. Там, где случай неотделим от страстей и действий персонажа; там, где он точно соответствует всему замыслу и связан с какой-то кульминацией, с поступком героя, к которому ведет весь ход событий; там, по-моему, случай становится, так сказать, орудием божественной справедливости. И когда я заставляю мисс Просс (хотя это совсем другое дело) вызвать подобную катастрофу, я твердо намереваюсь сделать ее полукомическое вмешательство одной из причин гибели мадам Дефарж и противопоставить недостойную смерть этой отчаянной женщины (умереть в яростной уличной схватке она бы не сочла за позор) благородной смерти Картона. Хорошо это или плохо — все это так и было задумано и, на мой взгляд, соответствует действительности...

96

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Гэдсхилл,
четверг вечером, 25 августа 1859 г.

Дорогой Форстер,

Я искренне обрадовался, получив сегодня утром Ваше письмо.

Не нахожу слов, чтобы выразить, как я заинтересовался тем, что Вы рассказываете о нашем храбром и превосходном друге Главном Бароне в связи с тем негодяем. Я с таким интересом следил за этим делом и с таким возмущением наблюдал за мошенниками и ослами, которые извратили его впоследствии, что мне часто хотелось написать благодарственное письмо честному судье, который вел этот процесс. Клянусь богом, я считаю, что это — величайшая услуга, какую умный и смелый человек может оказать обществу. Разумеется, я видел (мысленно), как этот негодяй-подсудимый произносил свою шаблонную речь, из каждого слова которой явствовало, что ее мог произнести и сочинить только убийца. Разумеется, я здесь сводил с ума моих дам, все время утверждая, что не нужно никаких медицинских свидетельств, ибо и без них все ясно. И наконец (хоть я человек милосердный, вернее, именно потому, что я человек милосердный), я непременно повесил бы любого министра внутренних дел (будь он виг, тори, радикал или кто бы то ни было), который встал бы между этим ужасным мерзавцем и виселицей. Я не могу поверить, что это произойдет, хотя моя вера во все дурное в общественной жизни беспредельна.

Я вспоминаю Теннисона и думаю, что король Артур быстро расправился бы с любезным N, из которого газеты с таким непонятным восторгом делают джентльмена. Как прекрасны «Идиллии»! * Боже! Какое счастье читать произведения человека, умеющего писать! Я думал, что не может быть ничего замечательнее первой поэмы, пока не дошел до третьей, но когда я прочитал последнюю, она показалась мне совершенно неповторимой и недосягаемой.

Теперь о себе. Я просил издателя «Круглого года» немедленно отправить Вам только что набранные гранки. Надеюсь, они Вам понравятся. Ничто, кроме интереса самой темы и удовольствия, которое доставляет преодоление трудностей формы, то есть я хочу сказать, никакие деньги не могли бы возместить времени и труда, затраченных на беспрерывные старания выбросить все лишнее. Но я поставил перед собой скромную задачу сделать яркий живой рассказ, в котором верные жизни характеры развивались бы скорее по ходу действия, нежели в диалоге. Иными словами, я считаю возможным написать повесть с захватывающим сюжетом, которая заменила бы фабрикуемое под этим предлогом отвратительное чтиво, где характеры варятся в своем собственном соку. Если бы Вы могли прочитать всю эту повесть за один присест, Вы, я думаю, не остановились бы на середине.

Что касается моего приезда в Ваше убежище, дорогой Форстер, подумайте, насколько я беспомощен. Я еще не совсем здоров. Внутренне я чувствую, что только море может восстановить мои силы, и я собираюсь поехать работать в Бродстэрс к Балларду с будущей среды до понедельника. Я обычно приезжаю в город в понедельник вечером. Весь вторник я провожу в редакции, а в среду возвращаюсь сюда и продолжаю работать до следующего понедельника. Я изо всех сил стараюсь закончить свою работу к началу октября. 10 октября я еду на две недели читать в Ипсвич, Норич, Оксфорд, Кембридж и еще в несколько мест. Судите сами, много ли у меня сейчас свободного времени!

Меня очень поразило и огорчило известие о болезни Эллиотсона *, оно было для меня полной неожиданностью.

Идет дождь, но жара не спадает; дует сильный ветер, и через открытое окно на мое письмо упало несколько странных существ вроде маленьких черепашек. Вот одно из них! Я, в сущности, тоже жалкое существо, которое, однако, кое-как ползет своей дорогой. А у начала всех дорог и у всех поворотов стоит один и тот же указатель.

Преданный Вам.

97

УИЛЬЯМУ ХОУИТТУ*

Редакция журнала «Круглый год»,
вторник, 6 сентября 1859 г.

Уважаемый мистер Хоуитт,

Приехав вчера вечером в город, я нашел Ваше любезное письмо и, прежде чем уехать снова, счел необходимым поблагодарить Вас за него.

Я не разделяю теории своего сотрудника. Он человек хорошо известный, с очень любопытным жизненным опытом, и все истории, которые он рассказывает, я слышал от него уже много раз. Он ничего не сделал для того, чтобы приспособить их к своей теперешней цели. Он рассказывал их так, будто свято в них верит. Он сам жил в Кенте, в доме, который прославился привидениями; этот дом заколочен и поныне, во всяком случае так было еще на днях.

Я сам весьма впечатлителен и совершенно лишен предвзятости по отношению к этому предмету. Я отнюдь не утверждаю, будто таких вещей не бывает. Но в большинстве случаев я решительно возражаю против того, чтобы за меня думали или, если мне позволено будет так выразиться, чтобы меня принуждали во что-нибудь уверовать. Я до сих пор еще не встречал такого рассказа о привидениях, достоверность которого мне бы доказали и который не имел бы одной любопытной особенности — а именно, что изменение какого-нибудь незначительного обстоятельства возвращает его в рамки естественной вероятности. Я всегда глубоко интересовался этим предметом и никогда сознательно не отказываюсь от возможности им заняться. Однако показания очевидцев, которых я сам не могу спросить, кажутся мне слишком неопределенными, и потому я считаю себя вправе потребовать, чтобы мне дали возможность самому увидеть и услышать современных свидетелей, а затем убедиться, что они не страдают нервным или душевным расстройством, а это, как известно, весьма распространенная болезнь, имеющая много разных проявлений.

Не думайте, будто я собираюсь дерзко и самонадеянно судить о том, что может и чего не может быть после смерти. Ничего подобного. Мне кажется, что теория моего сотрудника приложима лишь к одному разряду случаев, в которых образ человека умирающего или подвергающегося большой опасности является близкому другу. Иначе я вообще не мог бы считать ее приложимой.

С другой стороны, когда я думаю о том безграничном горе и несправедливости, которых так много в этом мире и которые одно-единственное слово умершего могло бы устранить, я бы не поверил — я не мог бы поверить — в Ваше Привидение из Военного министерства — без неопровержимых доказательств.

Преданный Вам.

98

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, четверг, 6 октября 1859 г.

Милый Уилки,

Я не утверждаю, что нельзя было бы разработать тот мотив, о котором Вы говорите, в Вашей манере, но я совершенно уверен, что, сделай я по-вашему, все выглядело бы слишком утрированным, слишком старательно и усердно подготовленным, вследствие чего обо всем можно было бы догадаться заранее, и всякий интерес к рассказу тотчас бы пропал. И это совершенно не зависит от той особенности характера доктора*, которая появилась под влиянием тюрьмы, что, по-моему, должно само по себе полностью исключить возможность — до того, как наступит подходящий момент — раскрыть перед читателем его отношение к тем вопросам, которые были неясны ему самому, ибо он с болезненной чувствительностью всячески от них уклонялся.

Мне кажется, что задача искусства — тщательно подготовить почву для развития событий, но не с той тща-

тельностью, которая пытается замаскироваться, и не для того, чтобы, проливая свет на прошлое, показать, к чему все идет,— а напротив, чтобы лишь намекать — до тех пор, пока не наступит развязка. Таковы пути Провидения, искусство же — лишь жалкое им подражание.

«Можно ли вообще сделать это лучше тем способом, который я предлагаю?» — спрашиваете Вы. Я такой возможности не вижу и никогда не видел,— отвечаю я. Я не могу себе представить, как Вы это сделаете, не наскучив читателю и не заставив его слишком долго ожидать развязки.

Я очень рад, что повесть Вам так нравится. Я был очень взволнован и растроган, когда писал ее, и, бог свидетель, я старался изо всех сил и верил в то, что пишу.

Всегда преданный Вам.

99

ФРЭНКУ СТОУНУ

Питерборо,
среда вечером, 19 октября 1859 г.

Милый Стоун,

Вчера у нас был огромный наплыв. Публика была гораздо лучше, чем в прошлый вечер; пожалуй, это была лучшая из всех аудиторий, перед которой я когда-либо читал. Слушатели с потрясающим вниманием впитывали каждое слово «Домби»; после сцены смерти ребенка все на мгновение умолкли, а затем поднялся такой крик, что просто любо было слышать. Чтение «Миссис Гэмп» сопровождал хохот, не стихавший до самого конца. Кажется, все забыли обо всем на свете. Едва ли кому-нибудь из нас еще приведется быть свидетелем такой поглощенности искусством вымысла.

N (в изысканной красной накидке), сопровождаемая своей сестрою (тоже в изысканной красной накидке) и глухою дамой (которая стояла, прислонив к стене свою черную шляпку — ни дать ни взять чайник без крышки), была очаровательна. Из-за давки *он* не мог до нее

добраться. *Он* пытался глядеть на нее из бокового входа, но она (ха, ха, ха!) не замечала его присутствия. Я читал для нее и свел его с ума. У него осталось ума ровно столько, чтобы послать Вам привет.

Этот город — за исключением собора с прелестнейшим фасадом — напоминает заднее крыльцо какого-то другого города. Осмелюсь доложить, что это самый глухой и косный городишко во всех владениях британской короны. Магнаты заняли свои места, и книгопродавец утверждает, будто «стремление оказать честь мистеру Диккенсу так велико, что двери следует открыть за полчаса до назначенного срока». Можете представить себе молчаливое негодование Артура по этому поводу и то, с каким видом он во время обеда сказал мне: «Вчера вечером я дважды отправил без билетов все население Питерборо».

Зала очень хороша, хоть это и помещение хлебной биржи. Мы были бы рады иметь что-либо подобное в Кембридже. Она просторная, веселая и замечательно освещена.

Вот пока и все.

Искренне Ваш.

100

ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
воскресенье, 30 октября 1859 г.

Мой дорогой Карлейль,

Гостящий у меня Форстер передал мне Ваше письмо по поводу «Повести о двух городах», которое доставило мне большую радость. Повесть, причинившая мне немалые муки своим появлением порциями «через час по столовой ложке», выйдет недели через три отдельной книгой. Тем не менее я бы хотел, чтобы Вы прочитали всю повесть, прежде чем она попадет в руки «многоголовой гидры», и потому беру на себя смелость напра-

вить Вам прилагаемые гранки. Их не так много, и их можно не возвращать. Это последняя часть, начиная с текущего выпуска. На случай если у Вас его еще нет, посылаю Вам его.

В предисловии к отдельному изданию «Повести» (предисловия не могу Вам послать, так как у меня нет гранок), я указал, что все фактические данные, даже самые незначительные, о положении французского народа в ту эпоху взяты мною из наиболее надежных источников и что я стремился внести свою лепту, рассказав в образной и общедоступной форме об этом страшном времени, тогда как едва ли кто может что-либо прибавить к его философскому осмыслению после замечательной книги мистера Карлейля.

Мои дочери и Джорджи просят передать сердечный привет Вашей супруге и Вам.

Остаюсь, дорогой Карлейль, Вашим любящим...

101

ЧАРЛЬЗУ КОЛЛИНЗУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
19 ноября 1859 г.

Уважаемый Чарльз Коллинз,

Принимая Вашу рукопись (хотя, боюсь, не для рождественского номера), я чувствую необходимость сказать Вам о ней несколько слов, ибо у меня есть некоторые сомнения. Кроме того, я сильно опасаюсь, как бы Вы не испортили свою книгу и не потерпели неудачу, а потому считаю своим долгом сказать Вам правду.

Поверьте, Вашему повествованию не хватает выпуклости, жизненности и правды. По своей манере оно слишком напоминает рассказы периода великих эссеистов: оно слабо скомпановано, тяжеловесно, и в нем слишком чувствуется присутствие рассказчика,— рассказчика, не участвующего в действии. Вследствие этого я не вижу ни людей, ни места действия и не могу поверить в события. Заметьте, я совершенно уверен в том,

что это — не только мое личное мнение. Покажите Вашу рукопись Уилки, не говоря ни слова, и он, конечно, увидит в ней те же недостатки. Прочитайте ее сами после того, как поработаете над другой вещью, и Вы увидите то же самое.

У Вас такой замечательный юмор — присущий только Вам — и такая верная и тонкая наблюдательность, что просто жаль не дать этим качествам больше простора. Например, наделив сестру, которая пишет Моряку, какими-нибудь более характерными чертами. Волкообразный персонаж вроде Итальянца требует присутствия Красной Шапочки или Бабушки. Прочитав эту повесть, я чувствую себя так, словно мне рассказал ее человек, не умеющий рассказывать, и словно мне самому надо было добавить все необходимое для того, чтобы ее оживить.

Не отказывайтесь от роли «Очевидца». Она будет Вам полезна, это очень подходящее для Вас амплуа; если Вы сохраните его и дальше, я думаю, это будет лучшее, что Вы могли бы поместить на титульном листе Вашей книги; это Ваша собственная мысль, и Вы сможете использовать ее в течение многих лет.

Преданный Вам.

102

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер, Лондон,
суббота вечером, 7 января 1860 г.

Дорогой Уилки,

Я очень внимательно прочитал книгу *. Нет никаких сомнений, что она — большой шаг вперед по сравнению с Вашими предыдущими произведениями, особенно если говорить о тонкости. Характеры превосходны. Мистер Фэрли и адвокат одинаково хороши. Мистер Вэзи и мисс Голкомб каждый по-своему достойны похвалы. Сэр Персиваль также изображен весьма искусно, хоть я и сомневаюсь (видите, в какие мелочи я вхожу), что кто-

либо может выразить неловкость движением руки или ноги, не будучи вынужденным самою природой выразить ее также на своем лице. Повесть очень интересна и хорошо написана.

Мне кажется, что местами, пожалуй, слишком заметны Ваши старания. Как Вам известно, я всегда возражал против Вашей склонности слишком подробно все объяснять читателям, ибо это неизбежно заставляет их обращать чрезмерное внимание на какие-нибудь места. Я всегда замечал, что читатели возмущаются, когда это обнаруживают; между тем, они обнаруживали это всегда и будут обнаруживать впредь. Однако, возвращаясь к Вашей книге, я должен сказать, что в ней трудно найти подобный пример. Это скорее относится к Вашему образу мысли и к манере письма. Быть может, я лучше всего выражу свою мысль, сказав, что три персонажа, чьи рассказы содержатся в этих гранках, обладают способностью *анализировать,* способностью, присущей не им, а скорее Вам, и что я постарался бы вычеркнуть из этих рассказов всякий анализ, сталкивая героев друг с другом и развивая действие.

Вам известно, с каким интересом я относился к Вашему таланту с самого начала нашей дружбы и как высоко я его ценю. Я знаю, что это превосходная книга и что Вы смело вступаете в борьбу с затруднениями, вызванными необходимостью делить ее на еженедельные отрывки, и искусно эти затруднения преодолеваете. Никто не мог бы сделать ничего подобного. В каждой главе я находил примеры изобретательности и удачные обороты речи, и я совершенно уверен, что Вы никогда еще так хорошо не писали.

Итак, продолжайте в том же духе, процветайте и присылайте еще, когда напишете достаточно, чтобы показать мне и чтобы написанное удовлетворило Вас самого. Я думаю поддержать Вас, если меня осенит какая-нибудь мысль насчет моей серии очерков со сплетнями. В ближайшие дни, благодаря богу, мы, быть может, напишем вместе рассказ; у меня есть кой-какие занятные, хотя еще не совсем ясные, наметки на этот счет.

Любящий Вас.

103

МИСС КУТС

Тэвисток-хаус,
понедельник, 30 января 1860 г.

...Я сейчас очень много работаю — убедившись, что не смогу помешать другим инсценировать свою последнюю повесть, решил потратить две недели на попытку влить в условности театра нечто совершенно ему несвойственное в смысле Жизни и Правды. Удалось ли мне это, выяснится сегодня. Питаю некоторую надежду, что французская чернь будет отплясывать карманьолу, а это сильно отличается от скучных неестественных сцен подобного рода...

104

ГЕНРИ Ф. ЧОРЛИ*

Тэвисток-хаус, Тэвисток-сквер,
пятница вечером, 3 февраля 1860 г.

Дорогой Чорли,

Могу совершенно чистосердечно уверить Вас в том, что считаю «Роккабеллу» замечательной книгой. Независимо — совершенно независимо от моей симпатии к Вам, я убежден, что, если бы взял ее при обычных благоприятных обстоятельствах, просто как книгу, мне совершенно неизвестную, я не отложил бы — не смог бы отложить ее,— не дочитав до конца. Я перелистал всего несколько страниц и, когда дошел до тени на ярко освещенной кушетке в ногах кровати, сразу же понял, что попал в руки настоящего художника. Это на редкость приятное ощущение ни на минуту не покидало меня до самого конца второго тома. Я «хороший читатель» — когда дело того стоит,— и, если нужно, мои девочки могли бы засвидетельствовать, что я искренне плакал над книгой. По-моему, Ваша повесть сделана необычайно искусно. Я не имел ни малейшего представления о том, для чего нужен запечатанный пакет, пока Вы меня не

просветили, и тогда я почувствовал, что это вполне естественно и совершенно соответствует характеру ливерпульца. Обстоятельства семьи Белл описаны особенно естественно и правдиво. Они для меня совершенно новы и изложены настолько умело и тонко, что глухая дочь кажется мне не менее реальной и характерной, чем жена священника. Часть повести, связанную с отвратительной Принцессой, я читал с наслаждением, которое испытываю лишь при чтении вещей действительно интересных, и должен Вам сказать, что если бы мне предложили назвать что-нибудь более удачное, чем сцена смерти Роккабеллы, мне пришлось бы долго и тщетно оглядывать свои книжные полки. Ваши герои также меня поразили. Готов поклясться, что все они — от адвоката до Принцессы — совершенно достоверны, а Ваше проникновение в характер Розамонд свидетельствует о столь глубокой проницательности, что восхищение мое трудно выразить словами.

Я не совсем согласен с Вами по поводу итальянцев. Ваше знание итальянского характера кажется мне поразительно тонким и верным; однако, я думаю, мы должны быть снисходительными и спросить себя: разве недостатки и политическое ничтожество этих несчастнейших людей не естественны для народа, который так долго порабощен и стонет под игом духовенства? Что же до их склонности к тайнам и заговорам, то не следует ли считать, что у многих поколений их предков эту склонность породили шпионы во всевозможных обличьях — начиная от папы римского и кончая вшивым бродягой? Подобно Вам, я содрогаюсь от ужасов, которые проистекают из этих бесполезных восстаний; у меня, как и у Вас, кипит кровь при мысли, что вожаки остаются невредимыми, в то время как исполнители их воли гибнут сотнями, но что поделаешь? Бедствия этих людей настолько велики, что время от времени они непременно должны восставать. Сомневаться в том, что в конце концов их восстания увенчаются успехом, значило бы сомневаться в вечной справедливости Провидения. Победа над тиранией дается ценою многих поражений. И не будет ли слишком жестоко, если мы, англичане, чьи предки восставали так часто и боролись против столь многих

зол, примемся, сидя в безопасности, выискивать под микроскопом сучок в глазу доведенных до безумия людей? Представьте себе, что мы с Вами итальянцы и что нам с детских лет ежедневно угрожает эта дьявольская исповедальня, эти тюрьмы и сбиры. Разве могли бы мы быть лучше этих людей? Разве мы были бы такими добрыми, как они? Боюсь, что я бы не был, насколько я себя знаю. Такое положение сделало бы меня угрюмым, кровожадным, безжалостным человеком, готовым на все ради мести; а если бы я грешил против истины — пусть не всегда, но хотя бы по большей части,— где мне было ее познать? В старом иезуитском колледже в Генуе или в Чиайа в Неаполе, в церквах Рима или в университете в Падуе, на площади св. Марка в Венеции или еще где-нибудь? А правительство находится во всех этих местах и во всей Италии. Я видел кое-кого из этих людей. Я знавал Мадзини и Галленга; Манин был воспитателем моих дочерей в Париже; я часто говорил о многих из них с покойным Ари Шеффером *, который был их лучшим другом. После десяти лет отсутствия я возвратился в Италию и узнал, что лучшие из известных мне там людей томятся в тюрьме или в ссылке. Я верю, что у них есть те недостатки, которые Вы им приписываете (недостатки национальные, а не личные), но, вспоминая об их бедствиях, я не нашел в себе душевных сил, чтобы выставить напоказ эти недостатки, не объясняя причин, которые их породили. Простите меня за то, что я это пишу, ибо это столь же искренне, сколь признание высоких достоинств Вашей книги. Если бы она не была для меня живой реальностью, я бы пренебрег этим расхождением во взглядах, но Вы — человек слишком серьезный и слишком способный, чтобы бояться упреков восхищенного читателя. Вы пишете слишком хорошо, чтобы не оказать влияния на многих людей. Если бы Вы сказали мне, что у Вашей книги было всего двадцать читателей, я бы ответил, что такая хорошая книга через посредство этих двадцати человек окажет влияние на умы большего количества людей, чем негодная книга через посредство двадцати тысяч; и я пишу это с полной уверенностью, ибо в моей душе эта книга навсегда заняла вполне определенное и почетное место.

Примите мою благодарность за удовольствие, которое Вы мне доставили. Я буду по мере своих скромных сил выражать это удовольствие всюду, где бы я ни был. Итак, дорогой Чорли, доброй ночи, и да благословит Вас бог.

Всегда преданный Вам.

105

МИСС КУТС

Гэдсхилл, 10 апреля 1860 г.

...Что касается моего искусства, то я наслаждаюсь им так же, как самый восторженный из моих читателей; и чувство ответственности овладевает мною всякий раз, когда я беру в руки перо...

106

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Веллингтон-стрит, 11, Норд, Стрэнд, Лондон, среда, 2 мая 1860 г.

Дорогой Форстер,

Когда я читал Вашу превосходную, интересную и замечательную книгу *, мне не приходило в голову, что ее можно назвать тенденциозной. Если бы Кларендон * не написал своей «Истории восстания», тогда я бы еще мог это допустить. Однако невозможно отвечать адвокату, который в своих собственных целях неправильно изложил существо дела, вместо того чтобы в интересах истины (а не только противной стороны) изложить это дело правильно и показать его таким, каково оно в действительности. Равным образом, я не вижу смысла говорить то, что Вы должны были сказать, не защищая каким-то образом представленную в ложном свете сторону, и я считаю, что Вы делаете это не как адвокат, а как судья.

Свидетельские показания были утаены или искажены; теперь судья их разбирает и приводит в порядок. Не его вина, если все они бьют в одну точку и подсказывают один простой вывод. И не его вина, если приведенные в порядок, все эти свидетельства позволяют (по крайней мере, на первый взгляд) сделать и дальнейшие заключения, тогда как прежде они были исковерканы и запутаны.

Я вполне могу понять, что любой человек, а особенно Карлейль, может питать уважение к тем (в лучшем смысле слова) лояльным джентльменам, которые ушли вместе с королем и были так ему верны. Однако, мне кажется, Карлейль недостаточно принимает во внимание, что большая часть этих джентльменов не знала правды и именно лояльность заставляла их верить тому, что им говорили от имени короля. Кроме того, король, несомненно, был слишком хитер, чтобы раскрыть перед ними (особенно после поражения) планы, столь соблазнительные для отчаянных авантюристов, окружавших Уайтхолл. При чтении Вашей книги мне, между прочим, пришла в голову следующая любопытная мысль: возможно, что они не подозревали истинных планов Карла — совершенно так же, как не подозревают о них и по сей день их последователи и потомки,— и я с жалостью и восхищением подумал о том, что они считали свое дело намного более правым, чем оно было в действительности. Именно эти соображения я стремился выразить в помещенной в нашем журнале рецензии на книгу. Ибо я не могу представить себе, чтобы Кларендон — или кто-либо ему подобный — сообщил потомству о том, чего он в свое время «не испытал на себе». А Вы разве можете?

Во всем повествовании я не нашел ничего, что бы мне не понравилось. Я всем восхищался, со всем соглашался и гордился тем, что все это написал мой друг. Я чувствовал, что все это верно, разумно, справедливо и в нынешние времена чрезвычайно важно. Во-первых, для людей, которым (подобно мне) до того надоели недостатки парламентского правительства, что они утратили к нему всякий интерес. Во-вторых, для шарлатанов из Вестминстера, которые, как Вам известно,— весьма и весьма отдаленные потомки тех мужей. Когда вышла «Великая Ре-

монстрация» *, я был погружен в свою книгу и был все время занят ею, но я очень рад, что не прочел ее тогда, так как теперь прочитаю ее с гораздо большею пользой. Все время, что я работал над «Повестью о двух городах», я читал только книги, проникнутые духом той эпохи.

В заключение я хотел бы сказать, что подзаголовки на полях «Ареста пяти членов парламента» чересчур подробны. Поэтому они показались мне смешными и напомнили о спектаклях и пьесах, все содержание которых изложено в афишах.

Наконец, я бы написал Вам — я очень хотел и должен был это сделать — сразу же после прочтения книги, если бы не одно ничтожное обстоятельство: я уже невесть сколько времени не могу заставить себя писать письма.

Всегда, дорогой Форстер, искренне Ваш.

107

ЧАРЛЬЗУ ЛЕВЕРУ*

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, четверг, 21 июня 1860 г.

Дорогой Левер,

Получив Ваши корректуры из типографии, я их прочитал. Спешу уверить Вас в том, что у Вас не было никаких оснований для недовольства своим трудом и что он полон жизни, задора, оригинальности и юмора. У меня есть только одно предложение (оно вытекает лишь из условий публикации в журнале), а именно, что уже в первом номере следует перейти к действию. Поэтому я бы кое-что сократил и, расширив эту порцию по сравнению с той, которая была напечатана в первую неделю, закончил бы первую часть приглашением на обед. Вспышка изобретательности у пьяного молодого человека кажется мне невероятно смешной, она заставила меня хохотать до такой степени и так весело, что я желал бы, чтобы Вы это видели и слышали. Продолжайте в том же духе. Вы напали на превосходную жилу и, мне кажется, можете успешно ее разрабатывать.

Теперь два деловых вопроса.

1. Как, когда и куда перевести гонорар на Ваш счет?

2. Принимая во внимание Уилсовы «Объявления на суше и на море», было бы лучше сократить заголовок так:

«Поездка на один день.
Роман всей жизни».

Вы не возражаете?

Ваш искренний друг.

108

ЧАРЛЬЗУ ЛЕВЕРУ

Редакция журнала «Круглый год»,
среда, 25 июля 1860 г.

Дорогой Левер,

Из письма Уилса, датированного 16-м числом (оно разминулось с Вашим письмом от 15-го), Вы увидите, что, к сожалению, уже слишком поздно задержать опубликование Вашей повести, как Вы просите. Я чрезвычайно огорчен этим обстоятельством, ибо это можно было легко сделать, если бы Вы предупредили немного раньше. Но теперь это невозможно. Если бы мы могли, поверьте, мы бы это сделали.

В первой части, которая кончается уходом гостей, приглашенных на обед, я сделал несколько небольших сокращений. Это всего лишь одна-две фразы в тех местах, которые, как мне кажется, задерживают развитие действия. За исключением того места, где герой представляет себе свой приезд в гостиницу. Здесь я вычеркнул несколько фраз, так как содержание их предвосхищается общим замыслом начала. Я также изъял короткое упоминание о бедном Джеймсе, который взял да умер после того, как Вы это написали. Пусть Вас не беспокоят эти изменения: как видите, они совершенно незначительны.

Что касается размеров еженедельной порции, то Вы совершенно правы. Около восьми колонок — это как раз то, что нужно.

Здесь, в Англии, было так сыро и холодно, что за все 48 лет, что я живу на этом свете, я ничего подобного не видел.

Не буду поздравлять Вас с 31 августа, ибо надеюсь с божьей помощью написать Вам еще до этого.

Искренне Ваш.

109

У. Г. УИЛСУ

Редакция журнала «Круглый год», вторник, 4 сентября 1860 г.

Мой дорогой Уилс,

Вы так описываете свой волшебный дворец, что Ваша здешняя комната кажется мне сегодня еще более пыльной, чем обычно. И какой-то очень уж земной, я бы сказал «сухопутный», вид имеют стоящие на улице разносчики и тот единственный посетитель кафе «Корона» (расположенного через дорогу от нас на Йорк-стрит), что сидит там, уронив на стол свою хмельную голову. Если Вас интересует мое мнение, Мыс Горн находится где-то за тридевять земель и между этим мрачным местом и нашей редакцией вмещается больше кирпичей и капустных листьев, чем Вы можете себе представить.

Еще до того как я допишу это письмо, какой-нибудь нечистый дух, очевидно, уже известит Вас о том, что мистер Симпсон отравился. Фредерик Чепмен вчера вечером сообщил мне, что он сделал это «в доме своего отца». Некий угрюмый и чумазый субъект, которого Джонсон представил мне нынче в лавке в качестве «того самого молодого человека, что всегда находится в Уайтфрайерс», в половине двенадцатого сегодняшнего утра выражал готовность присягнуть в том, что это «приключилось с ними через бутылку с содовой водой. Сами мистер Симпсон ему очень даже хорошо известны, и приключилось это с ними там в прошлое воскресенье». Не знаю, которое из этих двух утверждений соответствует истине — быть может, ни одно и ни другое,— но то, что этот несчастный мертв, несомненно. И когда я

только что, возвращаясь из Хэверсток-хилла, проезжал мимо его дома, он поразил меня своим угрюмым и неприветливым видом; все занавески на его окнах опущены, и он стоит в ряду бесчувственных соседей, пыльный, душный, оцепеневший в своей невыплаканной печали. Газеты молчат. Мне кажется, что на них было оказано немалое давление, прежде чем они согласились не поднимать шума вокруг этой печальной истории. Голдсуорт утверждает (голос у него при этом скрипучий, а количество волос на голове намного превышает тот минимум, с которым он мог бы справиться), что его, то есть покойника, «толкнуло на это не что иное, как замужество мисс...». Возникал ли среди его пьяных видений смутный облик этой малопривлекательной особы с оловянными глазами, известно одному только богу. Фредерик Чепмен, судя по всему, считает, что Симпсон поступил весьма неучтиво, «зная о предстоящей женитьбе брата» и не отложив своего самоубийства до завтрашнего дня. Вот и все, что мне известно об этой кошмарной истории.

Сегодня утром, по дороге с вокзала, я повстречал толпу любопытных, возвращавшихся после казни Уолтуортского убийцы. Виселица — единственное место, откуда может хлынуть подобный поток негодяев. Я без всяких преувеличений считаю, что один только их вид способен довести человека до дурноты.

В Тэвисток-хаусе сегодня идет уборка, после чего он поступит в распоряжение нового владельца. Должен сказать, что этот последний ведет себя во всех отношениях безупречно и что я не могу припомнить другого случая, когда я вел бы денежные дела со столь разумным, приятным и сговорчивым человеком.

В настоящее время я весь изукрашен одной из своих нелепейших, не поддающихся никакому описанию простуд. Если бы Вам пришлось внезапно перенестись с Мыса Горн на Веллингтон-стрит, то, обнаружив здесь некое жалкое существо, скрюченное, со слезящимися глазами, шмыгающее распухшим и красным носом, Вы едва ли узнали бы в нем некогда веселого и блистательного и проч. и проч.

Все остальное здесь вполне благополучно. Отчеты о делах Вам посылает Голдсуорт. Сегодня заходил Уилки,

он на неделю едет в Глочестершир. В редакции не повернуться от старых гардин и чехлов, привезенных из Тэвисток-хауса; вечером сюда зайдет Джорджина, чтобы разобрать их и большую часть подвергнуть изгнанию. Мэри в восторге от красот Дункельда, но чувствует себя неважно. Адмирал * (Сидней) завтра отправляется сдавать экзамен. Если он сдаст его без отличия, то я уже ни в кого больше не буду верить, и тогда берегитесь, как бы и Вам не утратить свое доброе имя. Вот, право же, и все мои новости, если не считать того, что я разленился и что Уилки будет здесь обедать в следующий вторник для того, чтобы потолковать со мной о рождественском номере.

Передайте мой сердечный привет миссис Уилс и спросите ее, одобряет ли она ношение шляп, на что она, разумеется, ответит утвердительно.

Вчера на лужайке в Гэдсхилле я сжег все письма и бумаги, скопившиеся у меня за двадцать лет. От них повалил густой дым, словно от того джина, что вылез из ларчика на морском берегу; и поскольку я начал это занятие при чудесной погоде, а заканчивал под проливным дождем, у меня возникло подозрение, что моя корреспонденция омрачила лик небесный.

Преданный Вам.

Засвидетельствуйте мое почтение мистеру и миссис Новелли. Только что послал за «Глобусом» *. Никаких известий.

110

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Гэдсхилл,
6 октября 1860 г.

...То обстоятельство, что я пожертвовал «Большими надеждами», отразится только на мне *. Положение «Круглого года» во всех отношениях достаточно прочно, чтобы ему угрожала большая опасность. Падение нашего тиража невелико, но мы уже достаточно увязли,

публикуя повесть, лишенную всякой жизненности, и нет никакой надежды, что сокращение подписки приостановится; напротив, оно скорее увеличится. Если бы я взялся написать повесть на двадцать выпусков, я бы лишил себя возможности в течение добрых двух лет писать что-нибудь для «Круглого года», а это было бы чрезвычайно опасно. С другой стороны, начиная печатать ее в журнале сейчас, я явлюсь именно в тот момент, когда я больше всего нужен, и, если за мною последуют Рид * и Уилки, наш курс весьма прекрасным и обнадеживающим образом определится на два-три года...

111

ЧАРЛЬЗУ ЛЕВЕРУ

Редакция журнала «Круглый год»,
суббота, 6 октября 1860 г.

Дорогой Левер,

Должен сделать Вам одно деловое сообщение, которое, боюсь, едва ли будет для Вас приятным. Лучшее, что я могу сказать с самого начала, это следующее: оно неприятно мне лишь потому, что вынуждает меня писать это письмо. Других неудобств или сожалений оно мне не доставляет.

Публикация «Поездки на один день» быстро и неуклонно приводит к падению спроса на наш журнал. Я не могу положительно утверждать, что для читателей и для публикации в журнале Ваша повесть слишком бесстрастна и логически последовательна, но она *не захватывает*. Вследствие этого тираж падает, а подписчики жалуются. Три или четыре недели подряд я ожидал, не появится ли какой-нибудь признак одобрения. Самого малейшего признака было бы достаточно. Но все отзывы имеют прямо противоположный смысл, и поэтому я вынужден был задуматься над тем, что делать, и написать Вам.

Сделать можно только одно. Я начал книгу, которую хотел издать двадцатью выпусками. Я должен оставить этот план, отказаться от прибыли (поверьте, что это

весьма серьезное соображение) и приспособить свою повесть для «Круглого года». Она должна появиться на страницах журнала как можно скорее, и, следовательно, публикация ее должна начаться в номере от 1 декабря. Таким образом, пока Ваша повесть не будет окончена, мы должны будем печататься вместе.

В этом и состоит суть дела. Если допустить в течение слишком долгого времени неуклонное падение тиража, то будет очень, очень, очень трудно поднять его снова. Эти трудности нам не грозят, если я теперь же приму меры. Однако без этого положение, несомненно, станет серьезным.

Умоляю Вас, поверьте, что это могло бы случиться с любым писателем. Я шел на большой риск, оставляя Уилки Коллинза в одиночестве, когда он начал свою повесть. Но он вызвал к ней необходимый интерес и добился бо́льшого успеха. Трудности и разочарования, связанные с нашим делом, огромны, и человек, который преодолевает их сегодня, завтра может пасть под их бременем.

Если б только я мог повидаться с Вами и без стеснения высказать все, о чем так тягостно писать, мне было бы гораздо легче выполнить эту задачу. Если бы, сидя рядом с Вами у камина, я мог подробно разобрать особенности этого случая и объяснить Вам, как мало в нем настоящих причин для разочарования и обиды, я бы задумывался об этой трудной задаче не больше, чем отправляясь на одну из своих обычных прогулок. Но я так ценю Вашу дружбу и такого высокого мнения о Вашем великодушии и деликатности, что мне тяжело, трудно, невыносимо писать это письмо! Более того, я несу его на своих плечах, как бремя Христиана *, и не сниму до тех пор, пока не получу от Вас бодрого ответа. И поэтому даже то обстоятельство, что я его уже написал, не может служить облегчением.

Если бы я сейчас попытался отклониться от этой темы, я бы все равно невольно вернулся к ней. Поэтому не буду пытаться и не добавлю больше ни слова.

Поверьте, дорогой Левер, что я всегда остаюсь
Вашим искренним и верным другом...

112

МАЙОРУ Х. Д. ХОЛЛУ

Редакция журнала «Круглый год»,
среда, 16 января 1861 г.

Уважаемый сэр!

Я с удовольствием встретился бы с Вами раньше, но я был нездоров, находился под наблюдением врача и потому не мог располагать своим временем.

В начале будущего месяца я намереваюсь вместе с семьей приехать в город на время лондонского сезона. В будущую среду в два часа я буду счастлив видеть Вас в редакции, если Вы никуда не уедете.

Вашу книжечку об устрицах я прочитал с большим удовольствием; она кажется мне чрезвычайно занятной. Главное возражение (с точки зрения нашего журнала) против прилагаемой рукописи можно сформулировать следующим образом:

Она содержит слишком много рассуждений по поводу предмета и слишком мало о самом предмете. Всякий знает, что такое «Коммивояжер», и нет никакой необходимости это объяснять. Мы можем поместить серию очерков лишь в том случае, если каждый из них представляет собой нечто законченное или почти законченное. «Коммивояжер» не кажется мне привлекательным заголовком. Я недавно закончил первую серию очерков, озаглавленную «Путешественник не по торговым делам»; «Путешественник по торговым делам» тоже часто использовался. Наконец, в «Домашнем чтении» продолжительное время (насколько я помню, два или три года) публиковалась серия под названием «Странствующий англичанин». Поэтому я боюсь, как бы Вы не пошли по тому же пути. Однако до тех пор, пока я не просмотрю хотя бы один законченный очерк, я не берусь ничего утверждать. Прошу прощения, но я должен добавить: я не верю и никогда не верил, что кто-либо (в том числе и я сам) способен писать для публики в спешке и без большого труда.

Мне доставило бы искреннее удовольствие получить любое письмо нашего друга Хоукинса — независимо от того, каким числом оно датировано.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне Ваш.

113

У. Ф. де СЭРЖА

Редакция журнала «Круглый год»,
пятница, 1 февраля 1861 г.

Дорогой Сэржа,

Вы, конечно, прочли в газетах о нашей суровой английской зиме. В Гэдсхилле стоял такой ужасный мороз, что даже в нашей теплой столовой на рождество было невыносимо холодно. В то утро в моем кабинете, долгое время после того, как в камине жарко запылали дрова и уголь, термометр показывал не знаю сколько градусов ниже нуля. Замерзла ванна, замерзли все трубы, и на пять-шесть недель все обледенело. В спальне замерзла вода в кувшинах, и они разлетелись вдребезги. Обледенел снег на крыше дома, и его с трудом удалось счистить топорами. Обледенела моя борода, когда я выходил из дому, и я не мог отодрать ее от галстука и сюртука, пока не оттаял у огня. Мои сыновья и добрая половина офицеров, живущих в Чатаме, беспрепятственно проехали на коньках до Грейвсенда — в пяти милях отсюда — и в течение месяца еще не раз ездили туда. Наконец наступила оттепель, и все затрещало, закапало, разбухло, размокло и расползлось. После этого нас постигло небольшое бедствие по милости наших слуг: повар (в костюме для верховой езды) и конюх (во фраке и с булавкой в галстуке), когда нас не было дома, оседлали наших с Мэри лошадей и во весь опор носились по окрестностям. Когда же я вернулся домой в прошлую субботу, то удивился, почему это у лошадей такой жалкий вид, и, обеспокоенный, осмелился обратиться за разъяснением к вышеозначенному конюху, который высказал мнение, что «им-де не след застаиваться». Сейчас мы собираемся

переехать в город до середины лета. Продав Тэвисток-хаус, чтобы развязать себе руки, я снял прелестный меблированный дом на Ганновер-террас, 3, Риджент-парк. Я выбрал это место, разумеется, ради дочери. У меня здесь очень хорошая и светлая холостяцкая квартира, за которой смотрит старый слуга, в своем роде незаменимый человек, мастер на все руки: и превосходный столяр, и отличный повар, да к тому же он прослужил у меня двадцать три года.

Сейчас в Англии самая большая сенсация — американские дела. Беру на себя смелость утверждать, что вооруженная борьба продлится недолго и вскоре уступит место какому-нибудь новому соглашению между Северными и Южными штатами, но пока что манчестерские фабриканты испытывают все возрастающую тревогу *.

Положение дел в Италии, пожалуй, не слишком обнадеживает. Испытывая чувство естественной симпатии к угнетенному итальянскому народу и естественное отвращение к папе и Бурбону (весь мир сыт по горло этими пережитками), я согласен с Вами относительно Виктора-Эммануила, но боюсь, что итальянцы на юге окончательно деградировали. Все же объединение Италии будет иметь огромное значение для мира на земле и послужит камнем преткновения на пути Луи Наполеона, которому это очень хорошо известно. Поэтому надо отстаивать идею объединения, какой бы безнадежной она ни казалась.

Мой старший сын, только что вернувшийся из Китая, был узнан Генри Таунсхендом в Марселе и с триумфом доставлен последним на квартиру Таунсхендов. Погода была отвратительная — снег, слякоть, и Марсель был, как и всегда, просто невыносим. Мой сын не мог остановиться у Таунсхендов, так как отправлялся дальше курьерским поездом. Вот что он рассказывает: «Я был у них и видел, как он обедает. Он ел баранью ногу и был ужасно простужен». Вот и все, что мне удалось из него вытянуть.

Дела с журналом идут превосходно, и «Большие надежды» имеют огромный успех. Я взял своего третьего сына (крестника Джеффри) в редакцию. Если не ошибаюсь, у него прирожденный вкус и способности к литературе, работа в редакции ему по душе и будет для него

полезна, тем более что он готовится стать адвокатом *.

Мне ведь предстоит показать Вам Лондон, и мы будем обедать en garçon [1] то здесь, то там, а я так и не знаю, с чего нам начать. Не далее как вчера я вышел из дома в полдень и решил прогуляться до парламента. День был такой солнечный и теплый, что, когда я подошел к Вестминстеру, мне захотелось продолжить путь вдоль Милбэнка, чтобы посмотреть на реку. Я прошел три мили по великолепной широкой эспланаде; то и дело передо мной возникали огромные фабрики, железнодорожные станции и еще бог знает какие сооружения, я проходил мимо совершенно незнакомых мне красивых улиц, которые начинались у самой реки. В те времена, когда я катался на лодке по Темзе, на этом берегу были одни пустыри да овраги, то там, то здесь виднелся трактир, ветхая мельница, фабричная труба. С тех пор я ни разу не был здесь и не видел, как менялся облик этих мест, хотя я всегда считал, что знаю этот довольно большой город не хуже любого лондонца...

114

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Ганновер-террас, 3,
воскресенье, 12 мая 1861 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Просмотренные Вами гранки я получил только вчера, и вчера же вечером сел их читать. Прежде всего должен сказать Вам, что не мог от них оторваться и вынужден был продолжать чтение в постели до тех пор, пока не впал в какое-то весьма смутное состояние. Сегодня утром я снова принялся за гранки и перечитал их с величайшим вниманием.

Я не скажу ни слова ни о красоте и силе Вашего произведения, ни об его оригинальности и смелости, ни о по-

---

[1] По-холостяцки *(франц.)*.

разительном мастерстве интриги. Ограничусь лишь Вашими опасениями и вопросом о том, имеется ли для них достаточно оснований.

По поводу опасений я, ни минуты не колеблясь, скажу, что они решительно ни на чем не основаны. Здесь я ни в коей мере с Вами не согласен. Я уверен, что те читатели, которые никогда не напрягали свой ум (а возможно, им нечего было напрягать), стараясь раскрыть странные тайны нашего сознания, о существовании коих мы более или менее догадываемся, воспримут Ваши чудеса как своеобразное оружие из арсенала художественного творчества и склонятся перед искусством, с каким это оружие было использовано. Даже на разумные существа чудесное действует очень сильно, а ведь люди этого толка не привыкли получать чудесное из таких умелых рук, как Ваши. Читателей более впечатлительных повесть (я в том уверен) совершенно очарует. Читатели, обладающие некоторой долей воображения, некоторой долей скептицизма, а также некоторой долей знаний и образования, надеюсь, сочтут повесть полной причудливых фантазий и любопытных теорий, найдут в ней неожиданные отклики на свои собственные мысли и раздумья, увидят в ней чудеса, которые мастер имеет право вызывать. В последнем замечании, думается мне, и состоит суть дела. Если бы Вы были лишь учеником Чародея, а не самим Чародеем, эти всесильные духи взяли бы над Вами верх, но раз Вы — Чародей, они не могут этого сделать, и Вы заставляете их служить своим целям.

В диалоге кое-где встречаются выражения, которые (опять-таки лишь из-за Ваших страхов) было бы лучше убрать; кроме того, мне кажется, что видение в музее (слово «видение» я употребляю за неимением более удачного) следовало бы сделать немного менее непонятным. Я бы не говорил этого, если бы тираж журнала был ниже, чем тираж «Таймса», но, поскольку он, очевидно, на несколько тысяч выше, я вынужден это сказать. Я также хотел бы предложить поставить после заглавия два слова — «романтическая история». Это до нелепости легкий способ преодолеть Ваш страх перед дураками, но, мне кажется, способ этот будет весьма действенным.

Я думал над заглавием, и оно мне не нравится. Вот некоторые варианты, которые пришли мне в голову:

Стальная шкатулка.
Пропавшая рукопись.
Замок Дерваль.
Вечная молодость.
Волшебство.
Доктор Фенвик.
Жизнь и смерть.

Четыре последних кажутся мне наилучшими. Против «Доктора Фенвика» можно было бы возражать, так как уже был «Доктор Антонио» и, кроме того, имеется книга Дюма, которая подкрепляет это возражение. «Фенвик» кажется мне недостаточно броским. По-моему, более броское заглавие возьмет нашего английского быка за рога и до некоторой степени успокоит Ваши страхи, ибо возвестит о появлении повести с освещенной газовым светом мостовой Брентфорд-роуд.

Заглавие — это первое, о чем нужно условиться, и чем скорее, тем лучше.

Уилсу уже пора передать свои объявления в типографию. Приготовления, необходимые для этого в нашей стране, чрезвычайно сложны и требуют очень много времени.

Для еженедельных выпусков деление повести на части нередко приходится коренным образом менять, хотя впоследствии Вы, разумеется, можете разделить книгу на главы, как сочтете нужным. Например, первую главу я бы кончил на третьей гранке словами: «...и по жутким улицам, освещаемым жуткой луной, я возвратился в свое уединенное жилище». Остаток Вашей первой главы можно было бы сделать главою II, и этим закончить первую еженедельную порцию.

Мне кажется, что в силу необходимости и опыта я понаторел в этом деле и, быть может, Вы не станете возражать, если я буду внимательно следить за содержанием еженедельных порций. Должен сказать, что если бы Вы написали начало повести специально для этой цели, описываемые в ней удивительные события не могли бы следовать друг за другом более последовательно. Мне хо-

чется предложить еще одно чисто техническое изменение. Я бы не называл город одной заглавной буквой; лучше оговорить с самого начала, что название его вымышлено. Мне кажется, что звездочки или тире в какой-то мере отпугивают многих читателей — по крайней мере на меня они всегда оказывают именно такое действие.

Уверяю Вас, что я открыто и искренне, без всяких околичностей высказал в этом письме все свои мысли. Я считаю, что эту превосходную повесть не мог бы написать никто другой и что Ваши страхи не имеют никаких оснований по двум причинам: во-первых, это произведение совершенно явно представляет собою плод воображения и читатель вовсе не должен принимать фантазию за действительность; во-вторых, произведение это написано мастером. Ученик Чародея не знает, что делать с призраком, и, следовательно, не должен вступать с ним ни в какие сделки. Чародей, напротив, отлично знает, что с ним делать, и волен поступать с ним так, как ему вздумается.

У меня нет никаких сомнений по тем пунктам, по которым выражали свои опасения Вы. Никаких. Не могу не повторить, что если бремя этих сомнений взвалить на плечи более слабого человека, он бы под их тяжестью тотчас же рухнул. Но раз Вы их победили, значит, Вы победите и читателя.

Надеюсь, Вы получите это письмо в Нейворте завтра днем. Пусть ветры этих холмов развеют все Ваши сомнения. Поверьте, что если бы я находился там, я бы с проворством Маргрейва взобрался на флагшток и поднял бы на нем флаг Фенвика.

Искренне Ваш.

115

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Редакция журнала «Круглый год»,
среда, 15 мая 1861 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Сегодня — день, который я провожу в редакции. Поэтому я отвечаю на Ваше письмо отсюда, немедленно пошлю за Вашей рукописью и здесь же ее прочитаю. Я не-

плохо разбираюсь в почерках и так хорошо изучил Ваш, что, надеюсь, чтение не составит для меня большого труда.

Вашу первую просьбу я уже предвосхитил. Я сам прочитал гранки одной женщине, которой я всецело доверяю (я нередко читал ей свои собственные гранки) и чью интуицию и такт я высоко ценю. Она обнаружила величайший интерес и не высказала никаких опасений.

Уилс — человек отнюдь не талантливый, и, поскольку его литературные вкусы достаточно банальны, он может представлять бо́льшую часть наших читателей. Более того, он уже имеет двенадцатилетний ежедневный опыт совместной работы со мной. Он тоже очарован Вашей повестью и не мог от нее оторваться. Он нисколько не боится за повесть и уверен, что она вызовет сенсацию. Он сказал мне следующее: «Может быть, сэру Эдварду стоило бы расширить повесть. Тогда он мог бы сильнее подчеркнуть сверхъестественные мотивы, дополнив их некоторыми новыми штрихами психологии и обыденной жизни». Вот и все.

Уилки Коллинз уже три года мой партнер по журналу, и я всецело ему доверяю. Я не буду ему ничего говорить, а просто дам сегодня гранки, посажу его перед собой и посмотрю, как он будет их читать, пока я буду читать Вашу рукопись. Я зайду к Вам в четыре часа дня, если Вы до тех пор не сообщите мне, что Вас не будет дома. Завтра я вернусь к своей собственной повести и поэтому хотел бы видеть Вас сегодня.

Всегда искренне Ваш.

116

ГЕНРИ МОРЛИ

Редакция журнала «Круглый год»,
среда вечером, 28 августа 1861 г.

Дорогой Морли,

За обедом я прочитал в «Таймсе» статью, или, вернее, стряпню продажного писаки о Пяти портовых городах *.

Я просто не переношу отвратительных выражений вроде «обходительность милорда покорила все сердца» или «он совершенно проникся духом своей должности» и тому подобное. Независимо от моей твердой уверенности, что для Англии очень вредно и опасно сотворить себе кумира из человека, заведомо лишенного убеждений и совести *, я думаю, что литература существует для более высоких целей. Меня тошнит при мысли, что человек, имеющий голову на плечах, может выказать какой-либо интерес к тому, что этот лорд держится за мертвые кости древней должности, которой давно пора бы сгнить. У меня нет под рукой печатного экземпляра, но ради бога и ради всех нас вычеркните Лорда Губернатора и замените его каким-нибудь другим термином, который не отдавал бы так отвратительно придворным календарем.

Желаю Вам воздать должное своим собственным мужественным книгам, а нам обоим в ближайшие дни приветствовать друг друга на Елисейских полях!

Я знаю, что в статье не говорится, зачем она написана. Тем большей низостью с моей стороны было бы, если б я ее поместил.

Искренне Ваш.

117

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Гостиница «Квинс-Хэд», Ньюкасл-на-Тайне.
среда вечером, 20 ноября 1861 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Сегодня вечером я очень внимательно прочитал № 19 и 20. У меня нет никаких сомнений насчет нового материала — с точки зрения здравого смысла, красоты и развития сюжета повести он, безусловно, представляет значительное улучшение. Все эти разнообразные аспекты дадут новую и в то же время весьма поучительную пищу для размышлений.

Я ничуть не сомневаюсь, что читатель вполне достоин всего, что будет ему достойно представлено.

Однако, обращаясь к столь широкой публике, весьма желательно по возможности избегать примечаний. Содержание их лучше включать в текст — столь широкая публика неизбежно будет читать повесть небольшими частями, и поэтому чрезвычайно важно, чтобы в них содержалось как можно больше материала. Просто удивительно, до чего трудно заставить большинство людей обращаться к примечаниям (которые они неизменно считают перерывами в тексте, а отнюдь не его усилением или разъяснением).

Преданный Вам.

Правильна ли первая ссылка на книгу Аберкромби «Силы интеллекта»? Вы, конечно, понимаете, что здесь я лишен возможности это проверить. Не кажется ли Вам, что, цитируя Гибберта, следовало бы упомянуть заглавие его книги? Если я не ошибаюсь, она называется «О философии привидений».

Я собираюсь вернуться домой дня за два до рождества. Если Вы хотите написать мне раньше, все письма, адресованные в редакцию, будут немедленно переправлены сюда. Однако могу сообщить Вам, что всю будущую неделю (со вторника 26 ноября до понедельника 2 декабря включительно) я проведу в гостинице «Ватерло» в Эдинбурге, а следующую неделю (со вторника 3 декабря до субботы 7 включительно) — в гостинице Кэрика в Глазго.

118

У. Г. УИЛСУ

Карлайл,
среда, 11 декабря 1861 г.

Дорогой Уилс,

Я против стихотворения. В нем нет ничего хорошего, оно преисполнено самодовольства и мрачно, а это противоречит духу рождественского номера. Человека, называющего себя Поэтом с большой буквы, право же невоз-

можно терпеть в наше время — особенно, если он вовсе не таков.

N мне тоже не нравится. По той же причине, по какой мы включаем в рождественский номер только рождественский материал, мы должны — если можно — избегать его в обычном номере. Я делаю эту оговорку потому, что у Вас может ничего не оказаться под рукой. Но это произведение мне не нравится, и я предпочел бы поместить что-нибудь другое.

Едва ли можно оценить книгу мистера Спенса ниже, чем это сделал Морли.

Костелло очень забавен. Левер местами чрезвычайно смел. Я удалил наиболее рискованные — и, в сущности, несправедливые — места. Еще раз просмотрите все во второй корректуре.

Жители Карлайла сделали все, что могли. Их зал (нечто вроде погреба, и притом заросшего плесенью) был дважды набит до отказа. Здесь едва ли можно было этого ожидать, однако не подлежит сомнению, что вчера вечером они приняли «Копперфилда» не хуже, чем публика в Эдинбурге. Сегодня в час дня мы едем в Ланкастер.

Искренне преданный Вам.

Гранки возвращаю отдельно.

119

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Редакция журнала «Круглый год», среда, 18 декабря 1861 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Я был очень занят — читал, путешествовал, откладывал чтение из-за смерти принца *, неожиданно возвратился домой и отправил своего матроса в море (он получил назначение на лучший корабль — «Орландо» и должен был собраться за полчаса) и поэтому не имел свободной минуты, чтобы Вам написать. Даже сейчас я пишу второпях и намерен дня через два написать подробнее.

Но что бы там ни было, я читал, хотя и не писал. И должен сказать: это превосходно! Невозможно отложить корректуру, не закончив чтение. Я показал ее Джорджине и Мэри, и они читали, не отрываясь до самого конца. Красота, сила и художественное совершенство не подлежат сомнению.

Я настоятельно рекомендую Вам *не* добавлять предполагаемый диалог между Фенвиком и Фэбером и *не* вдаваться ни в какие объяснения, кроме тех, которые содержатся на титульном листе и в эпиграфе, разве только в очень кратком предисловии. Я бы ни в коем случае не помогал читателю, хотя бы для того, чтобы он не ощутил потребности в помощи и не увидел трудностей, требующих устранения. Пусть книга объясняет себя сама. Она говорит сама за себя с благородным красноречием.

Преданный Вам.

120

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ*

<1861 г.>

...Мне кажется, что человек молодой и, быть может, эксцентричный, который в течение нескольких лет выдает себя за покойника и которого действительно все считают мертвым; человек, у которого в силу этого складывается своеобразный характер и своеобразный взгляд на жизнь, был бы хорошей темой для повести... Жалкий обманщик, вступающий ради денег в брак с женщиной, которая, в свою очередь, выходит за него ради его денег; после свадьбы оба видят, что ошиблись, и ополчаются против всех людей вообще. С ними я хочу связать некоторых Совершенно Новых людей. Все, что касается их, ново. Если у них будут отец и мать, то должно казаться, что и они — новые с иголочки, как мебель и экипаж, сверкающие лаком, только что из мастерской... Я должен как-то использовать в повести необразованного отца в бумазейном костюме и образованного мальчика в очках, которых мы с Личем видели в Чатаме...

121

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
пятница, 20 декабря 1861 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Хочу сообщить Вам только, что получил Вашу последнюю записку и написал Уилсу, чтобы он послал Вам статьи Роберта.

Кроме того, я намерен очень внимательно изучить Ваши объяснения и подробно обсудить этот вопрос с Форстером. У меня нет (и, по всей вероятности, не будет) ни малейшего сомнения в том, что уж если что-либо делать, то это *нужно делать как часть книги* — нужно от кого-то избавиться и кого-то вставить на его место,— словом, эта переделка должна быть связана с повестью так, чтобы заставить читателя прочитать то, что Вы хотите дать ему читать. В противном случае повесть не станет читать ни один человек из пятидесяти, и даже ни один из ста. Нельзя ли привлечь к этому делу миссис Пойнтц, в качестве представителя «Уорлд»? Мне кажется, с этой стороны брезжит некоторый луч надежды.

Я пробуду здесь до конца рождественской недели.

Преданный Вам.

122

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Торки,
среда, 8 января 1862 г.

Дорогая моя Джорджи,

Вы, наверное, знаете, как мне не хотелось ехать в Плимут, и я ни за что не поехал бы туда снова, если бы не несчастный Артур. Но в последний вечер я читал «Копперфилда» и совершенно очаровал публику. Эффект

был ошеломляющий; после бури аплодисментов бедный Эндрью * пришел за кулисы и искренне плакал скупыми мужскими слезами. Я получил также несколько записок от его товарищей по кораблю и других моряков, и на всех «Копперфилд» произвел огромное впечатление. Но сильнее всего он подействовал на Макриди в Челтенхеме. Когда я пришел домой после «Копперфилда», он совершенно лишился дара речи, и только скашивал набок свою старую челюсть да закатывал полузакрытые глаза — совсем как на его портрете работы Джексона. А когда я отпустил по этому поводу какое-то легкомысленное замечание, он запротестовал: «Ну, нет... э... Диккенс! Ей-богу, это чудесное сочетание страсти и игривости... э... э... слитых воедино... э... ах, право же, Диккенс! восхищает и трогает до глубины души. Это настоящее искусство, а Вы знаете... э... что я... нет, Диккенс! Черт меня побери совсем! Ведь я видел лучшие образцы искусства в великое время, но это просто непостижимо. Как это захватывает... э... э... как это сделано... э... как только может этот человек? Он положил меня на обе... э... лопатки, и все тут!» С этими словами он уперся рукою мне в грудь, вытащил носовой платок, и я почувствовал себя так, будто он играет Вернера *, а я его партнер. Между прочим, Кэти замечательный слушатель, в ней масса непосредственного чувства. Джонни немного похож на Плорна *.

Я еще не видел здешней залы, но думаю, что она очень маленькая. Эксетер я знаю, там помещение тоже маленькое. В общем, я страшно измучен, я не в состоянии переносить этот теплый сырой климат. Он бы меня очень быстро доконал. Читая «Копперфилда», я изматываю себя настолько, что мог бы с таким же успехом играть Ричарда Уордура.

Теперь, милая Джорджи, Вы знаете все мои новости. Здесь очень красиво — это сочетание Гастингса, Танбридж-Уэлс и невысоких холмов близ Неаполя; но по дороге с вокзала я встретил четырех человек с респираторами и троих молодых священников без оных, причем все трое выглядели довольно скверно.

Всегда преданный.

123

У. Г. УИЛСУ

Торки,
среда, 8 января 1862 г.

Милый Уилс,

Во-первых, о номере. Возвращаю все гранки, в которых я сделал пометы карандашом, так как писал в поезде. Только одна помета («плохо») относится к Меррею, все остальные — к американскому рассказу. При виде большого количества дополнительного материала я решил, что Джон Рэй не должен войти в номер. Надеюсь, что не войдет: он — нуднейший из нудных.

Читая сегодня в Плимуте Ваш отчет об этой скверной истории (я отослал его Форстеру), я корчился от смеха, но потом почувствовал некоторое сострадание — ведь это самый жалкий и несчастный пес на свете.

Вы, наверное, помните, что, когда я в последний раз был в Вашем городе, Ваши земляки мне не понравились. У нас был один удачный вечер и один неудачный. Неудачный — вчера. Но в конце концов я их все-таки сразил «Копперфилдом». В Плимуте ничего подобного быть не может. Там отвратительная зала, весьма неудачно расположенная.

В Торки есть хорошие помещения, но все они малы. В Эксетере зала тоже невелика.

Я счастлив слышать, что мы опять начинаем «Круглый год» удачно.

Рид пойдет. Я бы дал ему то, что он просит, но не следует допускать, чтобы его вещь превысила определенный объем.

Преданный Вам.

124

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
пятница, 24 января 1862 г.

Дорогой Уилки,

Я прочитал Ваш роман * с большим интересом и восхищением. Уилс просит дать ему почитать эту вещь до

того, как она возвратится к Вам. Я знаю, что сейчас она Вам не нужна, а он очень скоро вернет ее на Харли-стрит.

Я нахожу в книге все качества, которые обеспечили успех «Женщины в белом», без малейших признаков повторения или возвращения к старому. Я нисколько не сомневаюсь в ее успехе у публики. Вы можете быть в нем совершенно уверены. Я более чем уверен.

В связи с продолжением книги я позволю себе сказать то, что, быть может, уже приходило в голову Вам самому. Мне кажется, следовало бы по возможности смягчить суровость рассказа. Это в большой степени усилит впечатление упорства, с каким Магдален стремится к своей цели. Для этого я бы придал мистеру Пендрилу некоторые комические черты и вообще осветил бы весь дом теми широкими мазками эксцентричности и юмора, какими Вы озарили любительский спектакль.

Это — единственное критическое замечание, которое приходит мне в голову. Впрочем, есть еще одно. Пересмотрите ту сцену, где Магдален в присутствии мистера Пендрила и отца Фрэнка (он превосходен) перечисляет подряд все пункты. Мне кажется, она делает это слишком по-деловому, словно чиновник.

Уилс требует заглавия, но подобрать его чрезвычайно трудно.

Вот несколько вариантов, основанных на содержании книги:

1) Под поверхностью (было).
2) Подводные течения (было).
3) Напролом.
4) Напрямик.
5) Пятилетний труд.
6) Сучок и дерево.
7) Цветок и плод.
8) За занавесом.
9) Тайные источники.
10) В расчете с Майклом Вэнстоном.
11) Поворотный пункт.
12) Все ниже и ниже.
13) Скрытые силы.
14) Что к чему?

15) Во тьме.
16) К единой цели.
17) Западня.
18) Перемена или изменение к лучшему?
19) Семья Вэнстонов.
20) Магдален Вэнстон.
21) Пьеса сыграна.
22) Дитя природы.
23) Имущество Коум Рэйвен.
24) Перемены в жизни Магдален.
25) Цель Магдален.
26) Начало и конец.
27) Трагедия в Коум Рэйвен.

125

У. Г. УИЛСУ

Гостиница «Адельфи», Ливерпуль,
вторник, 28 января 1862 г.

Дорогой Уилс,

12 февраля — вполне подходящее для меня число.

Вчера вечером здесь была немыслимая давка и многим пришлось уйти ни с чем.

Изменения, которые я предложил Уилки, весьма незначительны, ибо он не может коренным образом переделать то, что написал. Я предупреждал его главным образом о том, что если он будет и дальше писать так же сухо и строго, не пытаясь облегчить свой рассказ причудливой игрой фантазии или юмора, то это неизбежно помешает ему подчеркнуть твердость и решительность девушки. Здесь чрезвычайно важен контраст. Без контраста Магдален невозможно изобразить так, как он хочет.

«На подозрении» — было одним из заглавий в моем списке, но я не послал его Уилки, ибо в нем есть оттенок жаргона, который совершенно не подходит к его повести и несколько ее принижает.

Преданный Вам.

126

ТОМАСУ БЕЙЛИСУ*

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
суббота, 1 февраля 1862 г.

Уважаемый мистер Бейлис,

Я только что возвратился домой, нашел Вашу записку и тотчас же на нее отвечаю, чтобы Вы не обидели меня подозрением в невнимательности к Вам.

Я совершенно согласен с Вами относительно Смита, и, мне кажется, нет необходимости распространяться на эту печальную тему. Я думаю, что теперь с подобными вещами покончено — они рухнули на землю вместе с этим несчастным в Креморне*. Если они возобновятся, тогда против них нужно будет выступить, но я надеюсь, что им пришел конец. (Когда Блонден установил эту моду *, ее чрезмерно поощряли те, кому следовало бы отдавать себе отчет в своих действиях.)

Я всегда считал, что простолюдинов — в отличие от людей, стоящих выше,— нельзя осуждать за пристрастие к подобным зрелищам. Жизнь их полна физических трудностей, и им нравится смотреть на то, как эти трудности преодолеваются. Вот они и идут на это смотреть. Если мне каждый день грозит опасность свалиться с лестницы или со строительных лесов, то встреча с человеком, который утверждает, что не может свалиться ниоткуда, будет для меня весьма приятной и радостной.

Преданный Вам.

127

ГЕНРИ Ф. ЧОРЛИ

Гайд-парк, 16, Саус-Кенсингтон-Гор,
суббота, 1 марта 1862 г.

Дорогой Чорли,

Сегодня я присутствовал на Вашей лекции * и должен сказать, что прослушал ее с большим интересом и удовольствием.

Подбор материала и его расположение превосходны; кроме того, скромность и полное отсутствие какой-либо аффектации у лектора могут служить прекрасным примером для многих. Если бы Вы говорили немного громче и не обрывали фразы за какую-то долю секунды до того, как прозвучит последнее слово, Вы вызвали бы более широкий отклик аудитории.

Произнесенная фраза ни минуты не живет самостоятельно, и нельзя быть уверенным, что она дойдет до слушателей, если пренебречь хоть одним, пусть самым незначительным, из ее слагаемых. Постарайтесь связать ее с остальными, и тогда воспринимать ее будет гораздо легче. После отличного описания испанского нищего с гитарой и весьма удачных слов о танце с кастаньетами публика готова была выразить горячее одобрение, но, заставив ее слишком долго ожидать и вслушиваться в последние слова, Вы ее остановили. Беру на себя смелость сделать эти замечания, как человек, который сражался (риторически) с дикими зверями на самых различных аренах. В общем, лучше быть не может. Это замечательное сочетание эрудиции, мастерства, точности, сжатости, здравого смысла и хорошего вкуса.

Искренне Ваш.

128

У. Ф. де СЭРЖА

Гайд-парк-гейт, 16, Саус-Кенсингтон-Гор, воскресенье, 16 марта 1862 г.

Дорогой Сэржа,

Моя дочь, естественно, хочет провести весну в городе, и поэтому я на три месяца переехал в квартиру одного приятеля, а он на это время занял мой дом.

Мой старший сын служит в Сити в торговой фирме, ведущей дела с востоком, и преуспеет, если только у него хватит энергии и упорства. Мой второй сын — в Индии с 42-м Шотландским полком. Мой третий сын, славный

уравновешенный юноша, посвятил себя изучению механики и артиллерии. Мой четвертый (это звучит совсем как в шараде), прирожденный морячок, служит гардемарином на военном корабле «Орландо», который сейчас находится на Бермудских островах; этот сделает карьеру где угодно. Остальные два в школе, причем старший из них очень умный и способный мальчик. Джорджина и Мэри ведут мое хозяйство, а Френсис Джеффри (его я должен был бы назвать третьим сыном, и поэтому обозначим его номером два с половиной) в настоящее время у меня в редакции. Теперь Вы имеете полный список нашего семейства.

На причины американского конфликта я смотрю следующим образом. Рабство, в сущности, не имеет к нему ни малейшего отношения, он никак не связан с какими-либо великодушными или рыцарскими чувствами северян. Однако, постепенно захватив право издавать законы и устанавливать тарифы и с выгодой для себя самым постыдным образом обложив налогами Юг, Север по мере роста страны начал убеждаться в том, что если он не добьется проведения геометрической линии, за пределы которой рабство не должно распространяться, то Юг неизбежно восстановит свое былое политическое могущество и сможет немного наладить свои коммерческие дела. Всякий разумный человек при желании может убедиться в том, что Север ненавидит негров и что до тех пор, пока не стало выгодным притворяться, будто сочувствие неграм — причина войны, он ненавидел также и аболиционистов и поносил их на чем свет стоит. В остальном обе стороны сделаны из одного теста. И та и другая будут произносить речи, лгать и воевать до тех пор, пока не придут к компромиссу; что же касается раба, то его включат в этот компромисс или выключат из него — как придется. Насчет того, что выход из Союза равносилен мятежу, то, судя по газетам штатов, Вашингтон, по-видимому, его таковым не считает — ведь Массачусетс, который громче всех выступал против этого, сам неоднократно утверждал свое право выйти из Союза.

Вы спрашиваете меня о Фехтере и его Гамлете *. Игра его превосходна; это самый ясный, последователь-

ный и понятный Гамлет из всех, каких я когда-либо видел. Его интерпретация отличалась необычайной тонкостью и изяществом, и главное — он всячески избегал грубости и жестокости по отношению к Офелии, которые в той или иной степени присущи всем остальным Гамлетам. Его игра замечательна как своего рода tour de force [1], настолько поразительно он овладел английским языком; но достоинства его неизмеримо выше. Разумеется, у него иностранный акцент, но неприятным этот акцент назвать нельзя. И он держался настолько легко и уверенно, что ни разу не пришлось пожалеть о том, что он иностранец. Добавьте к этому необычайно живописный и романтический грим, безжалостную расправу со всеми условностями, и Вы поймете главные достоинства его исполнения. В роли Отелло он успеха не имел. В роли Яго он очень хорош. Это замечательный актер, неизмеримо выше всех, выступавших на нашей сцене. Истинный артист и джентльмен.

В прошлый четверг я снова начал выступать в Лондоне с чтением отрывков из «Копперфилда» и описания вечеринки у мистера Боба Сойера из «Пиквика» — в качестве веселой концовки. Успех «Копперфилда» поразителен. Он произвел такое впечатление, что не мне об этом говорить. Могу только заметить, что, когда я кончил, я был еле жив. Несмотря на то, что все лето, тщательно подготовляя текст, я ожидал, что он произведет сенсацию в Лондоне, и Макриди, который слышал его в Челтенхеме, предупредил меня, что успех будет велик, успех этот превзошел все мои ожидания. В будущий четверг я читаю опять, и все бешено расхватывают билеты. Сообщите об этом Таунсхенду и передайте ему привет, если увидите его прежде, чем я ему напишу; скажите ему, что публика ни за что не хотела меня отпускать, до того она была взволнована и с такою теплотой выказывала свои чувства. Я пытаюсь наметить план новой книги, но пока что дальше попыток дело не идет.

Искренне Ваш.

---

[1] Фокус *(франц.)*.

129

У. Г. УИЛСУ

*Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
воскресенье, 14 сентября 1862 г.*

Дорогой Уилс,

Я получил Ваше послание с берегов Леты и надеюсь, что Вы вернетесь тучным и упитанным, как плевелы, растущие у тамошних вод *.

Мне удобно сделать два номера в четверг (конечно, при условии, что можно будет во втором поместить более удачный или подходящий материал, если таковой подвернется), и к этому времени я появлюсь с кучей гранок.

Повесть Троллопа замечательно хороша, очень красочна и читается с большим интересом. Однако он испортил конец, предвосхитив все заранее, и в этом месте я его порядком переделал.

Я думаю, что Левер сойдет,— во всяком случае, я уж об этом позабочусь. Подготовьте для меня все, что получилось из его повести.

Быть может, для Вас будет некоторой (и даже приятной) неожиданностью узнать, что я сделал начало и конец рождественского номера и собираюсь скоро написать для него прелестный рассказ. По-моему, то, что я придумал, весьма забавно и ново. Прилагаю циркулярное письмо для участников вышеуказанного номера.

После поразительного и сенсационного сообщения о том, что «Чей-то багаж» уже сделан и отделан, я даю Вам возможность перевести дух — если можете, принимая во внимание, что у Вас (безусловно) захватило его от восхищения Вашим —

Всегда знаменитым.

130

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

*Лондон, Стрэнд, Веллингтон-стрит, 26,
суббота, 20 сентября 1862 г.*

Дорогой Уилки,

За один присест проглотил Ваш второй том * и нахожу его великолепным. Все нарастающая сила повествования приводит меня в восторг. Эта книга настолько же

выше «Женщины в белом», насколько тот роман выше жалкого среднего уровня нынешней прозы. В образе Капитана есть мазки, которые могут принадлежать лишь кисти прирожденного (и к тому же просвещенного) писателя. А оригинальность миссис Рэгг — без всякого ущерба для ее правдоподобия — действительно большое достижение. Да и все Ваши герои замечательны; мистер Ноэль Вэнстон и экономка — оба по-своему достойны похвалы не меньшей, чем остальные; образ же Магдален обрисован необыкновенно правдиво, с настоящей силой, чувством и страстью.

Не могу описать Вам необыкновенный прилив гордости, который я испытал, читая чудесные плоды Вашего упорного труда. Ибо, как Вам известно, еще со времен Бэзила * я был уверен, что Вы — именно тот писатель, который займет первое место в состязании: ведь Вы — единственный, в ком изобретательность, а также сила чувства и юмор сочетаются с неукротимым трудолюбием и глубочайшей уверенностью, что без труда нельзя создать ничего ценного — о чем не имеют ни малейшего понятия кривляки и ничтожества.

Сегодня я отсылаю Вам книги по Юго-Восточной железной дороге.

Я был бы счастлив еще раз приехать к Вам в Бродстэрс, но боюсь, что из этого ничего не выйдет. Я забыл, сколько времени Вы там пробудете. Пожалуйста, известите меня об этом. Двадцатого октября мы собираемся в Париж. Возможно, я буду читать в Париже, когда приеду туда, но пока это еще одни предположения.

Не напишете ли Вы что-нибудь для рождественского номера? Я написал введение и заключение и вышлю их Вам, как только Типограф заставит Томаса Уилса «с ним расправиться». Они написаны от лица Официанта и, по-моему, очень забавны. Замысел допускает любое содержание и не требует никаких разъяснений. Кроме того, эта вещь высмеивает трудности составления рождественского номера и имеет неожиданную развязку. Заглавие (между нами) — «Чей-то багаж».

Джорджине лучше, хотя она еще очень слаба. Она читала Вашу книгу с глубочайшим интересом и шлет Вам сердечный привет.

У меня много треволнений *, о которых я расскажу Вам в ближайшие дни, когда мы увидимся. Я, конечно, надеюсь их преодолеть — справиться со мною не так-то просто,— но их становится все больше и больше.

Вчера к обеду неожиданно явился Лич. Потом мы с ним и с Джорджи отправились в «Адельфи», где Бенджамен продемонстрировал на редкость несообразный и бездарный образчик своей игры в пьесе под названием «Один штрих Природы». Это — его собственноручная скверная переделка какой-то французской драмы. Вот одна из его блестящих находок: в сцене, происходящей близ Лонг-Эйкр, он называет свою малолетнюю дочь «мадам». Кроме того, он все время мысленно мечется между мной, самим собой и еще каким-то французом, которого видел в этой роли.

Уилс шлет Вам привет, дорогой Уилки.

Искренне Ваш.

131

МИССИС ГЕНРИ ОСТИН*

Париж, рю дю Фобур Ст. Оноре, 27,
пятница, 7 ноября 1862 г.

Дорогая Летиция,

Из твоего письма я вижу, что ты воспрянула духом, бодра и полна надежд. Путь твой лежит через упорный и неустанный труд. Не сомневайся в этом.

Я приехал во Францию раньше Джорджины и Мэри и отправился в Булонь встречать их пароход, который должен был прибыть в воскресенье — когда был страшный шторм. Пять часов подряд я простоял на пристани в Булони (держась обеими руками за перила). Подводный телеграф сообщил, что их корабль вышел из Фолкстона — хотя встречное судно из Булони не отважилось на такую попытку — и в девять часов вечера о нем еще не было ни слуху ни духу, а он должен был прийти в шесть. Я больше всего боялся, что пароход попытается войти в Булонь, ибо при этом смыло бы волной все, находящееся на палубе. Однако в девять часов был отлив, и потому

эта отчаянная попытка никак не могла удаться, и я решил, что они, по всей вероятности, ушли в Даунз и проболтаются там до утра. Поэтому я в сильном волнении отправился в гостиницу, чтобы высушить свою куртку и пообедать. Около десяти часов они прислали телеграмму из Кале, куда только что прибыли. На следующее утро я помчался к ним, опасаясь увидеть их полуживыми (ведь они чуть не утонули). Однако оказалось, что они тщательно разряжены, готовы ближайшим поездом выехать в Париж, а самое удивительное — ничуть не испуганы! Всю дорогу они болтали с молодой женщиной и ее мужем-офицером (единственными, кроме них, пассажирами первого класса). Как водится, в конце путешествия оказалось, что с ним (в сухом виде) они были хорошо знакомы еще с Чатама. Он только что женился и едет в Индию! Поэтому они устроили общее хозяйство у Дэссена в Кале (где меня хорошо знают), и у них был такой вид, словно они проводят там лето.

У нас здесь славная квартирка, но страшно сказать, сколько мы за нее платим. Миссис Баунсер * (которой парижская полиция приказала надеть намордник) тоже здесь и, укрощенная подобно свирепому льву, являет поразительное зрелище на улицах.

В нашем посольстве я узнал, что император только что предложил нашему правительству совместно с Францией (а также с Россией, если Россия захочет) призвать Америку прекратить жестокую войну. Ответ нашего правительства еще не получен, но я совершенно уверен, предложение будет отклонено на том основании, что «время еще не настало».

Любящий.

132

У. Г. УИЛСУ

Париж,
вторник, 25 ноября 1862 г.

Дорогой Уилс,

Я предпочитаю прилагаемую верстку со следующими изменениями.

Этот номер недостаточно выразителен для стихотворе-

пия Оллиера (оно сентиментально), и поэтому лучше заменить его чем-нибудь другим. Лучше всего раздобыть хорошую прозаическую вещь, вставить ее после Мэррея, а освободившееся место заполнить статьей о хлопке. В оглавлении я такой вещи не вижу, но, быть может, у вас есть какая-либо подходящая рукопись? Что-нибудь легкое и приятное — только не в стихах — весьма улучшило бы номер.

По-моему, сейчас уже не стоит отсылать гранки, поэтому продолжу относящиеся к ним замечания.

Вычеркните из Мэррея все «шикарные» словечки — вроде «заварухи» и тому подобного кривлянья. Полностью вычеркните последний абзац насчет его доброго коня.

Сокращая статью о хлопке до требуемых размеров, не вычеркивайте ничего из первого оттиска. Ибо Манчестерская школа* заслуживает того, чтобы ее хорошенько вышколили за доведенный ею до дичайшего абсурда догматизм спроса и предложения, а также за ослиное упрямство, с которым она утверждает, будто люди не станут воевать вопреки своим интересам. Как будто страсти и пороки людей испокон веков не противоречили их интересам!

Мисс Эдвардс я сделал.

«Огонь» лучше распределить и, конечно, заплатить за него. Это просто раствор — и притом весьма сухой — хорошо известной вещи из «Домашнего чтения».

Если Спайсер в городе, пусть он напишет забавную вещицу, изобразит в ней самого себя, коренного лондонца, к которому приехали в гости, скажем, семеро скромных провинциалов (все они отчаянные британские урапатриоты, по мнению которых все прочие империи и государства пребывают во мраке), и подробно расскажет о том, как всех их в течение одного дня колотили, сбивали с ног, душили, грабили и чуть было не прикончили. Или пусть что-нибудь в этом роде напишет мистер Холлидей.

Чем больше я думаю о «Никогда не унывай», тем меньше этот заголовок мне нравится. В нем нет никакой солидности, и он может стать мишенью для всевозможных шуток. Лучше бы что-нибудь повыразительнее, например,

«Не сдаваться». Если я правильно понимаю суть дела, гораздо больше подошло бы что-нибудь вроде «Упорный», «Верный до конца», «Вперед», «Твердый как скала», «Стойкость», «Пригвожденный к мачте», «Верный флагу».

Я собираюсь приехать в пятницу днем, чтобы всю субботу провести в городе. Я хочу заняться делами Фрэнка * и кое-чем еще. Пожалуйста, передайте Джону, чтобы в пятницу к 6 часам он приготовил мне на обед рыбу и хорошую баранью отбивную, и скажите ему, что, по всей вероятности, со мной будет обедать Эдмунд Йетс. Я, разумеется, надеюсь, что Фрэнк окажет мне честь своим присутствием (пожалуйста, передайте ему это), если он не занят в другом месте.

Преданный Вам.

133

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Ноябрь 1862 г.

...Вчера я видел мадам Виардо в роли глюковского Орфея. Это изумительное исполнение — в высшей степени трогательное и полное тончайших оттенков. Все от начала до конца неподражаемо прекрасно, и даже сейчас, когда я пишу эти строки, я не могу без волнения вспомнить первую сцену у гробницы Эвридики. Более изысканного изображения горя просто невозможно себе представить. В высшей степени благородно движение, которым Орфей берет с могилы брошенную лиру, когда боги, обнадежив его, приказали ему отправиться в потусторонний мир искать Эвридику. Когда же в руке Орфея очутилась наконец рука Эвридики и Орфей узнает ее не видя, это уже просто откровение. А когда в ответ на мольбы Эвридики Орфей оборачивается и убивает ее взглядом, отчаяние его над телом просто потрясающе. Ради одного этого стоит съездить в Париж, ибо такого искусства не увидишь больше нигде. Муж Виардо случайно наткнулся на меня и привел

к ней за кулисы. Вышло весьма кстати: трудно было найти свидетельство более искреннего восхищения спектаклем, чем мое залитое слезами лицо...

134

ЧАРЛЬЗУ ФЕХТЕРУ

Париж,
суббота, 6 декабря 1862 г.

Дорогой Фехтер,

Я внимательно прочитал «Белую розу» и нахожу, что это очень хорошая пьеса. Она написана энергично, с большим знанием сцены, и в ней много интересных ситуаций. Особенно удачным, выразительным, смелым и новым я считаю конец.

Однако я сомневаюсь, выгодно ли Вам начинать свою антрепризу с *какой бы то ни было* исторической пьесы. Под выражением «историческая пьеса» я понимаю пьесу, основанную на каком-либо событии из английской истории. Наша публика привыкла связывать исторические пьесы с Шекспиром. Боюсь, что ее очень мало интересуют короли и герцоги в изображении кого-либо другого. Вам нужна пьеса, представляющая интерес более общего, бытового характера — интерес сколь Вам угодно романтический, однако при условии, что он вызовет более широкий и всеобщий отклик, чем тот, который вызывает у нынешних англичан спор о праве престолонаследия. Такой интерес достиг высшей точки при последнем Стюарте и давно уже иссяк. Вызвать интерес к Перкину Уорбеку * в наши дни нелегко.

Я не сомневаюсь, что пьеса будет хорошо принята, но боюсь, что на Ваших героев будут смотреть, как на пустые абстракции, вследствие чего их примут холодно и они не завоюют Вам публику. Вот когда Вы *завоюете* публику и приучите ее к своему театру, тогда Вы сможете поставить «Белую розу», и публика воздаст должное и автору и антрепренеру! Подождите. Нащупайте почву. Перкин Уорбек слишком далек от интересов и жизни современных людей, чтобы с него начинать.

Искренне Ваш.

135

У. Ч. МАКРИДИ

Редакция журнала «Круглый год»,
четверг, 19 февраля 1863 г.

Дорогой Макриди,

Я только что вернулся из Парижа, где чтение «Копперфилда», «Домби и Сына», «Рождественской песни» и «Суда» вызвало такую сенсацию, которую скромность (моя прирожденная скромность) не дает мне возможности описать. Вы ведь знаете, как великодушна парижская публика! По отношению ко мне она выказала беспредельное великодушие.

Я очень огорчился, когда Джорджи второпях сообщила мне о Вашей болезни. Но вечером, когда я вернулся домой, она показала мне письмо Кэти, и оно меня снова ободрило. У Вас превосходнейшие собеседники и сиделки, и время от времени Вы можете позволить себе болеть, наслаждаясь заботливым уходом. Однако, несмотря на все это, постарайтесь в ближайшее время больше не хворать.

Ренье просит передать Вам сердечный привет. Он ничуть не изменился.

Париж в общем столь же безнравствен и сумасброден, как во времена Регентства. Мадам Виардо в «Орфее» великолепна. Опера «Фауст» — очень грустная и благородная интерпретация этой грустной и благородной истории. Постановка отличается замечательными и поистине поэтическими световыми эффектами. В наиболее важных ситуациях Мефистофель окружен присущим ему одному адским красным сиянием, а Маргарита — бледно-голубым траурным светом. Когда Маргарита берет драгоценности, нарочно оставленные для нее в саду, спускаются таинственные сумерки, цветы блекнут, листья на деревьях поникают, теряют свой свежий зеленый цвет, и мрачные тени сгущаются вокруг окна ее спальни, которое вначале казалось таким невинным, светлым и веселым. Я не мог этого вынести и был совершенно потрясен.

Фехтер делает здесь чудеса в живописной французской драме. Мисс Кэт Терри, исполняющая в ней небольшую роль, просто обворожительна. Вы, вероятно, помните, как

несколько лет назад она наделала много шуму, играя мальчика в «Лионском курьере». В этой пьесе она необыкновенно красиво и тонко исполняет роль влюбленной. Я увидел ее в этой роли около трех часов ночи накануне открытия театра. Вокруг были стружки, плотники, и (разумеется) раздавался неизбежный стук молотка, и я сказал Фехтеру: «Это наилучший образец женской нежности из всех, какие я когда-либо видел на сцене, и Вы убедитесь, что нет такой публики, которая бы этого не оценила». Приятно добавить, что мое замечание было тут же подхвачено, и о нем много говорят.

Стэнфилд несколько месяцев был тяжело болен, потом вдруг выздоровел и теперь снова румян и весел. Когда он совсем пал духом, я навестил его, рассказал ему о пьесе Фехтера (ее тогда репетировали) и изобразил все в лицах — подрался на дуэли с умывальником, бросил вызов кровати и спас жизнь диванной подушке. Это настолько разожгло его былой театральный пыл, что, по-моему, он тут же пошел на поправку.

С сердечным приветом миссис Макриди и Кэти, а также (молчи, о сердце) Бенвенуте, изгнаннику Джонни (надеюсь, он не слишком внимателен в школе) и незнакомому мне юному Парру, я остаюсь, дражайший Макриди,

искренне Вашим.

136

У. Ф. де СЭРЖА

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, четверг, 21 мая 1863 г.

Дорогой Сэржа,

Меня нисколько не удивляет, что Вам трудно привыкнуть к мысли о французском Гамлете. Уверяю Вас, что трактовка Фехтера в высшей степени замечательна и дает необыкновенно убедительное целостное представление о Гамлете. (Вы верите ему независимо от того, каким образ принца датского запечатлелся в вашем воображении.) Это — творение настоящего художника. Мне еще ни разу

не приходилось видеть такой глубоко продуманной, ясной и последовательной трактовки. Кроме всего прочего, это романтическое и красочное зрелище, что тоже весьма привлекательно и совершенно ново. Не сомневайтесь в том, что публика была права. Спектакль не мог бы держаться на одной только оригинальности, он бы очень скоро сошел со сцены. Что касается акцента, то он гораздо слабее, чем можно было ожидать. Фехтер знает английский язык настолько хорошо, что вы за него не боитесь и вам никогда не бывает за него обидно. Вы сразу чувствуете, что актер не испытывает затруднений, и потом уже больше об этом не думаете.

Что касается Колензо * и Джоуитта *, то это вопрос более сложный, однако я и здесь не могу с Вами согласиться. Авторы очерков и обзоров считают, что определенные части Ветхого завета выполнили свою задачу в воспитании мира. Однако всевышний предопределил, что человечество, как и отдельная личность, должно перейти от периода детства к зрелости и что по мере его развития должны развиваться и средства его воспитания. Например: поскольку известно, что с тех пор как существуют солнце и пар, при определенных условиях должна возникать радуга, то пора бы уже признать этот неоспоримый факт. Равным образом, Иисус Навин, думая, что солнце вращается вокруг земли, мог приказать солнцу остановиться *, но каковы бы ни были его представления, он никак не мог бы изменить взаимную связь земли и солнца. Далее: считается, что наука геология — такое же откровение, как книги древнейшего и (в лучшем случае) сомнительного происхождения. Поэтому наше отношение к этим книгам должно благоразумно сообразоваться с геологией. По-моему, смысл подобных современных признаний состоит в том, что Церковь не должна отпугивать и терять наиболее вдумчивых и логически мыслящих людей, напротив, ей следует весьма деликатно и осторожно делать уступки, с тем чтобы удержать этих людей, а через их посредство сотни тысяч других. Такая позиция кажется мне — насколько я понимаю характер и тенденцию нашего времени — весьма мудрой и необходимой, независимо от того, ведет ли она к добру или ко злу. Опасны не те люди, которые придерживаются этого мнения, а те, которые ничего

не доказывают, а лишь бранятся. Я никак не возьму в толк, зачем все эти епископы и иже с ними говорят об откровении, если они считают, что откровений давным-давно не бывает. Ни одно открытие не делается без воли и помощи божией, и, по-моему, все, что человеку дано познать о господних деяниях, несомненно, есть откровение, коим люди должны руководствоваться. И, наконец, по вопросам религиозных учений и догматов эти люди (протестанты, протестующие, преемники тех, кто протестовал против устранения человеческого разума) рассуждают и пишут так, словно эти учения и догматы установлены прямым указанием свыше, а не так, как если бы они были (что нам доподлинно известно) результатом временных соглашений и компромиссов между враждующими смертными, коим столь же свойственно ошибаться, сколь и нам с Вами.

Возвращаясь к домашним делам, я надеюсь, что у Джорджины теперь дело пойдет на поправку. Мэри замуж не вышла и (насколько мне известно) не собирается. Кэти со всей своей компанией последние четыре дня исступленно играет в крокет у меня под окном, доводя меня до умопомрачения. «Орландо», корабль моего юного моряка, благополучно стоит в Чатамском доке, и, пока корабельные плотники заделывают пробоину, мальчик почти все время дома. Я теперь каждую пятницу читаю в Лондоне. Огромные толпы и огромный восторг. Таунсхенд, по-моему, сегодня выехал из Лозанны. Его дом в парке закрыт и готов к его приезду. Принц и принцесса Уэльские много выезжают (что благоразумно) и имеют полную возможность завоевать большую популярность. Городской бал в их честь обещает быть необыкновенно пышным, и Мэри чрезвычайно взволнована тем обстоятельством, что ее отец приглашен и она вместе с ним. Тем временем недостойный родитель выискивает всевозможные предлоги для того, чтобы отправить ее туда одну, а самому увильнуть. Один мой очень умный друг-немец, только что прибывший из Америки, считает, что на Севере удастся провести всеобщую мобилизацию и что война затянется на неопределенное время. Я говорю «нет» и утверждаю, что, несмотря на безумие и злодейства северян, война окончится скоро, так как они не смогут набрать солдат *. Посмотрим. Чем больше они хвастают, тем меньше я в них верю...

137

У. У. СТОРИ

Гэдсхилл,
1 августа 1863 г.

...Прилагаемые Вами стихи будут опубликованы в журнале «Круглый год», а номера его будут посланы Вам. Я несколько сомневаюсь насчет «Леди Гаррис», остальное же мне очень нравится.

Сильно опасаюсь, как бы Франция не втянула нас в войну и всеобщую сумятицу *. Авантюристу, сидящему на французском троне, остается только одно: отвлекать внимание своих подданных блеском театральной славы. Оказывать ему знаки почтения, как это делало английское правительство, я считаю политикой столь же слепой, сколь и низкой...

138

МИССИС МЭРИ НИКОЛЬС*

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент.
среда, 5 августа 1863 г.

Сударыня,

Я совершенно разделяю Ваши чувства и намерения, но не могу принять Вашу статью «Ничей ребенок», ибо она всего лишь повторяет неоднократно сказанное раньше, вместо того чтобы способствовать решению вопроса, пролив на него новый свет. Кроме того, в одном важном пункте Вы грешите против фактов. О найденышах должны заботиться учрежденные согласно закону о бедных объединения тех приходов, в которых они родились или были найдены. Много лет назад я пытался улучшить воспитание таких детей, привлекая к ним симпатии публики. Годы, которые прошли с тех пор, были годами больших перемен в этой области. Что касается больницы для найденышей, то нынешние ограничения были вызваны тем, что она в свое время подверглась серьезным нареканиям. Они могут

быть справедливыми или несправедливыми, но на то были причины, и об этом можно спорить.

Как это ни прискорбно, но есть слишком много женщин, которые чрезвычайно жестоки по отношению к девушкам, имеющим незаконных детей. Но я уже останавливался на этом вопросе в одной из первых частей «Путешественника не по торговым делам», и к тому же не в первый раз.

Искренне Ваш.

139

МИСС И. КЛЕЙТОН

Гэдсхилл,
вторник, 13 октября 1863 г.

...Поверьте, что я ничего не могу сделать для Вашей книги, если она сама ничего не может сделать для себя. Если бы я дочитал эту рукопись до конца, боюсь, что я бы никогда больше не смог ничего читать. Не представляю себе, что мог иметь в виду (если он не имел в виду отделаться от Вас) издатель, заявив, будто Вам необходимо кого-то «заинтересовать». Могу лишь заверить Вас в том, что моя собственная «заинтересованность» еще ни разу не помогла ни единому начинающему автору...

140

МИССИС МЭРИ НИКОЛЬС

Редакция журнала «Круглый год»,
понедельник, 19 октября 1863 г.

Сударыня,

Надеюсь в ближайшее время получить сокращенную и переделанную повесть. К сожалению, по поводу прилагаемой рукописи я могу возразить лишь одно, а именно, что

не вижу оснований называть ее повестью. Сюжет настолько избит и банален, что его могло бы спасти только исключительное искусство рассказчика. А этого искусства там нет. Даже если бы части, повествующие о собаке, были рассказаны просто как анекдоты о собаках, это замечание было бы приложимо к ним в равной степени.

Если бы моя дочь написала эти стихи, я бы постарался убедить ее в необходимости терпеливо изощрять свой ум, свое воображение и не делать необдуманных попыток. Разумеется, в настоящем случае я не могу сказать, какие поэтические способности могут таиться в юной груди, но я не вижу проявления их в этих строках. Я нахожу слова и звуки, но не нахожу мыслей. Я слишком часто наблюдаю печальную участь тех, кто ошибся в своем призвании, и потому умоляю Вас подумать, не кажется ли Вам, что любой самый обыкновенный ребенок, болтая с Вами в течение получаса, мог бы сочинить нечто гораздо более удачное.

Искренне Ваш.

141

ДЖОШУА ФЕЙЛУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
21 января 1864 г.

Сэр!

В ответ на Ваш вопрос имею честь сообщить Вам, что события, описанные в «Оливере Твисте» и «Барнеби Радже», вымышлены хотя и основаны на детальных наблюдениях и раздумьях. Описание ярмарки в Льюисе основано на действительных событиях, но это писал не я. В комплекте «Таймса» за тот год, когда были казнены Маннинги * (я точно не помню даты), Вы найдете письмо за моей подписью, в котором описываются ужасы публичной казни в Лондоне и собравшаяся на это зрелище грубая бесчувственная толпа. Когда Вы будете меня цитировать, очень прошу Вас делать различие между публич-

ными казнями и смертной казнью. Я был бы рад уничтожить и то и другое, если бы знал, как поступать с цивилизованными дикарями. Поскольку я этого не знаю, то в тех случаях, когда они проливают кровь, я бы чрезвычайно торжественно избавлял от них общество, но удалил бы зрителей.

Искренне Ваш.

142

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Гэдсхилл,
понедельник, 24 января 1864 г.

Дорогой Уилки,

Я ужасно запоздал с ответом на Ваше долгожданное письмо, но я был так занят, у меня было так много гостей на рождество и Новый год и я столько возился с отправкой Фрэнка в Индию, что никак не мог собраться написать настоящее длинное послание, каким, я надеюсь, будет это, но каким оно в конце концов может и не оказаться.

Прежде всего отвечу на Ваш вопрос о рождественском номере и о новой книге. Рождественский номер оказался самым удачным из всех, он был лучше прошлогоднего, разошелся в количестве двухсот двадцати тысяч экземпляров и быстро завоевал миссис Лиррипер * неслыханную дотоле известность по всей стране. Когда я писал о ней, я в нее очень верил, ибо она произвела на меня сильное впечатление, но она, право же, превзошла все мои надежды. (Вы, наверное, ничего о ней не знаете? Это весьма неприятное обстоятельство.) Что до новой книги, то я написал два первых выпуска и теперь начинаю третий. Книга эта представляет собою сочетание комического с романтическим; это требует больших усилий и полного отказа от всяких длиннот, но я надеюсь, что она превосходна. Короче говоря, должен признаться, что таково мое о ней мнение. Как ни странно, вначале возвращение к широкому полотну и большим мазкам меня несколько ошеломило, и

даже теперь у меня такое чувство, будто я после Тэвисток-хауса играю в Сан-Карло *, чего я никак не мог ожидать от столь бывалого человека и актера.

Вы, вероятно, читали о смерти бедного Теккерея — и внезапной, и в то же время не внезапной, ибо он долгое время был опасно болен. По просьбе мистера Смита и некоторых его друзей я сделал то, чего охотно бы не делал, если бы чувствовал себя вправе отказаться,— написал несколько страниц о нем для его бывшего журнала.

Что касается итальянского эксперимента *, то де ла Рю верит в него больше, чем Вы. Он и его банк тесно связаны с туринскими властями, и де ла Рю с давних пор предан Кавуру; однако он дал мне всевозможные заверения (с иллюстрациями) в том, что провинции сливаются друг с другом, а мелкие взаимно противоположные характеры неуклонно превращаются в один национальный характер (последнее можно только приветствовать). Разумеется, в стране, которая была до такой степени унижена и порабощена, в начале борьбы неизбежны разочарования и разногласия, а времени прошло еще очень мало...

143

МАРКУСУ СТОУНУ

Гайд-парк, Глостер-плейс, 57,
вторник, 23 февраля 1864 г.

Дорогой Маркус,

Эскиз обложки я считаю *отличным* и не сомневаюсь, что она будет превосходной. Я хочу предложить Вам кое-что изменить. Это объясняется деловыми соображениями, которыми не следует пренебрегать.

Слово «Наш» в заголовке нужно поставить на свободное место, как и «Общий друг», и сделать его такого же размера, чтобы заголовок состоял из трех больших отчетливых линий. Но тогда у Вас получится слишком много рисунков внизу. Поэтому я убрал бы мусорщика и вместо него вставил композицию Вегг-Боффин (которая превосходна). Инспектор и объявление о награде за поимку

убийцы мне не нужны, ибо это достаточно намечено в свободном пространстве наверху. Поэтому вместо инспектора Вы можете дать намек на мусорщика. Помните, что лицо мусорщика должно быть забавным, а не страшным. Локоть Твемлоу будет, как и сейчас, заходить за рамку, и юбки Лиззи на противоположной стороне тоже. Сделав эти изменения, продолжайте работать!

Миссис Боффин, судя по эскизу, «действительно очень хороша». Мне хочется, чтобы чудаковатость Боффина расположила к себе читателей.

Кукольная портниха неизмеримо лучше, чем раньше. Мне кажется, теперь она получится прекрасно. Причудливая острота не без привлекательности — вот что мне нужно.

Искренне Ваш.

144

ЭДМУНДУ ОЛЛИЕРУ

Редакция журнала «Круглый год», март 1864 г.

...Я хотел бы, чтобы статья «Клубы для рабочих» была связана с «Бедняком и его пивом» в № 1 и основывалась на том же принципе, что и последняя.

Далее, необходимо подчеркнуть, что в основе всех общественных учреждений лежит доверие и что доверять человеку, как представителю группы людей,— значит поставить его в рамки здоровых ограничений общественного мнения, а это гораздо лучше, чем превращать его в младенца.

Далее, следует указать, что отказ от пива в одном клубе, от табака в другом, от танцев и еще чего-нибудь в третьем свидетельствует о том, что клубы эти основаны на простых капризах, и потому не могут ни апеллировать к человеческой природе вообще, ни рассчитывать на продолжительное существование.

Далее, нужно настаивать на том, что попечительство — проклятие и бич всех подобных начинаний, и внушать рабочим, что они должны учреждать клубы и управ-

лять ими самостоятельно. Следует задать им вопрос, не могут ли они выказать свое отвращение к пьянству и решимость искоренить его каким-либо более действенным способом, нежели бессмысленным исключением пьяниц из числа членов клуба.

Далее, необходимо, чтобы они заявили самим себе и своим товарищам-рабочим, что им и их семьям нужно отдыхать и развлекаться совместно, что клубы преследуют эту похвальную и необходимую цель и не нуждаются в пышной рекламе и претензиях на образовательные цели. Пусть они не боятся и не стыдятся того, что хотят приятно и весело проводить время...

145

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Гайд-парк-гарденс, Глостер-плейс, 57,
вторник, 29 марта 1864 г.

Дорогой Форстер,

Я собирался написать Вам вчера вечером, но, чтобы освободить Уилса, мне пришлось перед сном прочитать книгу Фицджеральда *. В противном случае я не мог бы решить, принять ли его предложение.

Милый друг, среда 6-го — день обеда в пользу пенсионного общества типографов. А разве несчастный председатель может позволить себе личную радость в день столь мрачной церемонии?!

Но давайте назначим другой день — у Вас или у меня. Хотя бы у меня. Я посоветуюсь с Мэри и с Джорджиной (а также с Гольдсмидом и с Лондонским университетом — это вдруг пришло мне в голову), и кто-нибудь из них сегодня вечером напишет миссис Форстер письмо, предложив ей на выбор один из ближайших дней.

Что касается книги об Элиоте *, то, как я Вам говорил, я прочитал ее с необыкновенным интересом и величайшим восхищением. Я считаю ее самой честной, одухотворенной, внимательной, достоверной и блестящей из всех существующих биографий. Она написана с поразительной тщательностью, законченностью и мастерством, и в ней

особенно заметно, что благородство человека и благородство книги, рассказывающей об этом человеке, все время оттеняют и дополняют друг друга. Именно это качество всегда восхищало меня в биографии Гольдсмита, но здесь оно бросается в глаза еще больше. Качество это требует сочувствия к предмету изображения, осведомленности и трактовки предмета в его же собственном духе. Ваша книга дает возможность проникнуться духом времени и понять его, что уже само по себе интересно. Кроме того, она, по моему глубочайшему убеждению, делает честь литературе. Она заставляет забыть о множестве достойных сожаления событий и вновь внушает человеку бодрость. Восторг Бульвера меня ничуть не удивляет. Я был совершенно уверен в успехе книги уже после прочтения первого тома и с такой же уверенностью и душевным подъемом закончил второй. Написать подобную книгу мог лишь человек не менее искренний, чем сам Элиот, и я беру на себя смелость утверждать, что этого никогда бы не смог сделать никто, кроме человека, который, подобно Элиоту, самой природой был предназначен для выполнения своего труда.

Я должен отказаться от субботы в Гастингсе. Я колебался и раздумывал, раздумывал и колебался, но, если я устрою себе такие каникулы, я должен иметь в запасе один день, а в эту критическую минуту у меня его нет. Потерять хотя бы одну страницу из тех пяти номеров, которые я решил подготовить ко дню выпуска, значило бы не выполнить намеченного. Я теперь редко бываю доволен, я пишу очень медленно, и у меня так много тем для размышления — кроме литературы,— о которых *нужно* размышлять, когда я этого не хочу, что я вынужден прилагать гораздо больше стараний, чем раньше.

Искренне Ваш.

Как можно скорее уезжайте из города. Здесь в это время отвратительно. Море — вот что Вам нужно. Вчера (я долго бродил, задыхаясь от пыли) выдался денек, каких следует избегать. В высшей степени гнусный и вредный для здоровья.

146

ПЕРСИ ФИЦДЖЕРАЛЬДУ

Редакция журнала «Круглый год» и т. д. и т. п.,
среда, 27 июля 1864 г.

Дорогой Фицджеральд,

Во-первых, разрешите уверить Вас, что нам доставило истинное наслаждение видеть Вас и Вашу сестру в Гэдсхилле, и мы надеемся, что Вы оба приедете провести с нами несколько дней, когда вновь посетите Англию.

Далее позвольте сообщить Вам, что я решил печатать «Мисс Мануэль», всецело полагаясь на Вашу уверенность в высоких качествах этой повести. Обо всех деловых вопросах Вас известит Уилс. Я хочу начать ее публикацию в нашем первом сентябрьском номере, и поэтому времени терять нельзя.

Единственное замечание по поводу рукописи (и той ее части, которая уже печатается): образ капитана Фермора необходимо смягчить. Это очень неприятный персонаж (таким Вы его и задумали), и, если бы произведение принадлежало мне, я бы постарался, чтоб он не набил оскомину читателю. Как ни странно, но если Вы не будете чрезвычайно осторожно обращаться с неприятным персонажем, публика непременно сочтет неприятной всю повесть, а не одно лишь это вымышленное лицо.

Как Вам нравится заглавие

НЕЗАБВЕННЫЙ?

Оно хорошо само по себе, выражает стремления старшей сестры и будет держать в напряжении читателя. Я предложил бы добавить еще одну строчку:

СОЧИНЕНИЕ АВТОРА «БЕЛЛА ДОННЫ».

Сообщите мне свое мнение об этом заглавии. Излишне было бы уверять Вас, что в нашем журнале Вы будете окружены величайшим вниманием и что мы сделаем все возможное, чтобы Вы пользовались как можно более широкой известностью.

Искренне Ваш.

147

ДЖОНУ БЕЙНБРИДЖУ

Гэдсхилл,
6 сентября 1864 г.

Скажу Вам откровенно, по-моему, лучший памятник Шекспиру — в его трудах, и воздвигать ему памятник среди лондонских статуй было бы весьма слабой данью его памяти и гению. Я думал так (хотя и не настаивал на этом из уважения к весьма многочисленному, как мне казалось, большинству) и в то время, когда в связи с трехсотлетием публике был впервые представлен проект большого национального памятника Шекспиру. Начавшаяся с тех пор спекуляция его великим именем потерпела крах, и я теперь искренне желал бы, чтобы это славное имя оставили в покое. Поэтому я не могу доставить себе удовольствия открыть подписной лист лондонских рабочих, хотя и считаю эту Вашу просьбу большой для себя честью. При всем своем безграничном уважении к рабочим и их намерениям я не согласен и никогда не был согласен с ними по этому вопросу...

148

У. Г. УИЛСУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
воскресенье, 29 января 1865 г.

Дорогой Уилс,

Бэртлс поступил слишком бесцеремонно, прислав корректуры. Отправить их мне в воскресенье утром, когда Вы хотите, чтобы их отослали обратно в воскресенье вечером и когда наша почта уходит в полдень, весьма смахивает на наглость. Не говоря о том, что нас занесло снегом.

Я сильно сомневаюсь насчет «Иллюминаций в Воксхолле». Они опять такие же длинные. Хоть эти священники и достойны всяческого уважения, нам ни в коем слу-

час не следует все время перечислять их поступки. Я уверен, что интересуюсь такими деяниями не меньше всякого другого, но я устал от подобных сочинений. Без конца одно и то же, без конца одно и то же. С тех пор как мы напечатали «Что может сделать лондонский приходский священник, если он захочет», продолжается все та же бесконечная унылая жвачка, причем без всякого следа оригинальности первоначального варианта. Пожалуйста, отложите это сочинение и напомните Морли, что у нас уже было множество подобных. Скажите ему, что если они все же будут повторяться, в них должно быть больше изящества и меньше упоминаний о денежных суммах, доходах в различные периоды времени, а также о том, что требуется для церковной колокольни и сколько было получено от того или иного общества содействия церкви. Все это напоминает душеспасительные брошюры, «Сэтердей мэгезин» и речи в Эксетер-холле, лавки церковных принадлежностей на Саутгемптон-стрит и миссис Браун.

Если у Вас до такой степени туго с материалом, что Вам до зарезу необходима эта статья, пожалуйста, перечитайте ее, имея в виду мои возражения, и уместите всю вторую часть и половину третьей в один столбец.

Я закажу обед во вторник к пяти часам.

В жизни не видывал ничего похожего на эту вырезку из шеффилдской газеты!

Всегда Ваш.

149

У. Ч. МАКРИДИ

Редакция журнала «Круглый год»,
среда, 1 марта 1865 г.

Дорогой мой Макриди,

Если бы я не свалился здесь с обмороженной ногой (следствие длительной прогулки по снегу), я написал бы Вам гораздо раньше. Мой ответ профессору Агассизу краток, но окончателен. Изо дня в день наблюдая, сколь неподобающе обращаются у нас с конфиденциальными пись-

мами, делая их для чего-то достоянием широкой публики, ни малейшего отношения к ним не имеющей, я в один прекрасный день развел у себя на лужайке в Гэдсхилле большой костер и сжег на нем всю свою корреспонденцию. С тех пор я уничтожаю каждое полученное мною письмо, за исключением чисто деловых, и моя совесть в этом отношении спокойна. Письма бедняги Фелтона были развеяны по ветру вместе со всеми остальными, иначе я с удовольствием передал бы их его высокочтимому представителю.

В день рождения старого П. * мы неизменно пьем его здоровье и с любовью вспоминаем тысячи мелочей, связанных с ним.

Передайте мой сердечный привет миссис Макриди и Кэти.

Остаюсь, мой милый Макриди,

Вашим нежно любящим другом.

150

МИТТОНУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
вторник, 13 июня 1865 г.

Дорогой Миттон,

Я написал бы Вам еще вчера или позавчера, если бы был в состоянии это сделать.

Я оказался в том единственном вагоне, который не свалился в реку. На повороте он зацепился за ферму моста и каким-то чудом повис в воздухе. Со мной в купе ехали пожилая дама и молодая девушка.

Вот как это произошло. Постараюсь дать Вам представление о том, что мы пережили. Вагон вдруг сошел с рельсов и начал биться о полотно, подобно корзине воздушного шара, волочащейся по земле. «Господи! Что это?!» — вскрикнула дама, а девушка завизжала от страха. Я подхватил их обеих (дама сидела напротив, а девушка слева от меня) и сказал: «Единственное, что нам остается,— сохранять спокойствие. Ради бога, перестаньте кричать!»

Пожилая дама сразу же пришла в себя: «Вы правы. Я буду спокойна, даю вам слово».

Тут нас отбросило в угол купе, и все замерло. «Худшее уже позади. Опасность миновала,— сказал я.— Пожалуйста, не двигайтесь, пока я не вылезу через окно». Обе с готовностью согласились, и я вылез, не имея ни малейшего представления о том, что случилось. К счастью, я действовал с величайшей осторожностью и, оказавшись снаружи, замер на подножке. Взглянув вниз, я увидел, что мост исчез, а подо мной не было ничего, кроме повисших в воздухе рельсов.

Пассажиры двух других купе делали отчаянные попытки выбраться через окна, не подозревая, что внизу, на расстоянии пятнадцати футов, болото!

На уцелевшем конце моста метались два кондуктора (у одного было сильно порезано лицо). Я крикнул: «Послушайте! Остановитесь же наконец и посмотрите на меня! Вы меня узнаете?» — «Конечно, мистер Диккенс»,— ответил один. «В таком случае, уважаемый, дайте поскорее Ваш ключ от вагона и пошлите сюда одного из тех людей, которые работают в поле. Я хочу выпустить пассажиров».

Подставив две доски, мы без осложнений освободили людей. Только после этого я осмотрелся и увидел, что сталось со всем поездом, за исключением нашего и двух багажных вагонов. Быстро вернувшись в купе и захватив фляжку с бренди и, за неимением кружки, свою шляпу, я сполз по кирпичной ферме моста и зачерпнул в шляпу воды.

Сначала мне попался шатающийся, залитый кровью мужчина (думаю, что его выбросило из вагона), на голове его зияла такая ужасная рана, что страшно было смотреть. Я смыл с его лица кровь, дал ему воды и заставил выпить несколько глотков бренди. Когда я уложил его на траву, он прошептал: «Все кончено»,— и умер.

Затем я наткнулся на женщину, лежащую у деревца. Кровь так и струилась ручьями по ее посеревшему лицу. Я спросил, в состоянии ли она глотнуть немного бренди, она лишь кивнула головой. После этого я продолжал поиски. Когда я вторично проходил мимо этого места, женщина уже была мертва.

Потом ко мне подбежал мужчина, который давал вчера показания на следствии (по-моему, он даже не мог вспомнить, что произошло), и начал умолять помочь разыскать его жену. Позднее ее нашли мертвой.

Невозможно представить себе эту груду искареженного металла и дерева, эти тела, придавленные и изуродованные обломками, эти стоны раненых, валяющихся в грязной воде.

Я не хотел бы давать свидетельские показания, не хочу и писать об этом. Все равно ничего уже не изменишь. О своем состоянии я предпочел бы не рассказывать. Сейчас я как-то сник. Однако, отличаясь присутствием духа, свойственным, пожалуй, только государственным мужам, я ничуть не растерялся во время катастрофы. Вспомнив, что забыл в вагоне рукопись одного из номеров, я вернулся за ней.

Все же эти воспоминания удручают меня, и я должен поставить здесь точку.

Искренне Ваш.

151

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Редакция журнала «Круглый год»,
четверг, 6 июля 1865 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Кент, вероятно, уже сообщил Вам, что приехал сюда вчера после моего возвращения в город, а также, что я не знаком ни с кем из господ Новелло, хотя хорошо знаю Клару. Более того, я имею основания полагать (судя по тому, что я недавно узнал от одного друга из Генуи), что они будут голосовать за противоположную сторону — если будут голосовать вообще.

Я искренне рад, что Вас не было в этом ужасном поезде. Кстати, могу заметить, что если бы я был одним из избирателей Милнера Гибсона, он бы в день выставления своей кандидатуры непременно услышал от меня кое-что весьма не в свою пользу. С каждым днем я все больше и

больше думаю о том, как дурно управляется наша страна и до чего дошла наша политическая система. Здесь без всякого руководства выросла эта огромная железнодорожная анархия, и теперь ее злоупотребления представлены в парламенте таким мощным союзом директоров, подрядчиков, маклеров и иже с ними, что ни один министр не смеет ее затронуть.

Не сомневаюсь, что Вы будете избраны, если только картфордширцы не опозорятся настолько, чтобы убедить меня в обратном.

Искренне Ваш.

152

ЭДМУНДУ ЙЕТСУ

Отель дю Гельдер, Париж,
суббота, 30 сентября 1865 г.

Дорогой Эдмунд,

Ваша новая повесть меня совсем доконала. Я не вижу способа из нее выпутаться. В ней не хватает свежего воздуха, и я никак не найду точки опоры, где можно было бы установить рычаг Архимеда. Не понимаю, чего добиваются Ваши персонажи, и они мне не нравятся. Митфорд с самого начала такой плохой, что Вы уже не можете сделать его хорошим. А потом он становится таким хорошим, что Вы не можете снова сделать его плохим. Полковник так часто ловил этих пони, что теперь ему, право же, пора бы заняться чем-нибудь другим, а таинственная молодая женщина слишком напоминает героиню Уилки. Игра Гаррика не стоит свеч — для публики или для кого бы то ни было, *кроме самого* Гаррика,— и за всем этим я не вижу свободного пространства, где могла бы разразиться схватка, которая закончилась бы победой. Я совершенно сбит с толку. Решив было, что я не в своей тарелке, я попытался начать сначала. Но во второй раз мне стало еще хуже, а теперь, когда я это пишу, совсем плохо.

Я уезжаю отсюда завтра и намереваюсь быть в редакции в субботу вечером. Всю следующую неделю я буду

там или в Гэдсхилле, поэтому лучше всего писать на адрес редакции.

По эту сторону Ла-Манша очень жарко, и в прошлый четверг у меня был небольшой солнечный удар; пришлось вызвать врача и пролежать целый день в постели, но, слава богу, я уже поправился. Человек, который продает tisane [1] на бульварах, никак не может отогнать мух от своих бокалов, которые висят у него на красных бархатных тесемках. Мухи добираются до самого края бокалов, а потом пытаются вылезть оттуда и пощекотать продавца. Если бы мушиная жизнь была достаточно продолжительной, я думаю, что в конце концов им бы это удалось. В прошлый понедельник трое каменщиков в блузах явились на наш угол чинить мостовую. Они разрыли часть улицы, сели полюбоваться на свою работу и тут же уснули. Во вторник один из каменщиков поплевал на руки и, казалось, хотел начать работать, но не начал. Двое других не подавали никаких признаков жизни. Сегодня утром трудолюбивый каменщик съел каравай хлеба. Можете считать это последними известиями из французской столицы.

Всегда Ваш.

153

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Сентябрь> 1865 г.

...Если широкая публика поймет Разносчика, значит, моя часть рождественского номера будет иметь успех. Это удивительно похоже на правду, но разумеется, немного утонченнее и смешнее...

Я все же надеюсь, что в начале и в конце рождественского номера Вы найдете вещь, которая поразит Вас своей свежестью, силой и остротой...

. . . .

Устав от «Нашего общего», я стал искать какую-нибудь новую тему и был крайне угнетен, убедившись, что пере-

[1] Целебный отвар *(франц.)*.

утомился. Внезапно передо мной возник маленький человечек, которого Вы увидите, а также все, что к нему относится, и мне оставалось только смотреть и, не торопясь, все это описывать...

154

У. Ф. де СЭРЖА

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
30 ноября 1865 г.

Дорогой Сэржа,

Окончив свою книгу и рождественский номер и встряхнувшись после двух лет работы, шлю Вам свой ежегодный привет. Как вы себя чувствуете? Как всякий астматик, без сомнения, ответите Вы; но, как философски говаривал мой покойный отец (он тоже страдал астмой, однако при этом был самым жизнерадостным человеком на свете), «я думаю, у каждого что-нибудь должно быть не в порядке, а я люблю знать, что именно».

Мы в Англии стонем под игом разбойников-мясников, которое стало уже таким тяжелым, что я предвижу сопротивление со стороны среднего класса, а в перспективе некий союз для уничтожения посредника между производителем и потребителем, как только он появляется (а это происходит всюду). Мор скота — отговорка для мясников,— несомненно, усилился. Однако, убедившись, что большая часть павших или забитых животных — коровы, а также что рост цен в мясных лавках никак не соответствует рыночным ценам, поневоле приходишь к заключению, что публика погибла. Деятельность комиссии оказалась весьма слабой и бесплодной (довольно обычное явление в Англии) и все только и делают, что пишут в «Таймс».

Если американцы в скором времени не втянут нас в войну, то это будет не по их вине. Их чванство и бахвальство, их притязания на компенсацию, Ирландия и фении, Канада — все это внушает мне мрачные предчувствия. Несмотря на утвердившуюся неприязнь к французскому

узурпатору, я считаю, что его всегдашнее стремление вызвать раскол в Штатах было разумно, а что мы всегда поступали неразумно и несправедливо, норовя «отдать *хотел бы* под надзор *не смею»* *.

Восстание на Ямайке * тоже весьма многообещающая штука. Это возведенное в принцип сочувствие чернокожему — или туземцу, или самому дьяволу в дальних странах — и это возведенное в принцип равнодушие к нашим собственным соотечественникам в их бедственном положении среди кровопролития и жестокости приводит меня в ярость. Не далее как на днях в Манчестере состоялся митинг ослов, которые осудили губернатора Ямайки за то, как он подавлял восстание! Итак, мы терзаемся за новозеландцев и готтентотов, как будто они то же самое, что одетые в чистые рубашки жители Кэмбервелла и их можно соответственно укротить пером и чернилами. А Эксетер-холл держит нас в унизительном подчинении миссионерам, которые (разумеется, за исключением Ливингстона) до смерти всем надоели и ухитряются испортить любое место, в которое попадают.

Из всех видимых доказательств скверного управления страной наиболее разительным представляется мне наша неосведомленность о том, что происходит в сфере деятельности нашего правительства. Что подумают будущие поколения о чудовищном индийском мятеже, о подготовке которого никто не подозревал, пока целые полки не восстали и не перебили своих офицеров? Неделю назад наша бюрократия полухвастливо-полунасмешливо отвергла бы даже мысль о том, будто в Дублинской тюрьме нельзя содержать политического заключенного. Если бы не чрезмерное нетерпение и поспешность чернокожих Ямайки, все белые были бы истреблены, даже не успев заподозрить неладное. Laisser-aller и британцы никогда, никогда, никогда! *

Тем временем, если бы Ваша честь соизволили посетить Лондон, Вы увидели бы, как из Темзы на Миддлсекском берегу вырастает большая набережная — от Вестминстерского моста до Блэкфрайерс. Это действительно замечательное сооружение, и оно действительно подвигается вперед. И сверх того, обширная система канализации. Тоже действительно замечательное сооружение, и

тоже действительно подвигается вперед. И, наконец, хаотическое нагромождение железных дорог во всех возможных и невозможных направлениях, без всякого общего плана, без всякого общественного надзора, огромная трата средств без всякой ответственности и контроля за исключением акта лорда Кэмпбелла. Подумайте о той катастрофе, в которой я чудом остался невредим. Перед поездом, который, как всем известно, мчится с бешеной скоростью, начальник партии железнодорожных рабочих велит снять рельсы. Поезд меняет свое расписание каждый день вместе с приливом и отливом, а железнодорожная компания даже не снабдила этого начальника часами! Лорд Шефтсбери * прислал мне письмо, в котором спрашивает, не думаю ли я, что следует обязать железнодорожные компании возвести крепкие стены на всех мостах и виадуках. Я, разумеется, ответил ему, что такой сильный удар вдребезги разнесет любое сооружение, и добавил: «Спросите министра, что он думает о тех членах палаты общин, которые голосуют в интересах железных дорог, и скажите ему, что он боится тронуть их пальчиком, дабы не потерять большинства».

Я, кажется, ворчу, однако нахожусь в превосходном расположении духа. У меня и у наших все, слава богу, хорошо. Правда ли, что Таунсхенд последнее время живет еще более уединенно, чем обычно? Он пишет мне, что ему лучше и что у него «появился аппетит». Это мне не нравится.

Вчера ночью мой садовник наткнулся в саду на какого-то человека и выстрелил. В ответ на эту любезность злоумышленник пребольно пнул его ногою в пах. Я бросился в погоню со своим огромным догом. Злоумышленника я не нашел, но с великим трудом удержал собаку, которая норовила разорвать в клочья двух полисменов. Они приближались к нам со своей профессиональной таинственностью, и я поймал собаку в ту минуту, когда она хотела вцепиться в глотку весьма почтенного констебля.

Моя дочь Кэт и ее тетка Джорджина шлют Вам нежный привет. Кэти и ее муж собираются провести эту зиму в Лондоне, но я сильно сомневаюсь, выдержат ли они это (они оба очень болезненные).

Здесь две недели был страшный ветер, но сегодня день

совсем весенний, и возле коттеджей рабочих расцвело множество роз. Из окна, у которого я пишу эти строки, мне виден стоящий на якоре «Грейт Истерн»; вид у него довольно скучный и унылый. Мне кажется, что в густом столбе дыма, поднимающемся из трубы Чатамских верфей, где строят железные корабли, гораздо больше смысла.

Неизменно преданный Вам.

155

СЭРУ ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
среда, 10 января 1866 г.

Дорогой Бульвер-Литтон,

Вчера я получил книгу и испытал невыразимое удовольствие, читая ее весь вечер. Когда далеко за полночь я закрыл ее, у меня в голове роилось множество очаровательных видений, а сегодня, когда я перечитал ее вновь, их стало вдвое больше.

Мое ухо тотчас усвоило ритм. Когда ритм менялся, я так же легко отзывался на его изменения. Настолько легко, что я не могу представить себе ни один из рассказов в каком-либо ином изложении. Я говорю об этом потому, что обычно с трудом воспринимаю ритмические новшества и до сих пор вынужден отделять мысли некоторых наших друзей от формы, в которую они облечены,— совершенно отделять форму от содержания и выражать эти мысли по-своему.

Необыкновенная красота, живописность и цельность «Тайного пути» так захватили меня вчера, что перед сном я вернулся к своей первой любви, а после завтрака вернулся к ней снова. Аргиопа вытеснила из моего сердца всех своих соперниц. Когда жрец вводит ее и она берет чашу, ее нельзя сравнить ни с одной из женщин на земле. Но самое повествование, четкость и яркость красок, полет фантазии и в то же время сжатость и точность — все это меня *изумляет!* Поверьте, я никогда не читал ни одного рассказа — независимо от того, в какой манере он напи-

сан,— который бы до такой степени поразил меня этими качествами, не говоря уже об его обаятельной нежности и изяществе. Я так ясно и живо представляю себе Смерть и Сизифа за столом, как будто заглянул в окно и увидел их вместе, а последние двадцать строк этого стихотворения просто великолепны. Мне кажется, что труднее всего было рассказать повесть «Сын Орлада», ибо эта легенда в той или иной форме самая известная из всех... Жертва жены Милета и картина храма в Сидиппе — следующие две наиболее замечательные вещи из нового сонма видений, которые окружали меня вчера вечером. Однако если я буду продолжать, то никогда не кончу.

Не сомневаюсь, дорогой мой друг и возлюбленный собрат по искусству, что все горячо откликнутся на Ваш труд (я называю его трудом, ибо вижу, каких бесконечных усилий он Вам стоил), на эту огромную работу. Я едва ли ошибусь, утверждая, что «Тайный путь» завоюет всеобщие симпатии и привлечет читателей остальных произведений, содержащихся в этом томе, которых Вы не смогли бы очаровать без этого торжества романтики. Чем дальше они будут продвигаться, тем сильнее Вы их покорите. Быть может, они по-своему так же верны своей первой любви, как и я, но Ваш труд увлечет их и заставит оценить поразительное разнообразие и богатство остальных произведений, содержащихся в этом томе. В противном случае определенный разряд читателей был бы не способен дать им справедливую оценку. Я не пророк, если это не «Тайный путь» для необразованных тысяч, а также для душ образованных читателей.

Искренне восхищенный Вами.

156

МИССИС БРУКФИЛД*

Редакция журнала «Круглый год»,
вторник, 20 февраля 1866 г.

Милая миссис Брукфилд,

Прочитав Вашу рукопись (что мне следовало сделать раньше, но я был болен), пишу Вам о ней несколько

слов. Во-первых, коротко о том, что она не подходит для нашего журнала. Во-вторых, более подробно о достоинствах самого романа.

Если Вы возьмете часть романа и разрежете ее (мысленно) на маленькие кусочки, на которые нам пришлось бы разделить ее только для номеров, выходящих в течение одного месяца, Вы тотчас же (я уверен) убедитесь в невозможности печатать Ваш роман еженедельными выпусками. Построение глав, способ введения действующих лиц, развитие сюжета, места, на которые придутся главные события,— все это совершенно исключает подобную операцию. Ведь после нее будет казаться, что действие никогда не начнется и нисколько не подвигается вперед. Для того чтобы преодолеть невероятные трудности, связанные с этим видом публикации, необходим специальный план. Я легко продемонстрирую Вам, насколько он труден и неблагодарен, попросив Вас перелистать любые два еженедельных выпуска «Повести о двух городах», «Больших надежд», романа Бульвера, Уилки Коллинза, Рида или «На скамье подсудимых» и обратить внимание на то, как терпеливо и скрупулезно нужно было планировать эти отрывки, чтобы впоследствии они могли слиться в единое целое.

Что касается самого романа, должен честно сказать, что ценю его очень высоко. Стиль его особенно легок и приятен, бесконечно выше среднего уровня и иногда напоминает мне лучшие произведения миссис Инчболд *. Характеры обрисованы необыкновенно точно, с редкостным сочетанием тонкости и правдивости. Это особенно заметно в образах брата и сестры, а также миссис Невилл. Но меня удивляет то обстоятельство, что Вы все время торопитесь (хотя и не продвигаясь вперед), рассказывая свой роман *как-то стремительно, не переводя дыхания, от своего собственного имени, тогда как люди должны были бы говорить и действовать сами за себя.* Я всегда был убежден, что если я поставил людей разыгрывать пьесу, то это, так сказать, уже их дело, а не мое. В этом случае, если Вы действительно подготовили значительную ситуацию вроде смерти Бэзила, искусство обязывает Вас извлечь из нее как можно больше. Такая сцена сама по себе должна составить главу. Врезавшись в память читателя,

она будет чрезвычайно способствовать успеху книги. Представьте себе, что Вы излагаете это печальное событие в письме к другу. Разве Вы не напишете, как Вы шли к больному по шумным многолюдным улицам? Разве не расскажете, как выглядела его комната, происходило ли это днем или ночью, было ли на небе солнце или луна и звезды? Разве вы не запомнили бы, какое сильное впечатление произвела на Вас минута, когда Вы в первый раз встретили взгляд умирающего, и какие странные контрасты поразили Вас вокруг? Я не хочу, чтобы в романе Вы рассказывали об этом *сами,* но я хочу, чтобы это в нем было. Вы извлекли из этой ситуации не больше того, что можно было сделать в каком-нибудь оглавлении или театральном либретто, в которых кратко изложено содержание трагедии.

Если говорить о чисто техническом мастерстве, то, по-моему, все главы должны быть короче. Кроме того, Вам следует тщательнее отделать переходы от повествования к диалогу и обратно. Далее, Вы должны взять на себя труд припомнить главные вехи Вашей повести и сделать эти места отчетливее и рельефнее всех остальных. Но даже после этих изменений я не уверен, что роман привлечет к себе заслуженное внимание, если его напечатать хотя бы такими ежемесячными частями, какие позволяет объем «Фрэзера». Даже если роман оживить таким образом, отдельные его части, на мой взгляд, не произведут должного впечатления. По-моему, он построен так, что его нужно читать «в один присест». Если издать Ваш роман в двух томах, он, мне кажется, вполне сможет претендовать на успех и, по всей вероятности, заслужит признание. Но я полагаю, что его следует тщательно отшлифовать, о чем я уже упомянул (и это не внешнее украшение, а нечто совершенно необходимое для настоящего произведения искусства).

Постарайтесь не возненавидеть меня. Я могу позволить себе, чтобы меня ненавидели некоторые люди, но я недостаточно богат для того, чтобы предоставить эту роскошь Вам.

Искренне Ваш.

157

ЭРНЕСТУ ХАРТУ*

<Февраль 1866 г.>

...Ежегодная встреча, от которой я никак не могу отказаться, помешает мне присутствовать на собрании в будущую субботу и (следовательно) поддержать резолюцию. Я знаком с положением неимущих больных в работных домах не со вчерашнего дня, и я давно уже стараюсь своим пером привлечь к ним внимание и сочувствие. В Англии мало ненормальных явлений, которые казались бы мне такими же ужасными, как никем не контролируемое существование множества богаделен вместе с постоянно распространяющимся привычным недоумением по поводу того, что бедняки предпочитают заползать в углы и умирать там, нежели гнить и разлагаться в этих отвратительных притонах...

Вы знаете, каковы эти заведения, и мужественно заявляли о том, каковы они, и Ваши слова пробудили не менее семерых знатных спящих *. Если будет объявлена какая-либо подписка для достижения целей нашей ассоциации, не откажите в любезности подписать меня на двадцать фунтов...

158

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

<Февраль> 1866 г.

...Некоторое время я чувствовал себя очень плохо. Ф. Б. написал мне, что при таком пульсе, как у меня, совершенно необходимо проверить сердце. «Недостаток мышечной энергии в сердце»,— сказал Б. «Всего лишь повышенная раздражимость сердца»,— сказал приглашенный на консультацию доктор Бринтон с Брук-стрит. Я ничуть не огорчился, ибо заранее знал, что все это, без сомнения, вызвано одной причиной, а именно, ослаблением какой-либо функции сердца. Разумеется, я не настолько глуп,

чтобы полагать, будто за всю свою работу не понесу хоть какого-либо наказания. Притом я уже некоторое время замечаю, что стал менее бодрым и жизнерадостным, другими словами — изменился мой обычный «тонус». Однако возбуждающие средства уже привели меня в норму. Поэтому я принял предложение Чеппеллов с Бонд-стрит читать «в Англии, Ирландии, Шотландии или в Париже» в течение тридцати дней по пятьдесят фунтов за вечер; причем они берут на себя всю деловую сторону и оплачивают все личные расходы — в том числе и путевые издержки — мои, Джона и осветителя сцены, и стараются извлечь из чтений все, что можно.

Кажется, я начну в Ливерпуле в четверг на пасхальной неделе, после чего приеду в Лондон. Собираюсь читать в Челтенхеме (на свой собственный страх и риск) 23-го и 24-го этого месяца. Жить буду, разумеется, у Макриди...

159

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, вторник, 10 июля 1866 г.

Дорогой Уилки,

Я очень внимательно прочитал пьесу *. Интрига построена превосходно, сжатость пьесы просто замечательна, а диалог на редкость выразителен, остроумен, характерен и драматичен.

Однако из этой вещи никак невозможно искоренить и устранить риск. В ней рискованны почти все ситуации. Я не могу себе представить, чтобы английская публика способна была принять сцену, где мисс Гвилт в платье вдовы отрекается от Мидвинтера. А если даже эта сцена и пройдет, то все равно последнее действие в санатории не пройдет никогда. Все эти ситуации можно провести на настоящей сцене с помощью настоящих живых людей лицом к лицу с другими настоящими живыми людьми, которые будут о них судить,— все эти ситуации можно провести лишь в том случае, если Вам удастся *возбудить ин-*

терес к какому-либо невинному существу, которое они ставят под угрозу, при условии, что это существо — молодая женщина. А здесь нет никого, к кому можно было бы возбудить интерес. Кто бы ни играл Мидвинтера, он все равно не сможет вызвать этот спасительный интерес. Безнравственность всех остальных ничем не уравновешивается, и риск возрастает прямо пропорционально ее искусному нагромождению.

Я не хуже Вас знаю, что это — всего лишь мнение одного человека. Однако я твердо уверен в том, что досмотреть пьесу до конца публика не сможет, и потому не был бы Вашим другом, если бы закрыл на это глаза. Я представляю себе эту вещь на сцене. Затем я меняю свою точку зрения и играю сначала Мидвинтера, а затем мисс Гвилт. В обоих случаях запутанное и двусмысленное положение приводит меня в совершеннейший ужас, и я чувствую, что сыграть эти сцены не под силу не только мне, но даже никому из ныне живущих профессиональных актеров и актрис.

По поводу Ваших двух вопросов. Касательно первого у меня нет ни малейшего сомнения, что замена напечатанных страниц текстом рукописи будет бесспорным улучшением. Касательно второго я думаю, что все преимущества, которые даст непосредственное действие вместо рассказа о событиях, будут сведены на нет удлинением пьесы. В нынешней редакции пьесы рассказ о них не требует много времени, и они кажутся совершенно ясными. Кроме того, я думаю, что разыграть эти события будет гораздо труднее, чем о них рассказать...

По поводу «Треволнений тети Маргарет». Удивительно, насколько детали в таких вещах зависят от того, как их понимать. Мне ни на минуту не приходило в голову, что молодой человек бросает свои бумаги и обнимает Маргарет потому, что любит ее или любил ее когда-то. Я думал, он радуется, узнав, что она простила свою одинокую сестру. А ее нежность к ребенку я приписываю просто чувству облегчения и благодарности от того, что среди всех этих интриг и обмана так быстро явилось на свет невинное существо.

Относительно миссис Брукфилд! Передайте нашей мудрой приятельнице, что ее роман побывал в моих руках,

а теперь находится в руках Чепмена и Холла, которые собираются его опубликовать. Но автор «Тети Маргарет» на добрых пятнадцать лет моложе миссис Брукфилд, до такой степени на нее непохож и так от нее далек, что весь свет наверняка будет теряться в самых диких догадках.

Сборник пьес я пришлю Вам завтра с одним из сотрудников редакции. На будущей неделе я собираюсь быть в редакции в субботу в час дня. В десять минут третьего в указанную субботу я собираюсь приехать сюда. Не можете ли Вы поехать со мной?

Искренне Ваш.

160

ЧАРЛЬЗУ ФЕХТЕРУ

Гэдсхилл,
вторник, 4 сентября 1866 г.

Дорогой Фехтер,

Сегодня утром я получил ту часть пьесы *, которая кончается сценой на телеграфе, и уже прочитал ее дважды.

Я ясно вижу суть обоих возражений мистера Бусиколта *, но не считаю их вескими.

Во-первых, по поводу стиля. Если бы действующие лица не выражались простым, грубоватым языком, их мысли и речи никак не соответствовали бы их платью и положению в свете и они как действующие лица много потеряли бы в глазах зрителей. Диалог именно такой, каким он должен быть. Его простота (особенно в роли мистера Бусиколта) часто очень действенна, а прямота и суровость всей пьесы напоминает настоящую жизнь и настоящих людей.

Во-вторых, по поводу отсутствия комического элемента. Я, право, не вижу, как можно ввести в эту историю больше комизма, и мне кажется, что мистер Бусиколт недостаточно оценил приятное впечатление, которое производит его собственная роль. При чтении пьесы меня освежает

уже самая мысль о моряке, жизнь которого проходит не среди этих двориков и улочек, который имеет дело не со скучными машинами, а с четырьмя буйными ветрами. Я совершенно убежден, что зрителям станет легко на душе, когда они увидят перед собою этого моряка, всем своим видом, поступками, одеждой и даже цветом лица так резко отличающегося от остальных людей. Я бы сделал его самым бодрым и веселым моряком на свете, ибо он помогает мне выйти из «Черной Страны» на простор. (Заметьте, что я говорю это как один из зрителей.) Хорошо бы каким-то образом выразить этот контраст в диалоге между моряком и евреем во второй сцене второго акта. Далее, роль Унддикоума (которая прелестна и должна заставить весь зрительный зал рыдать) кажется мне весьма приятной и естественной. Это гораздо лучше, чем простой комизм.

Нет надобности говорить, что пьеса написана рукою мастера. Сжатость и быстрота действия поразительны. Построение превосходно. Я твердо верю — она будет иметь большой успех, но должен сказать, что я никогда не видел пьесы, которая в критических пунктах настолько зависела бы от естественности исполнения и от того, насколько совершенно будут сыграны мелкие роли. Эти мелкие роли не могут способствовать успеху пьесы, но могут ему повредить. Я бы не позволил упасть ни единому волоску с головы кого-либо из исполнителей этих ролей на премьере, но зато в мельчайших подробностях проверил бы грим каждого из них на генеральной репетиции.

Вы, разумеется, можете показать это письмо мистеру Бусиколту, и я думаю, что Вы это сделаете; поэтому позвольте мне предложить вам обоим следующее. Быть может, Вам будет легче иметь дело с департаментом министра двора, и тем более со зрителями, окажись среди них патриоты Манчестера, если Вы замените «Манчестер» каким-либо вымышленным названием. Когда я писал «Тяжелые времена», я назвал место действия Коктауном. Все знали, о чем идет речь, но каждый текстильный город утверждал, что имеется в виду другой.

Всегда Ваш.

161

УОЛТЕРУ ТОРНБЕРИ*

Редакция журнала «Круглый год»,
суббота, 15 сентября 1866 г.

Дорогой Торнбери,

По поводу Ваших *статей* о Шекспире должен сказать Вам, что первая и третья тема нравятся мне гораздо меньше, чем исследование об Ариосто, которое обещает быть весьма интересным. Но если Вы представляете себе свою задачу такою, что решение ее кажется Вам неполным и несовершенным, если Вы не напишете всех трех статей, тогда, разумеется, пишите все три, и я с радостью их приму. В течение нескольких лет я получаю большое удовольствие, читая Вас, и поэтому могу поручиться, что, как выражаются актеры, представляю собою «хорошую публику».

Мысль о том, чтобы заново пересказать старые повести, превосходна. Мне очень нравится идея этой серии. Вы, конечно, знаете статью де Квинси * об убийце с Рэтклифской дороги? Видели ли Вы иллюстрацию (она имеется у меня в Гэдсхилле), изображающую труп этого гнусного злодея,— он лежит на повозке с поленом вместо подушки, а рядом с ним кол, который должны загнать ему в сердце?

Мне *не совсем* нравится заглавие «Социальная история Лондона». Я предпочел бы что-нибудь вроде «Истории социальных изменений Лондона за столько-то лет». Такое заглавие позволяет ожидать большего и больше соответствует Вашим намерениям. Как Вы смотрите на то, чтобы сделать основным заглавием «Перемены в Лондоне»? Тогда можно было бы добавить подзаголовок «История и т. д.».

Я никоим образом не собираюсь ограничить серию старых повестей, пересказанных заново. Я изложил бы основную цель в начале первой из них и продолжал до бесконечности — как потомство Банко.

Постарайтесь, чтобы заглавие Вашего сочинения о Лондоне не напоминало читателям о Бокле * хотя бы даже

местоположением слова «цивилизация». Это предостережение кажется смешным, но праздная часть публики (значительная ее часть!) в таких вещах склонна впадать в удивительные ошибки.

Преданный Вам.

162

С. ПЕРКСУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
четверг, 29 ноября 1866 г.

Уважаемый сэр!

Имею честь с благодарностью известить Вас о получении Вашей брошюры * и Вашего любезного письма. Мне следовало бы сделать это раньше, но я был в отъезде.

Преисполненный глубочайшего уважения к филантропическим целям, которые так серьезно и (я совершенно уверен) так искренне Вами изложены, я, однако же, не настолько доверяю какому-либо парламенту, который мог бы собраться в Англии, какому-либо государственному учреждению, которое могло бы быть создано, или какому-либо министерству, которое могло бы быть назначено, чтобы возложить на них всю обширную деятельность на благо и пользу общества. Я ни в малейшей степени не верю в то, что посредством таких институтов можно искоренить мошенничество в стране. Совсем наоборот. Я также не могу считать, что деятельность подобных учреждений принесет одну лишь пользу. Равным образом совсем наоборот.

Я отнюдь не претендую на знание теорий денежного обращения (ибо я их действительно не знаю). Чем больше я о них читал, тем более смутным становилось мое представление о них. Однако, подобно тому как в ведении моих собственных ограниченных дел я весьма резко возражал бы против того, чтобы какое бы то ни было правительство имело власть принудить меня принять кусок бумаги вместо соверена, я не могу по совести рекомендовать публике поддерживать платежное средство, о кото-

ром Вы такого высокого мнения. А что касается «единого росчерка пера», который должен сделать страну процветающей и добродетельной, я должен честно признаться, что мой мозг просто не способен проникнуться таким убеждением.

По правде говоря, я в этом смысле настолько безнадежен, что встреча с Вами для обсуждения этих вопросов была бы лишь бесполезной тратой Вашего и моего времени. Поэтому я еще раз сердечно благодарю Вас и прошу считать меня

искренне Вашим.

163

НЕИЗВЕСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНТКЕ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
четверг, 27 декабря 1866 г.

Сударыня,

Вы впадаете в нелепое, хотя и распространенное заблуждение, полагая, что кто-либо может помочь Вам сделаться писательницей, если Вы не можете стать ею в силу Ваших собственных способностей. Я ничего не знаю о «непреодолимых препятствиях», о «посторонних лицах» и о «заколдованном круге». Я знаю, что всякий, кто может написать нечто отвечающее требованиям, например, моего журнала,— человек, которого я всегда рад обнаружить, но увы — не очень часто нахожу. И я уверен, что это отнюдь не редкий случай в периодической печати. Я не могу давать Вам отвлеченные советы, ибо мои неизвестные корреспонденты исчисляются сотнями. Но если Вы предложите мне что-нибудь для опубликования в журнале «Круглый год», Вы можете не сомневаться, что Ваше произведение будет добросовестно прочитано и что судить о нем будут лишь по его собственным достоинствам и по его пригодности для этого журнала.

Считаю, однако, своим долгом добавить, что я не думаю, будто удачные художественные произведения создаются в «часы досуга».

Искренне Ваш.

164

У. Ч. МАКРИДИ

28 декабря 1866 г.

Дорогой Макриди,

Может быть, Вам будет интересно узнать, что после столь удавшегося матча в крикет я устроил в Гэдсхилле 26 числа этого месяца сельский праздник и состязания в беге. Так как летом у меня не было ни одного пьяного, я разрешил хозяину «Фальстафа» открыть для гостей киоск с напитками. Все призы я выдавал деньгами. Собралась уйма народу: солдат, землекопов, работников с ферм. Но они вели себя так, что не сдвинули с места ни одного колышка, ни одной из веревок, натянутых вокруг площадки для состязаний, и не нанесли моей собственности ни малейшего ущерба. Всем пришедшим на праздник были розданы листки с правилами состязаний, со следующей припиской: «Мистер Диккенс надеется, что каждый из гостей будет считать делом чести помогать ему в поддержании порядка».

За весь день не было ни одной ссоры, и, когда солнце село, все разошлись по домам, оглашая воздух веселыми криками и оставив все, до последнего флагштока, в таком же образцовом порядке, как это было в десять утра, когда перед ними открыли ворота.

«Станция Мэгби» вышла вчера вечером небывалым тиражом в 250 тысяч экземпляров.

165

У. Ф. де СЭРЖА

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
день Нового 1867 года.

Дорогой Сэржа,

Твердо решившись опередить «середину будущего лета», к Вам обращается Ваш полный раскаяния друг и корреспондент.

Прошлой осенью большой пес укусил маленькую де-

вочку (сестру одного из слуг), которую он знал и обязан был почитать, за что хозяин побил его и приговорил к расстрелу назавтра в семь часов утра. Пес очень бодро вышел из дому в сопровождении полдюжины мужчин, назначенных для этой цели, очевидно полагая, что они собираются лишить жизни какого-то неизвестного. Однако, увидев среди процессии пустую тачку и двуствольное ружье, он погрузился в раздумье и вперил свой взор в человека, несшего двустволку. Камень, ловко запущенный деревенским злодеем (главным плакальщиком), заставил его на секунду обернуться, и он тотчас же пал мертвый, сраженный пулей в сердце. Двое родившихся после его смерти щенят в настоящую минуту резвятся на лужайке; один из них наверняка унаследует свирепость отца, и, по всей вероятности, его постигнет та же участь. Фазан на рождестве был немного нездоров и утром 27 декабря тысяча восемьсот шестьдесят шестого года был найден мертвым под плющом в своей клетке. Он лежал, накрыв голову крылом. Я, владелец останков обоих усопших, упорно тружусь над «Барбоксом» и «Мальчиком из Мэгби» *, которыми я начинаю новую серию чтений в Лондоне пятнадцатого числа. Завтра утром думаю выехать в провинцию. Когда я читаю, я *не* пишу. Я только редактирую, и для этой цели мне посылают корректуры. Вот ответ на Ваши вопросы.

Что касается вопроса о реформе, то каждый честный человек в Англии должен знать и, вероятно, знает, что более разумная часть народных масс глубоко не удовлетворена системой представительства, но чрезвычайно скромно и терпеливо ожидает, пока большинство их собратьев не станет умнее. Испытанное оскорбительное средство, заключающееся в том, чтобы нападать на них и самым наглым образом утверждать, будто они равнодушны к политике, принесло неизбежные плоды. Вечный насмешливый вопрос: «Где они?» — заставил их ответить: «Ну что ж, если Вам так уж *необходимо* знать, то мы здесь». Вопиющая несправедливость, заключающаяся в том, что взяточников поносят перед сборищем взяткодателей, крайне обострила свойственное народу чувство справедливости. И теперь он уже не хочет того, что принял бы раньше, а того, что он твердо решил получить, он добьется. Мо-

жете не сомневаться, что положение вещей именно таково. Что до Вашего друга «Панча» *, то Вы увидите: как только он сообразит, что игра идет к проигрышу, он начнет поворачивать в другую сторону. Вы могли заметить, что он уже начинает поеживаться.

Дорогой мой, я так же бессилен запретить кому-либо калечить мои книги, как и Вы. Это так же верно, как то, что каждый, кто изобретет что-нибудь на благо народа и предложит свое изобретение английскому правительству, ipso facto[1] становится преступником и предается казни на колесе волокиты. Это так же верно, как то, что крымская история повторится, если наша страна опять вступит в войну. И, по правде говоря, я весьма невысокого мнения о том, что сделала для нас великая знать, а посему весьма философски смотрю на то, что может сделать великий плебс, ибо твердо уверен: хуже он сделать не может.

Это время года — самое лучшее для театров, ибо все еще имеется множество людей, которые считают своим священным долгом смотреть рождественские пантомимы. Я пока не видел ничего, так как у меня обычный новогодний съезд гостей. У Фехтера нет ни пантомимы, ни бурлеска, он ставит новый вариант старой пьесы «Trente Ans de la Vie d'un Joueur»[2]. Боюсь, что выгоды это ему не принесет. В целом театры — если не считать декораций и световых эффектов — достаточно скверны. Но в некоторых мелких театрах есть актеры, которые при наличии какой-либо драматической школы могли бы стать превосходными. Хуже всего то, что они не имеют ни малейшего представления о действенном и гармоничном целом и каждый или каждая заняты только собой. Мюзик-холлы привлекают массу публики, отнюдь не облагораживая общественный вкус. Однако их представления по-своему хороши и всегда отличаются живостью и четкостью.

Последняя сенсация — гонки яхт в Америке. Надеюсь, что общий интерес к ним по эту сторону океана окажет благотворное влияние по ту его сторону. Поистине печален будет день, когда Джон и Джонатан вступят в состязание *.

---

[1] Тем самым *(лат.)*.

[2] «30 лет из жизни игрока» *(франц.)*.

Французский император, несомненно, находится в опасности. Его популярность в Париже тает, и армия им недовольна. Я слышал из хорошо осведомленных источников, что его тайная полиция все время открывает заговоры, которые приводят его в сильнейшую тревогу.

Вы знаете, как мы здесь жульничаем. Но Вы, возможно, не знаете, что мистер N, «знаменитый» подрядчик, прежде чем попал в затруднительное положение, перевел на свою жену *миллион*. Какой заботливый и преданный муж!

У моей дочери Кэти тяжелая нервная лихорадка. 27 декабря ее смогли привезти (по старой дороге и на почтовых лошадях), и с тех пор ее состояние постепенно улучшается. Ее муж тоже здесь, и, в общем, он чувствует себя не хуже, чем всегда. Боюсь, что лучше чувствовать себя он никогда не будет.

Вчера мы здесь играли в фанты и на бильярде,— после того как Вы у нас побывали, к дому пристроили бильярдную. Приезжайте сыграть со мною партию.

Искренне Ваш.

166

НЕИЗВЕСТНОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

Редакция журнала «Круглый год», вторник, 5 февраля 1867 г.

Сэр!

Я прочитал бо̀льшую часть первого тома Вашего романа и проследил наиболее сложные места в остальных двух томах.

Вы, разумеется, должны рассматривать мое мнение как мнение писателя и любителя искусства, ни в коей мере не претендующего на непогрешимость.

Мне кажется, Вы слишком честолюбивы и, кроме того, недостаточно знаете жизнь и свойства человеческой натуры, чтобы пускаться в столь опасное плаванье. Многочисленные свидетельства неопытности и неспособности справиться с ситуациями, которые Вы придумываете,

встречаются почти на каждой странице. Я бы очень удивился, если бы Вы, решившись попытать счастья на этом поприще, нашли издателя для Вашего романа и если бы эта попытка принесла Вам что-либо, кроме утомления и душевной горечи.

Судя по прочитанному, я не могу даже с уверенностью утверждать, что в Вас таится писательский дар. Если Вы им не обладаете, но тем не менее стремитесь заниматься делом, к которому у Вас нет призвания, Вы неизбежно станете несчастным человеком. Позвольте мне посоветовать Вам набраться терпения, а также иметь мужество отказаться от своих попыток, если Вы не сможете зарекомендовать себя вещью гораздо меньшего объема. Оглянитесь вокруг, и Вы увидите, как велик спрос на небольшие литературные произведения всех видов. Попытайтесь добиться успеха в этих скромных пределах (я в свое время занимался именно тем, к чему сейчас призываю Вас), а пока что отложите в сторону свои три тома.

Искренне Ваш.

167

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Мост Аллана, Шотландия,
среда, 20 февраля 1867 г.

Дорогой Уилки,

Я прочитал книгу Чарльза Рида, и вот что я, как *свидетель,* могу о ней сказать.

Я читал ее с величайшим интересом и восхищением. Я считаю ее произведением хорошего человека и первоклассного писателя, обладающего блестящей фантазией и изысканным воображением. Я затрудняюсь назвать кого-либо из ныне живущих писателей, кто мог бы написать такую вещь хотя бы приблизительно так же хорошо. Что касается так называемого критика, который осудит подобные книги как литературу с Холивелл-стрит * и т. п., я могу только сказать, что более исчерпывающего доказательства его некомпетентности и непригодности к той дол-

жности, на которую он сам себя избрал, желать не приходится.

Если бы меня подвергли перекрестному допросу, я почувствовал бы, что рискую попасть на зыбкую почву, и тогда, чтобы как-то выйти из положения, попытался бы перехитрить адвоката. Однако, если бы мне напомнили (а этого, по всей вероятности, следовало бы ожидать, если допустить, что кому-нибудь вообще разрешат давать показания), что я — редактор периодического издания с большим тиражом, издания, для которого писал истец, и если бы в суде мне прочитали сцены, в которых описывается, как пьяный Гонт явился в постель к своей жене и как был зачат последний ребенок, и спросили, пропустил ли бы я, как редактор, эти сцены (независимо от того, были они написаны истцом или кем-либо другим), я был бы вынужден ответить: *нет*. Если бы меня спросили почему, я бы сказал: то, что кажется нравственным художнику, может внушить безнравственные мысли менее возвышенным умам (а таких среди большой массы читателей неизбежно окажется много), и поэтому я должен был бы обратить внимание автора на возможность извращенного понимания этих отрывков в широких кругах. Если бы меня спросили, пропустил ли бы я отрывок, в котором Кэти и Мэри держат на коленях незаконного ребенка и рассматривают его тельце, я бы снова по той же причине вынужден был бы ответить: *нет*. Если бы меня спросили, мог ли бы я, как автор или редактор, допустить женитьбу Невиля на Мэрси и поставить этих четверых людей — Гонта, его жену, Мэрси и Невиля — в такие отношения друг к другу, я снова был бы вынужден ответить: *нет*. Если бы адвокат настаивал, я неизбежно должен был бы сказать, что считаю эти отношения в высшей степени непристойными и отталкивающими.

Я собираюсь провести в этом тихом прелестном уголке полтора дня, чтобы немного отдохнуть. Завтра вечером я снова буду в Глазго, а в пятницу и в субботу — в Эдинбурге (гостиница Грэхем, Принс-стрит). Затем вернусь домой и во вторник вечером буду читать в Сент-Джемс-холле. Везде несметные толпы.

Любящий.

168

МИСС МЭРИ АНДЖЕЛЕ ДИККЕНС

Гостиница Шелбурн, Дублин,
суббота, 16 марта 1867 г.

Милая Мэйми,

Надеюсь, тебе уже известно, что я неоднократно советовался в Лондоне, стоит ли вообще ехать в Ирландию, и всячески возражал против этой поездки. Поначалу я не ждал ничего хорошего, но тем не менее вчера все сошло отлично.

Здесь действительно царит сильная тревога *, а кроме того, заметен значительный застой в торговле и промышленности. Завтра день св. Патрика, и поэтому ожидаются беспорядки; некоторые мрачно настроенные люди предсказывают, что они разразятся между сегодняшней ночью и ночью на понедельник. Разумеется, везде идут приготовления, везде собирают большие отряды солдат и полицейских, хотя и стараются не держать их на виду. Гуляя по улицам, никак не подумаешь, что назревают беспорядки, хотя огонь тлеет тут и там в городе и по всей стране. (Сегодня утром я получил от миссис Бернал Осборн письмо; она описывает осадное положение, которое вынуждена терпеть в своем собственном доме в графстве Типперэри.)

Можешь быть совершенно уверена, что твой почтенный родитель сумеет о себе позаботиться. Если вспыхнет восстание, я немедленно перестану читать. В Белфасте ожидается огромное скопление публики. Вот и все мои новости, не считая того, что чувствую я себя превосходно.

169

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Гостиница Шелбурн, Дублин,
воскресенье, 17 марта 1867 г.

...Внешне здесь все спокойно. Погода стала лучше, и днем улицы оживлены, а по ночам на редкость тихи и пустынны. Однако город тайно наводнен войсками. Гово-

рят, завтрашняя ночь будет критической, но, судя по огромным приготовлениям, я бы поставил по крайней мере сто против одного, что никаких беспорядков не будет.

Самая удивительная и — с точки зрения благоприятных условий для таких разрушительных действий, как, например, поджог домов в самых различных местах,— самая страшная новость, которую мне сообщили из авторитетных источников, заключается в том, что вся дублинская мужская прислуга — сплошь фении *.

Я совершенно уверен, что худшее, чего можно ожидать от истории с фениями, еще впереди...

170

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Норич,
пятница, 29 марта 1867 г.

...Вчерашним приемом в Кэмбридже поистине можно гордиться. Собрались в полном составе все колледжи — от самых главных до самых мелких — и в приветственных кликах и овациях далеко превзошли даже Манчестер. Во время чтений все собравшиеся — старики и молодежь, мужчины и женщины — принимали все с искренним восторгом, который не поддается описанию. Зал был набит битком. Такого блестящего успеха я еще не имел ни разу.

Зачем мы торчим в этом старинном сонном местечке, я не знаю...

171

ДОСТОПОЧТЕННОМУ РОБЕРТУ ЛИТТОНУ*

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
среда, 17 апреля 1867 г.

Уважаемый Роберт Литтон,

Мне, право же, было бы очень обидно, если бы Вы и Ваши близкие пришли на мое чтение по верительным грамотам, врученным кем-либо, кроме меня самого. Ваше

одобрение доставило мне удовольствие более возвышенное и чистое, нежели Вы при Вашей скромности могли бы вообразить. Когда я впервые начал выступать с толкованием самого себя (в то время для общественного слуха это звучало весьма странно), меня поддерживала надежда, что я смогу заронить в сердца некоторых людей новое понимание моих книг и затронуть в них новые струны. Я до сего часа столь неуклонно стремлюсь к этой цели и создания моей фантазии столь живо стоят передо мною, что после многих сотен вечеров я каждый раз подхожу к этому красному столику с ощущением совершенной новизны и смеюсь и плачу вместе с моими слушателями так, как если бы никогда не стоял на подмостках прежде. Поэтому Вы поймете, что я испытываю огромное наслаждение, когда меня так тонко понимают, и что Ваши проникновенные слова меня глубоко тронули.

Мы счастливы, что Ваша очаровательная жена нас не забыла, и мне поручено передать ей гораздо больше приветов от моих домочадцев, чем Вы в состоянии запомнить. Поэтому я не стану перечислять их сам и избавлю от этого затруднительного поручения Вас.

Преданный Вам.

172

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

14 мая 1867 г.

...В прошлый понедельник вечером я с большим успехом закончил серию из пятидесяти чтений. Вы не можете себе представить, как я над ними работал. Поскольку слава их возросла, я счел необходимым сделать их лучше, чем они были вначале, и поэтому *выучил все наизусть,* чтобы мне не мешала необходимость следить глазами за текстом. Я еще раз тщательно проверил себя на передаче всех сильных чувств; сделал смешные места еще смешнее; исправил произношение некоторых слов; выработал полную невозмутимость и стал хозяином положения. Заключив программу отрывком из «Домби» (которого я давно уже не

читал), я выучил и его вместе с остальными и снова, снова и снова читал его самому себе, иногда по два раза в день — так же старательно, как для публики...

173

У. Г. УИЛСУ

Четверг, 6 июня 1867 г.

Дорогой Уилс,

Не могу выразить, как тронуло меня Ваше письмо и как высоко я ценю любовь и внимание, которыми оно продиктовано. От всего сердца благодарю Вас за него.

Не думайте, что, указывая на другую сторону вопроса, я пренебрегаю Вашими опасениями. Все Ваши возражения глубоко запечатлелись в моем уме, и я буду возвращаться к ним снова и снова.

Когда я ездил в Америку в 42 году, я был гораздо моложе, но (думается мне) также гораздо слабее. Незадолго до отъезда я перенес тяжелую хирургическую операцию и неделями работал над «Часами мистера Хамфри». Моя жизнь в Штатах состояла из бесконечных речей (таких же утомительных, как чтения), и я тогда был менее терпелив и более раздражителен, чем теперь. Я представляю себе, что серия чтений в Америке будет гораздо меньше связана с переездами, чем Вы предполагаете, что я все время буду читать в больших первоклассных городах и что сборы будут гораздо выше, чем Вы думаете. Эта точка зрения достаточно обоснована, если только интерес к чтениям не был в огромной степени преувеличен. Я не думаю, что все маклеры, которые меня осаждают, и все частные лица, которые меня настойчиво уговаривают, вступили в заговор или заблуждаются.

Кроме того, я уверен, что моя поездка даст сильный толчок Собранию сочинений Ч. Д.

Если бы Вы вместе с Долби занялись подсчетом доходов, которые приносят чтения здесь, Вы убедились бы, что заработать 10 000 фунтов можно было бы лишь за несколько лет. Получить эту сумму сразу и за такой короткий срок — соображение чрезвычайно серьезное.

Пока у меня хватит сил, я никогда не буду много отдыхать, и (насколько я себя знаю) во мне имеется нечто такое, что будет разъедать и точить мне душу, даже если я начну льстить себя надеждой, будто решил угомониться. С другой стороны, я думаю, что моя привычка легко отвлекаться от самого себя и уходить в мир фантазий всегда чудесно освежала и укрепляла меня за сравнительно короткий срок. Мне всегда кажется, что я отдыхаю гораздо больше, чем работаю, и я действительно уверен в том, что обладаю какой-то исключительной способностью быстро накапливать свежие силы и таким образом преодолевать утомление.

Мои денежные дела (принимая во внимание такую семью) идут очень хорошо. В деньгах я не нуждаюсь. Вся моя собственность свободна от долгов и в отличном порядке. И все же возможность в возрасте 55 или 56 лет значительно увеличить свое состояние за каких-нибудь полгода — соображение чрезвычайно серьезное. Я повторяю эти слова потому, что возражениям *необходимо* противопоставить какой-либо веский аргумент.

Сегодня я обедаю с Форстером, чтобы все это обсудить. Не сомневаюсь, что он будет настаивать на большинстве Ваших возражений, в особенности на последнем,— хотя, назвав такую сумму, его американские друзья и корреспонденты, без сомнения, поколебали его решимость сильнее, чем она когда-либо была поколеблена. Уверяю Вас, что никакие доводы не могут быть для меня убедительнее Ваших добрых слов и, к чему бы ни привело мое нынешнее состояние неопределенности, я никогда не забуду Вашего письма и никогда не перестану благодарить Вас за него.

Искренне Ваш.

174

У. Г. УИЛСУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, воскресенье, 30 июня 1867 г.

Дорогой Уилс,

Сегодня утром я прочитал первые три выпуска романа Уилки * и внимательно, до последней строчки изучил сю-

жет остальных. Разумеется, это серия «Рассказов», и, разумеется, те или иные люди вольны предпринимать те или иные действия; однако это очень занятная вещь — необузданная и все же послушная воле автора,— в ней превосходный характер, глубокая тайна и никаких женщин под вуалью. Она сделана необыкновенно тщательно и наверняка произведет фурор. Во многих отношениях это лучшее из всего, что он сделал.

Мы советовались, когда начать ее публикацию, и решили, что желательно по возможности не начинать до тех пор, пока не будет готов рождественский номер,— скажем, до середины декабря. Вопрос только в том, чем заполнить пустоту между «Мейбл» и Уилки? Как Вы думаете, не попросить ли Фицджеральда написать повесть, которая бы на три месяца заняла все номера? У него наверняка есть что-нибудь незаконченное или задуманное.

У меня создалось впечатление, что Элизу Феннинг * судил не Сильвестр; однако Ноулз не допускает, что Торнбери мог сделать такую ошибку. Мне бы все-таки хотелось, чтобы Вы заглянули в «Ежегодный справочник». Я добавил заключительный абзац о несправедливости судьи — кто бы он ни был. Я ясно помню, что читал о том, как он «заткнул рот» отцу Элизы Феннинг, когда старик пытался что-то сказать в пользу своей дочери. (Торнбери этого не заметил.) Кроме того, он пренебрег замечанием, что нож, воткнутый в хлеб, пропитанный квасцами, будет иметь такой же вид, как любые ножи. Но, возможно, я наткнулся на оба последних факта, просматривая некоторые брошюры в коллекции Апкотта. Я этим как-то занимался.

Если Вас не затруднит, отнесите, пожалуйста, мой пакет к Брауну и Шипли во вторник. Я буду Вам весьма обязан. Я приеду в редакцию завтра (в понедельник) в 5 часов или встречусь с Вами там во вторник в 11 часов, если Вы оставите мне записку. Я велел Бэртлсу отослать Вам полностью вторую корректуру — миссис Уилс, наверное, захочет ее посмотреть.

175

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
пятница, 23 августа 1867 г.

Дорогой Уилки,

Я сделал увертюру, но пишу Вам не для того, чтобы сообщить *эту* ничтожную новость.

У меня появилась мысль, которая, надеюсь, придаст нашей повести необходимую занимательность. Сделаем кульминационным пунктом бегство и преследование через Альпы — зимой, в одиночестве и вопреки предостережениям. Подробно опишем все ужасы и опасности такого приключения в самых чудовищных обстоятельствах — бегство от кого-либо или попытка догнать кого-либо (думаю, что последнее, именно последнее), причем от этого бегства или погони должны зависеть счастье, благополучие и вообще вся судьба героев. Тогда мы сможем добиться захватывающего интереса к сюжету, к обстановке, напряженного внимания ко времени и к событиям и привести весь замысел к такой мощной кульминации, к какой только пожелаем. Если мы оба будем иметь в виду и начнем постепенно развивать рассказ в этом направлении, мы извлечем из него настоящую лавину силы и обрушим ее на головы читателей.

Искренне Ваш.

176

ПЕРСИ ФИЦДЖЕРАЛЬДУ

Гэдсхилл,
четверг, 12 сентября 1867 г.

Дорогой Фицджеральд,

Благодарю Вас за присланную пьесу. Она движется очень бойко, гладко и весело, но я беру на себя смелость утверждать, что Вы можете написать гораздо лучше. Самая характерная роль в Вашей пьесе слишком напоминает

Комптона из «Неравного брака». А лучшая сцена (в которой муж уговаривает свою жену уйти) чрезмерно рискованна, чрезмерно приближается к опасной черте, и, мне кажется, будет очень много шансов против одного, что зрители ее не примут. Ибо, как бы забавно ни была изображена эта ситуация, нельзя пренебречь тем обстоятельством, что дама вполне серьезно думает, будто ее муж вступил в сговор с другим человеком, чтобы отдать ее этому другому, причем оба находятся на сцене вместе с ней.

Мысленно поставьте в это положение свою сестру.

Преданный Вам.

177

МИССИС ФРЕНСИС ЭЛИОТ

Гэдсхилл,
четверг, 12 сентября 1867 г.

Дорогая Ф.,

Я сомневаюсь насчет рассказов о привидениях, ибо они совершенно не соответствуют Вашему ручательству (притом, что перепутанные номера страниц чуть не свели меня с ума). В рассказе «Епископ» жена епископа *вовсе не видела* руки на занавеске в кухне. Она лишь повторяет то, что ей сказали слуги, а ведь возможно, что именно слуги, или некоторые из них, подняли шум, который она слышала. Равным образом она не видела и фигуры за занавеской. В самом первом из Ваших рассказов Вы даете показания с чужих слов, чего не допустил бы никакой суд. Рассказ «Черный кот» опять-таки заимствован с чужих слов. Вы утверждаете, будто слышали его от очевидца, но это не так. Человек приходит к епископу и рассказывает ему то да се, а жена епископа передает его рассказ Вам. Это не то ручательство, о котором Вы заявляете вначале. Еще раз просмотрите историю Тренчарда. Это старая, всем известная история. Вы не можете рассказать ее со слов очевидца. Вы только говорите о том, что Вашу дочь разбудили ночью, а это могло произойти где угодно.

И опять: «Мистер Б. рассказал мне об одном доме». Об одном доме мог рассказать Вам кто угодно. Разве мистер Б. хочет сказать, что он видел, как безумная служанка сидела на полу или что он был одним из сторожей, которые не спали, когда зазвонил звонок??? Неужели Вам не пришло в голову, как чудовищно, как невообразимо нелепо то обстоятельство, что человек, который пустился в это приключение, просит не отвечать на звонок, если звонить будет он! О таком непроходимом тупоумии я еще в жизни не слыхивал! Если даже допустить, что подобный идиот когда-либо существовал, неужели Вы думаете, что какой-либо умеренно глупый читатель проглотит верблюда, везущего всю компанию сторожей, из коих все до единого одинаковые олухи? И даже больше, ибо звонок звонил дважды.

Если б я опубликовал эти повести *вместе* с Вашим заявлением, ко мне бы вполне заслуженно придрались. Если бы я опубликовал их без Вашего заявления, я бы простонапросто перепечатал шаблонную серию рассказов. «Стриженая дама» и «Шотландские рыбаки» очень хороши, и, если хотите, я их охотно напечатаю.

В общем, я совершенно согласен с Вами. Я не беру на себя смелость утверждать, что постиг законы всевышнего, относящиеся к лишенным телесной оболочки духам. Я даже не настаиваю на том, будто свободен от неприятных впечатлений и предчувствий. Однако это еще не основание видеть доказательство в том, что совершенно не служит доказательством, или считать само собою разумеющимся то, что не может быть сочтено само собою разумеющимся. (Если бы даже мистер Б. не был до такой степени небрежным, пришлось бы считаться с самым обычным фактом, а именно, что каждую неделю в году служанки сходят с ума, а мужчины во всех слоях общества умирают от удара.)

Я искренне огорчен тем, что Вы нездоровы, но Вы не знаете, не можете себе представить, как тяжела моя теперешняя жизнь. Я ожидаю возвращения Долби, до его приезда не могу решить вопрос о поездке в Америку, и в то же время 2-го ноября мне предстоит разлука со всем, что мне дорого. Я должен сосредоточить свой утомленный мозг на рождественском рассказе, который мы пишем вместе с Уилки, и выколачивать этот рассказ кусок за куском, как

будто не существует больше ничего на свете; между тем как устройство моих личных дел, обеспечение на полгода вперед большого еженедельного журнала, выбор маршрута в Америке, программа ста вечеров тяжкого труда — все это ежеминутно дергает меня за рукав и толкает мое перо. Исходя из вышеперечисленного, все, кроме рассказа, придется отложить, пока рассказ не будет закончен. А уже после его окончания за какие-нибудь две недели спешно разделаться со всеми этими делами, которых с избытком хватило бы на целый год. Добавьте к этому бесконечную переписку, общественное положение, требующее всевозможных встреч с самыми разнообразными людьми, и сосчитайте часы, необходимые для поездки к другу (к тому же любимому) в Беркшир!

Любящий.

178

УОЛТЕРУ ТОРНБЕРИ*

Гэдсхилл,
суббота, 5 октября 1867 г.

Дорогой Торнбери,

Вот все, что я мог придумать в ответ на Ваши вопросы.

Сюзен Хопли и Джонатан Брэдфорд? Нет. Слишком хорошо известно.

Лондонские стачки и Спиталфилдские резчики? Да.

Борьба с Фицджеральдом? Бог с ним.

Дуэль лорда Моуна и герцога Гамильтонского? Д-а-а-а.

Ирландские похищения? Думаю, что нет.

Брунсвикский театр? Скорее да, чем нет.

Заключительные представления театров? Да.

Шпики с Боу-стрит (в сравнении с современными сыщиками)? Да.

Воксхолл и Рэниле в прошлом столетии? Решительно да. Не забудьте о мисс Бэрни.

Контрабандисты? Нет. Хватит о них.

Ласенер? Нет. То же.

Мадам Лафарг? Нет. То же.

Светская жизнь в прошлом столетии? Безусловно, да.

Дебаты о работорговле? Вообще да. Но остерегайтесь пиратов,— о них у нас было в начале «Домашнего чтения».

Разумеется, я снимаю с Вас всякую ответственность за дело Бедфорда. Однако нельзя не сочувствовать сыну, который нежно чтит память отца. И мы должны помнить, что никакая частная переписка не имеет столько читателей, сколько напечатанное и опубликованное заявление.

Я недавно говорил Вам, что, по моему мнению, мышьяк в деле Элизы Феннинг подсыпал подмастерье. Я никогда в жизни не был ни в чем так твердо убежден, как в невиновности этой девушки, и не нахожу слов, чтобы выразить свое возмущение бессмысленным рассказом этого идиота-священника, который нагло и самоуверенно исказил некоторые слова, произнесенные ею в последние дни ее мучений.

Преданный Вам.

179

ЛОРДУ ЛИТТОНУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, понедельник, 14 октября 1867 г.

Дорогой Литтон,

Я счастлив узнать, что Вам так понравился Фехтер в «Лионской красавице». Это был вполне бескорыстный труд, и я его глубоко уважаю.

Я с большим удовольствием прочитаю новую пьесу *, если Вы дадите мне ее здесь или в городе. Когда я услышал об ее теме, я очень испугался (да и сейчас боюсь) греческой одежды, и думаю, что будет невероятно трудно вызвать к ней живой интерес. Однако я тотчас же подпрыгнул от радости (как, вероятно, и Фехтер?), когда мне пришла в голову мысль перенести действие в Россию. При таком обороте пьеса вызовет известный интерес у публики, и ее можно будет очень живописно поставить.

Я уезжаю из Лондона рано утром 8 ноября и отплываю из Ливерпуля 9-го.

Любящий.

180

ЧАРЛЬЗУ ДИККЕНСУ-МЛАДШЕМУ

Паркер-хаус, Бостон, США,
суббота, 30 ноября 1867 г.

Мой дорогой Чарли,

Ты уже, наверное, слышал о том, как удачно сложилось мое путешествие, и о том, что я ни минуты не страдал от морской болезни. Эти винтовые пароходы — гигантские корабли, на которых человека трясет и швыряет из стороны в сторону, что переносить довольно мучительно. Но моя небольшая каютка, расположенная перед машинным отделением, оказалась самым удобным местом на судне, и воздуха у меня и днем и ночью было совершенно достаточно. А поскольку в салоне воздуха не было совершенно, я почти все время обедал в своей каморке, несмотря на то что мне было предоставлено почетное место по правую руку от капитана.

Билеты на первые мои четыре чтения здесь (единственные чтения, о которых было объявлено заранее) разошлись молниеносно. Билеты на первые четыре чтения в Нью-Йорке (тоже единственные чтения, о которых там объявляли) поступили в продажу вчера и были распроданы за несколько часов. Я стойко отказываюсь от всякого рода посредников, так как решил самолично получить все то, что подлежит получению. Долби почти совсем сбился с ног; его энергия и добродушие ни с чем не сравнимы, и он пользуется везде невероятным успехом.

Мне очень хочется избежать излишних разъездов и постараться сделать так, чтобы публика приезжала ко мне, а не я к ней. Если мне это удастся хотя бы в небольшой степени, я избавлю себя от утомительных поездок.

Так как мне кажется, что американцы (не считая тех, что слышали меня во время своих поездок в Европу) не имеют ни малейшего представления о том, что такое мои чтения, и так как все они привыкли к обыкновенным чтениям с книгой, я склонен думать, что, когда начну читать, их энтузиазм еще больше возрастет. Все здесь очень добры и внимательны ко мне, и я встретил немало старых друзей и из адвокатуры и из университетов. Сейчас я веду переговоры о том, чтобы поставить в Нью-Йорке сцениче-

ский вариант «В тупике», и вполне возможно, что это удастся сделать.

Только что меня прервал приход моего старого здешнего секретаря, мистера Патнэма. Его восторг при встрече со старым хозяином был поистине трогателен. А когда я рассказал ему, что Энн вышла замуж и что у меня уже есть внуки, он и смеялся и плакал сразу. Я думаю, что ты не помнишь Лонгфелло *, зато он отлично помнит тебя, в бархатном черном костюмчике. У него уже седые волосы и седая борода, но он удивительно хорош собой. Он попрежнему живет в своем старом доме, в том самом, в котором сгорела заживо его красавица-жена. Позавчера я с ним обедал, и эта ужасная сцена неотступно преследовала меня. Пламя охватило ее мгновенно, с диким криком бросилась она в объятия мужа и замолкла навек.

Поцелуй Бесси, Мекетти и всех малюток.

Твой любящий отец.

181

У. Г. УИЛСУ

Гостиница «Вестминстер»,
площадь Ирвинга, Нью-Йорк,
вторник вечером, 10 декабря 1867 г.

Дорогой Уилс,

Невозможно представить себе больший успех, нежели тот, который ожидал нас здесь вчера. Прием был великолепный, публика живая и восприимчивая. Я уверен, что с тех пор, как я начал читать, я еще ни разу не читал так хорошо, и общий восторг был безграничен. Теперь я могу сообщить Вам, что перед отъездом ко мне в редакцию пришло несколько писем об опасности, антидиккенсовских чувствах, антианглийских чувствах, нью-йоркском хулиганстве и невесть о чем еще. Поскольку я не мог не ехать, я решил ни слова никому не говорить. И не говорил до тех пор, пока вчера вечером не убедился в успехе «Суда», после чего рассказал об этих письмах Долби.

В этой гостинице спокойнее, чем у Майверта на Брук-стрит! Она столь же комфортабельна, а ее французская кухня неизмеримо лучше. Я хожу через боковую дверь по

маленькой лестнице, которая ведет прямо ко мне в спальню. Чтения поглощают меня целиком, и меня никто не беспокоит. На втором этаже у нас уютная гостиная, моя спальня, ванная и спальня Скотта. Спальня Долби и комната для приема его клиентов находятся этажом выше. Недалеко отсюда есть гостиницы (в американском духе) с 500 номеров и огромным количеством постояльцев. Эта гостиница (в европейском духе) почти безупречна и не соответствует Вашему представлению об американской гостинице настолько, насколько это вообще возможно. Нью-Йорк вырос до неузнаваемости и стал огромным. Он выглядит так, словно в природе все перевернулось, и, вместо того чтобы стареть, с каждым днем молодеет. Я читаю в огромной зале. Читать в ней почти так же трудно, как в Сент-Джемс-холле. Мое здоровье и голос в отличном состоянии.

Здесь было очень холодно, но сегодня выпал снег и началась оттепель. Больше писать пока не о чем, кроме привета миссис Уилс и выражений глубокой и нежной преданности Вам.

Среда утром

«Копперфилд» и «Боб» имели вчера еще больший успех, чем «Рождественская песнь» и «Суд» накануне. «Мистер Диггунс,— сказал немец-капельдинер,— вы велики шеловек, майнгерр. Вас мошно слюшать бес конца!» Произнеся это прощальное приветствие, он затворил за мною дверь и выпустил меня на лютый мороз. «Все лутше и лутше.— Тут он снова приоткрыл дверь и добавил: — Шо-то пудет тальше!»

182

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Нью-Йорк,
14 декабря 1867 г.

...Единственный квартал, который я наконец вспомнил, это та часть Бродвея, где стояла гостиница «Карлтон» (она давно уже снесена). На окраине теперь очень краси-

вый новый парк, а количество огромных домов и великолепных экипажей просто поразительно. Недалеко отсюда имеются гостиницы с 500 номеров и невесть каким числом постояльцев; но наша гостиница такая же тихая, как гостиница Майверта на Брук-стрит, и ненамного больше. Все мои комнаты расположены анфиладой, и я хожу через отдельную дверь и по отдельной лестнице, которая ведет в мою спальню. Официанты — французы, и ощущение такое, словно живешь во Франции. Один из двух владельцев гостиницы является также владельцем театра Нибло, и ко мне относятся необыкновенно внимательно. Главная приманка этого театра — «Черный Плут» — идет ежедневно в течение 16 месяцев (!). Более нелепой темы для балета я еще в жизни не видывал. Люди, которые в нем играют, не имеют и никогда не имели ни малейшего понятия, в чем там дело; однако я напряг до предела свои умственные способности и, кажется, открыл, что «Черный Плут» — злой горбун, вступивший в заговор с Силами Тьмы с целью разлучить двух влюбленных. Когда на помощь являются Силы Света (без всяких юбок), он терпит поражение. Я совершенно серьезно утверждаю, что во всем балете (он идет целый вечер) не наберется содержания и на две страницы «Круглого года»; все остальное — всевозможные пляски, немыслимые процессии и Осел из прошлогодней Ковент-гарденской пантомимы! В других городских театрах преобладают комические оперы, мелодрамы и семейные драмы, и мои повести занимают в них весьма значительное место. Я никуда не хожу, поставив себе за правило, что сочетать визиты с моей работой совершенно невозможно...

Об устроенном фениями взрыве в Клеркенвелле сюда сообщили по телеграфу через несколько часов. По-моему, американцы нисколько не сочувствуют фениям, хотя политические авантюристы могут нажить себе капитал, разыгрывая сочувствие к ним. Однако среди здешнего ирландского населения, несомненно, много фениев, и если хотя бы половина того, что я слышал,— правда, то политические нравы здесь просто ужасны. Я предпочитаю не говорить на эти темы, но время от времени наблюдаю происходящее. С тех пор как я был здесь в прошлый раз, нравы заметно улучшились, но в общественной жизни я до сих пор почти никаких изменений не заметил...

188

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бостон,
22 декабря 1867 г.

...Железные дороги поистине внушают ужас. Они стали гораздо хуже (вероятно, оттого, что еще больше износились), чем в мой прошлый приезд. Вчера нас качало так, словно мы были на борту «Кубы». Надо было переправиться через две реки, и каждый раз весь поезд с грохотом швыряли на палубу большого парохода. Пароход поднимается и опускается вместе с рекой, и поезд бросает вверх или вниз. Вчера на одной из этих переправ при выгрузке с парохода нас подбросило на такую высоту, что лопнул канат, один из вагонов сорвался и понесся обратно на палубу. Я моментально выскочил из вагона, за мной бросились еще двое или трое пассажиров, а все остальные, казалось, не обращали никакого внимания на происходящее. С багажом тут обращаются просто возмутительно. Почти все мои сундуки уже сломаны. Вчера, когда мы уезжали из Бостона, я, к своему несказанному удивлению, увидел, что мой камердинер Скотт прислонился раскрасневшимся лицом к стене вагона и *горько плачет*. Оказывается, он плакал оттого, что раздавили мой пюпитр. Между тем приспособления для багажа превосходны, только носильщики страшно небрежны.

Залы здесь первоклассные. Представьте себе залу на две тысячи человек, причем у каждого отдельное место и всем одинаково хорошо видно. Нигде — ни дома, ни за границей — я не видел таких замечательных полицейских, как в Нью-Йорке. Их поведение выше всякой похвалы. С другой стороны, правила движения на улицах грубо нарушаются людьми, для блага которых они предназначены. Однако многое, несомненно, улучшилось, а об общем положении вещей я не тороплюсь составлять мнение. Добавим к этому, что в три часа ночи меня соблазнили посетить один из больших полицейских участков, где я так увлекся изучением жуткого альбома фотографий воров, что никак не мог от него оторваться.

Хороший образчик того сорта газет, о котором мы с Вами кое-что знаем, вышел сегодня утром здесь, в Бостоне. Издатель этой газеты предложил нам помещать в ней объявления, сказав, что «газета готова предоставить свои страницы в распоряжение мистера Д.». Объявлений мы не послали. Долби ничем не обогатил столбцы газеты, но зато среди сегодняшних новостей имеется сообщение о том, что «тип, называющий себя Долби, вчера ночью напился и был отправлен в полицию за драку с ирландцем!». К сожалению, должен сказать, что эта резвость никого особенно не шокирует...

«Трибюн» — превосходная газета. Хорейс Грили — ее главный редактор, а также один из крупных акционеров. Все сотрудники этой газеты, которых я видел, первоклассные журналисты. Кроме того, «Трибюн» весьма прибыльное предприятие, но «Нью-Йорк Геральд» кладет ее в этом деле на обе лопатки! Другая серьезная и хорошо издаваемая газета — «Нью-Йорк таймс». В высшей степени респектабельная газета — «Брайентс ивнинг пост»; к тому же она отличается прекрасным слогом. В общем, в газетах, выходящих большими тиражами, преобладает гораздо более серьезный и сдержанный тон, чем прежде,— хотя литературные их достоинства весьма незначительны. Вообще здешняя печать заметно улучшилась, хотя это относится не ко всем ее изданиям...

...Однако я говорю: *нет* *. К 10 января число моих слушателей только в одном этом городе достигнет 35 тысяч. Пусть чтения на некоторое время станут недоступны всем этим людям. Одна из особенностей здешней публики, на которую я обратил внимание, такова: ничто не должно даваться ей слишком легко. Ничто в этой стране не длится долго, и все ценится тем дороже, чем труднее достается. Поэтому, размышляя о том, что в апреле я собираюсь дать прощальные вечера здесь и в Нью-Йорке, я прихожу к заключению, что наплыва публики, необходимого для соответствующего успеха, можно добиться, только на время отменив чтения. Таким образом, лучшее, что я могу сделать,— это не читать ни в одном из этих городов столько, сколько он сейчас хочет, а напротив, быть независимым от обоих, пока их восторг не остыл. Поэтому я решил немедленно объявить в Нью-Йорке, что столько-то чтений (я

имею в виду определенное количество) будут последними перед отъездом в другие места, и выбрать из своего списка только города с самыми большими залами. В этот список войдут: здесь, на Востоке,— два или три лучших города Новой Англии; на Юге — Балтимор и Вашингтон; на Западе — Цинциннати, Питсбург, Чикаго и Сент-Луис; а по пути к Ниагаре — Кливленд и Буффало. В Филадельфии мы уже подрядились на шесть вечеров; и, согласно этому плану, нам удастся еще дважды побывать здесь до отъезда в Англию. Я убежден, что это — разумная тактика. Я читаю здесь завтра и во вторник, причем билеты проданы на всю серию, даже на те вечера, программа которых не объявлена. Я еще ни разу не получал меньше 315 фунтов чистой прибыли за вечер (после всех вычетов). Уверяю Вас, что я постараюсь не читать чаще четырех раз в неделю — кроме будущей недели, когда я дал слово читать пять раз. Эти огромные толпы производят сильное впечатление на моих сотрудников, и они неизменно стремятся, как выразился один наш старый друг, «подгонять артиста». Дня два назад я вынужден был вычеркнуть из *их* списка пять выступлений...

Слабость сердечной деятельности, или что-то в этом роде, сильно беспокоила меня на этой неделе. В понедельник вечером после чтения меня уложили в постель в весьма жалком состоянии, и во вторник я встал только после двенадцати...

184

У. Г. УИЛСУ

Гостиница «Вестминстер»,
площадь Ирвинга, Нью-Йорк,
понедельник, 30 декабря 1867 г.

Дорогой Уилс,

В Вашем письме, датированном днем выхода в свет рождественского номера, содержатся замечательные новости о нем. Но пьеса почему-то не внушает мне надежд. Читаю ее и не могу ничего себе представить. Возможно,

это мои причуды, опасения или еще невесть что, но я не замечаю, чтобы она живо и энергично неслась вперед.

Я заболел и вынужден был позвать врача, но теперь мне гораздо лучше,— в сущности, совсем хорошо. По-видимому, мне очень помогло тонизирующее средство.

С Плорном все будет в порядке. Клянусь богом, после всей этой зубрежки он должен стать первоклассным поселенцем!

Мы работали здесь вовсю, предварительно поработав вовсю в Бостоне (где все совершенно помешались на «Копперфилде»), а теперь нам предстоит работа в Филадельфии, Бруклине и Балтиморе. Перечисленные города, Нью-Йорк и еще раз Бостон (два вечера) займут весь январь. В Бруклине я читал в церкви мистера Уорда Бичера (там великолепно размещаются две тысячи человек), причем публика сидела на настоящих церковных скамьях! На днях я заглянул туда посмотреть, как это выглядит, и понял, что был в комически нелепом положении. Но это — единственное подходящее здание в городе.

Желаю Вам счастливого Нового года, дружище. Привет миссис Уилс.

Любящий.

185

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Паркер-хаус, Бостон, США,
4 января 1868 г.

...Пишу Вам с этой оказией, хотя писать, в сущности, нечего. Работа тяжелая, климат тоже. Вчера мы произвели колоссальный фурор с Никльби и Коридорным, которых бостонцы явно предпочитают Копперфилду! Долби по вечерам делать почти нечего, ибо здешняя публика настолько привыкла к самостоятельности, что эти огромные толпы рассаживаются по своим местам с легкостью, поразительной для завсегдатая Сент-Джемс-холла. Еще до моего прихода вся публика уже в сборе, что я считаю

весьма приятным знаком уважения. Должен также добавить, что хотя в здешних газетах меня фамильярно называют «Диккенсом», «Чарли» и еще бог весть как, я не заметил ни малейшей фамильярности в поведении самих журналистов. В журналистских кругах царит непостижимый тон, который иностранцу весьма трудно понять. Когда Долби знакомит меня с кем-нибудь из газетчиков и я любезно говорю ему: «Весьма обязан Вам за Ваше внимание»,— он кажется чрезвычайно удивленным и имеет в высшей степени скромный и благопристойный вид. Я склонен полагать, что принятый в печати тон — уступка публике, которая любит лихость, но разобраться в этом очень трудно. До сих пор я усвоил лишь одно, а именно, что единственно надежная позиция — это полная независимость и право в любой момент продолжать, остановиться или вообще делать все, что тебе заблагорассудится.

Далее, здесь наблюдаются два явно непримиримых явления. Внизу в баре этой гостиницы каждый вечер полно всевозможных пьяниц, алкоголиков, бездельников, щеголей — словом, персонажей из пьес Бусиколта. Всего в получасе езды отсюда, в Кембридже, царит простая, исполненная достоинства, задушевности и сердечности домашняя жизнь в самых приятных ее проявлениях. Вся Новая Англия примитивна и проникнута пуританским духом. Со всех сторон ее окружает море человеческой грязи и мерзости. Быть может, со временем я смогу составить себе сколько-нибудь цельное впечатление, но до сих пор это мне явно не удалось. Возможно, то обстоятельство, что все кажется мне неизмеримо более непонятным, чем в прошлый раз,— хороший признак.

После Фелтона остались две дочери. Я видел только старшую — очень умную, искреннюю, приятную девушку лет двадцати восьми, немного похожую на него лицом. Вчера вечером ко мне зашла поразительно красивая дочь Готорна (который тоже умер). День дополз до трех часов, и потому обрываю письмо.

Любящий.

186

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Бостон,
5 января 1868 г.

...Я должен читать здесь в понедельник и во вторник, а в среду вернуться в Нью-Йорк, где в четверг и пятницу состоятся мои последние (если не считать прощальных, апрельских) чтения. «Доктор Мериголд» произвел в Нью-Йорке самую настоящую сенсацию. Публика сперва пребывала в нерешительности, явно не зная, как ей быть, но под конец всех охватило какое-то исступление. Когда я кончил читать, они громко завопили и ринулись к помосту, словно бы желая унести меня с собой. В моем колчане появилась еще одна могучая стрела. Кроме того, необычайным успехом пользовались «Никльби» и «Рассказ Коридорного» (к слову сказать, здесь, в Бостоне, они понравились даже больше, чем «Копперфилд»); я уже не говорю о нашем последнем нью-йоркском вечере, принесшем в кассу — даже после того как пришлось пойти на непомерные потери при обмене на золото — пятьсот английских фунтов. Мой импрессарио повсюду расхаживает с каким-то необъятным пакетом, по виду похожим на диванную подушку, на самом же деле в нем содержится не что иное, как бумажные деньги; а в то утро, когда он собирался уезжать в Филадельфию, пакет разбух до размеров дивана. Итак — трудная работа, трудный климат, трудная жизнь; но что касается сборов, они баснословны. Простуда упорно не желает со мной расставаться и по временам ужасно меня мучит, но в случае необходимости всегда любезно предоставляет мне нужные два часа передышки. Я испробовал уже алопатию, гомеопатию, холодное, теплое, сладкое, горькое, возбуждающие средства, наркотики — и все без толку. Ее ничто не берет...

В Бруклине я буду читать в церкви мистера Уорда Бичера — единственном помещении, пригодном для этой цели. Церковные скамьи расходятся одна за другой!

Кафедра уступила место моей ширме и газовым рожкам. Я появляюсь из ризницы в полном облачении! Этот благочестивый дивертисмент будет происходить по вечерам 16, 17, 20 и 21 числа сего месяца...

187

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Нью-Йорк,
9 января 1868 г.

...Каждый вечер громадный паром будет перевозить меня и мою парадную карету (а кроме того, полдюжины телег, бесчисленное множество людей и несколько десятков лошадей) на тот берег реки, в Бруклин, а затем отвозить обратно. Тамошняя распродажа билетов представляла собой удивительнейшее зрелище. Каждый барышник снабжен здесь (я говорю абсолютно серьезно и нимало не преувеличиваю) соломенным тюфяком, двумя одеялами, мешочком с хлебом и мясом и бутылкой виски. Экипированные таким образом, они укладываются в ряд на мостовую и лежат там всю ночь до начала продажи билетов, причем свою позицию занимают обычно часов около десяти. Так как в Бруклине страшно холодно, они развели посреди улицы — узенькой улочки, состоящей сплошь из деревянных домов,— гигантский костер, который полиция припялась гасить. Произошла потасовка; те, чьи места были в дальнем конце очереди, заметив хоть малейшую возможность оттеснить стоящих поближе к дверям, обливаясь кровью, стремительно выскакивали из свалки, клали свои тюфяки на завоеванные таким образом места и судорожно цеплялись за железную ограду. В восемь часов утра появился Долби, неся чемодан с билетами. Его тут же приветствовала целая буря воплей: «Здорово, Долби!», «Так Чарли одолжил тебе свою карету, а, Долби?», «Как он там, Долби?», «Не урони билетов, Долби!», «Пошевеливайся, Долби!» и т. д., и т. д., и т. д. Под этот аккомпанемент Долби приступил к делу и завершил его (как и всегда) ко всеобщему неудовольствию. Сейчас он отправился в небольшое путе-

шествие, с тем чтобы прощупать почву и снова здесь появиться. Это маленькое путешествие (в Чикаго) — всего 1200 миль непрерывного пути, не считая обратной дороги!..

188

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Вестминстер-отель, Нью-Йорк, воскресенье, 12 января 1868 г.

Мой дорогой Уилки!

Прежде всего о пьесе *. Я искренне рад, что она имела такой большой успех, и надеюсь еще посмотреть ее на подмостках «Адельфи». Она досталась Вам ценой неисчислимых трудов и мытарств, но я надеюсь, что триумф в какой-то степени вознаградит Вас. Даже переделка конца четвертого акта (Вы пишете о ней в том письме, что я получил вчера) отнюдь не явилась для меня неожиданностью, так как, еще читая пьесу, я почувствовал, что финал недостаточно сценичен.

Я согласен с Холмсом, который считает, что Обенрейцеру лучше умереть на сцене, и не сомневаюсь, что этот вопрос уже улажен. Читая пьесу, еще до того как она была поставлена, я заметил, что она слишком растянута и в ней порядочно ненужных пояснений. Я уверен, что и эти недостатки сейчас уже устранены.

По эту сторону океана с пьесой у нас ничего не выйдет. Здешние литературные пираты фабрикуют свои собственные жалкие варианты на любой вкус и этаким манером (как выразился бы Уилс) предвосхищают спрос и завоевывают рынок. Я зарегистрировал нашу пьесу, закрепив права издания за Тикнором и Филдсом, американскими гражданами. Пользуясь тем, что здешний закон об авторском праве весьма неопределенен, управляющий театром «Мюзеум» в Бостоне предъявил свой вариант. (О том, что он собой представляет и как сделан, Вы можете судить хотя бы по тому, что его поставили уже через 11 дней после появления нашего рождественского номера.) Но когда Тикнор и Филдс предложили ему отказаться от постановки этой пьесы, он ответил, что поставит ее непременно. Он, разумеется, отлично знает, что,

если мы будем действовать против него через суд, немедленно поднимется вой, будто я преследую невинную жертву, и играет на этом. А тем временем нагрянула доблестная рать пиратов и покончила с пьесой, исказив ее.

Меня очень тронуло то, что Вы пишете о Вашей бедной матери. Но в ее возрасте, разумеется, зима переносится нелегко. Передайте ей, пожалуйста, мой сердечный привет и скажите, что я спрашивал о ней.

Будучи прошлым воскресеньем в Бостоне, я вбил себе в голову, что мне надо как следует оглядеть все щели и закоулки в том медицинском колледже, где Вебстер * совершил свое кошмарное убийство. Там была печь — она все еще источает омерзительную вонь, как будто бы в ней до сих пор находится расчлененное тело,— там были все эти зловещие раковины, желоба, химическая аппаратура и всякая всячина. Позже, за обедом, Лонгфелло рассказал мне страшную историю. Он обедал у Вебстера в год убийства, и за столом было человек десять или двенадцать. Когда подали вино, Вебстер вдруг приказал погасить свет и поставить на стол чашу из какого-то светящегося минерала, так что гости предстали друг перед другом в самом призрачном виде. Пока в таинственном свете каждый из гостей таращился на всех остальных, они вдруг с ужасом увидели над чашей Вебстера с веревкой на шее, свесившейся набок головой и вывалившимся языком, Вебстера в образе удавленника!

Раздумывая о его жизни и характере, я прихожу к выводу (и готов поручиться головой, что я прав), что он всегда отличался исключительной жестокостью.

Любящий Вас, мой дорогой Уилки.

189

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Филадельфия,
14 января 1868 г.

...Я вижу *большие перемены* к лучшему в общественной жизни, но отнюдь не в политической. Англия, управляемая приходским советом Мэрилбен и грошовыми ли-

стками, и Англия, какою она станет после нескольких лет такого управления,— вот как я это понимаю. В общественной жизни бросается в глаза изменение нравов. Везде гораздо больше вежливости и воздержанности... С другой стороны, провинциальные чудачества все еще удивительно забавны, и газеты беспрестанно выражают всеобщее изумление «поразительным самообладанием мистера Диккенса». Они явно обижены тем, что я залезаю на подмостки, не спотыкаясь, и не чувствую себя подавленным открывшимся передо мною зрелищем национального величия. Все они привыкли сопровождать публичные выступления звуками фанфар, и потому им кажется совершенно непостижимым, что перед тем, как я выхожу читать, никто не вскакивает на сцену и не произносит обо мне «речь», а потом не соскакивает со сцены, чтобы ввести меня в залу. Иногда до тех пор, пока я не открою рот, они не верят, что перед ними действительно Чарльз Диккенс...

...Ирландцы приобретают в Нью-Йорке такое колоссальное влияние, что, когда я об этом думаю и вижу возвышающуюся там громаду римско-католического собора, мне кажется несправедливым клеймить названием «американский» другие чудовищные сооружения, каких здесь немало. Коррупция и расхищение местных финансов приняли невероятные размеры. В некоторых судах наблюдается одна угрожающая особенность, боюсь, местного происхождения. На днях один человек, заинтересованный в том, чтобы не выполнять постановление суда, рассказал мне, что первым делом он отправился «навестить судью».

Вчера здесь, в Филадельфии (это был мой первый вечер), весьма впечатлительная и чуткая аудитория была до такой степени ошеломлена тем, что я просто вошел и открыл свою книгу, что я никак не мог понять, в чем дело. Они явно ожидали широковещательной рекламы и думали, что Долби явится подготовить мой приход. Изумление у них вызывает именно простота всей процедуры. «Поразительное самообладание мистера Диккенса» газеты не считают необходимым атрибутом публичных чтений, напротив, они ревниво за ним наблюдают, втайне

подозревая, что за этим скрывается пренебрежение к публике. И то и другое представляется мне чрезвычайно забавным и типичным...

Мне кажется, следует ожидать, что, продвигаясь к Западу, я увижу, что старые нравы движутся впереди и, возможно, начну наступать им на пятки. Однако до сих пор я страдаю от докучливых и навязчивых людей не больше, чем в то время, когда разъезжал с чтениями по городам Англии. Я пишу это письмо в огромной гостинице, но никто меня не беспокоит, и в моих комнатах так же тихо, как если бы я находился в гостинице «Привокзальной» в Йорке. Число моих слушателей в Нью-Йорке достигло уже сорока тысяч, и на улицах меня знают не хуже, чем в Лондоне. Люди оборачиваются, смотрят на меня и говорят друг другу: «Смотрите! Диккенс идет!» Но никто никогда меня не останавливает и не вступает со мною в разговор. Сидя с книгой в экипаже возле нью-йоркской почтовой конторы, пока один из моих служащих отправлял письма, я заметил, что меня узнали несколько зевак. Когда я весело выглянул наружу, один из них (по-видимому, бухгалтер торговой фирмы) подошел к дверце кареты, снял шляпу и заявил: «Мистер Диккенс, я бы счел за большую честь пожать Вам руку»,— после чего представил мне еще двоих. Все это выглядело очень вежливо и ничуть не навязчиво. Если я замечаю, что кто-нибудь хочет заговорить со мною в железнодорожном вагоне, я обычно предупреждаю это желание и заговариваю первый. Когда я стою в тамбуре (чтобы избежать невыносимой печки), люди, выходящие из вагона, с улыбкой говорят: «Поскольку я удаляюсь, мистер Диккенс, и могу побеспокоить Вас только на одну минутку, я хотел бы пожать Вам руку, сэр». Итак, мы пожимаем друг другу руки и расходимся в разные стороны...

Разумеется, многие мои впечатления создаются во время чтений. Так, я нахожу, что люди стали более веселыми и смешливыми, чем раньше; и все классы общества, несомненно, обладают большой долей простодушной фантазии — в противном случае они не могли бы извлекать столько удовольствия из рассказа Коридорного о тайном бегстве двоих малолетних детей. Кажется, будто они видят

перед собою этих малюток; причем особенно трогательны сочувствие и радость женщин. Сегодня я читаю двадцать шестой раз, но поскольку уже проданы билеты еще на четыре вечера в Филадельфии и на четыре в Бруклине, Вы можете считать, что я выступаю уже, скажем, тридцать пятый раз. Я послал банку Кутс десять тысяч фунтов с лишним английским золотом, и по моим весьма приблизительным подсчетам за все выступления Долби выплатит мне еще тысячу фунтов. Эти цифры, разумеется, пока между нами, но разве они не изумительны? Не забудьте, что и расходы огромные. С другой стороны, нам ни разу не пришлось печатать никаких афиш (в Англии печатание и рассылка афиш обходятся очень дорого), и мы только что продали за полной ненадобностью заранее заготовленную бумагу для афиш на 90 фунтов...

Работа очень утомительна. До отъезда в Англию нет ни малейшей надежды избавиться от американской простуды. Это очень неприятно. Нередко после чтения я так смертельно устаю, что, умывшись и переодевшись, ложусь в постель и целых четверть часа не могу прийти в себя от страшной слабости...

190

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Гостиница «Вестминстер», Нью-Йорк,
вторник, 21 января 1868 г.

Дорогая моя Джорджи,

Сегодня я кончил свои выступления в церкви. Это — церковь брата миссис Стоу, и в ней очень удобно выступать. Вчера церковь была набита битком («Мериголд» и «Суд»), но читать было не трудно. Мистер Уорд Бичер (брат миссис Стоу) сидел на своей скамье. Перед уходом я пригласил его зайти ко мне. Это скромный, видимо неглупый, прямой и приятный человек; он отлично образован и хорошо разбирается в искусстве.

Я никак не могу избавиться от простуды и, не преувеличивая, ужасно страдаю от бессонницы. Позавчера я уснул только под утро и не мог встать до двенадцати. Сегодня то же самое. На завтрак я почти никогда не ем ничего, кроме яйца и чашки чаю,— даже ни одного гренка или бутерброда. Обед в три часа и перепелка или еще какое-нибудь легкое блюдо по возвращении вечером — вот мое ежедневное меню. Я взял за правило съедать перед выходом одно яйцо, взбитое в хересе, и еще одно во время антракта. Мне кажется, это меня взбадривает: во всяком случае, у меня больше не было приступов слабости.

Поскольку все мои люди очень много трудятся, вкладывая в работу душу, то, возвращаясь из Бруклина, я заталкиваю их в свою карету и на запятки. Как-то вечером Скотт (положив на колени чемодан и надвинув на нос широкополую шляпу) сообщил мне, что попросил билет в цирк (кстати, здешний цирк не хуже цирка Франкони), но ему отказали. «Это единственный тиятер, в котором мне указали на дверь. Такого еще в жизни не было»,— мрачно заявил он. На что Келли заметил: «Наверно, произошло какое-то недоразумение, Скотт, потому что мы с Джорджем пошли и сказали: «Персонал мистера Диккенса»,— и нас посадили на лучшие места. Сходите еще раз, Скотт». «Нет уж, спасибо, Келли,— мрачнее прежнего отвечает Скотт,— я не собираюсь еще раз оставаться с носом. Мне еще в жизни не указывали на дверь в тиятере, и этого больше не будет. Что за дьявольская страна».— «Скотт,— вмешался Мэджести,— уж лучше б вы не выражали своих мнений об этой стране».— «Нет, сэр,— отвечает Скотт,— я этого никогда не делаю, сэр, но когда вам в первый раз в жизни указывают на дверь в тиятере, сэр, и когда эти твари в поездах выплевывают табачную жвачку вам на башмаки, вы (между нами) видите, что попали в дьявольскую страну».

Возможно, меня в скором времени занесет снегом на какой-нибудь железной дороге, ибо идет густой снег, а завтра я собираюсь в путь. По реке плывет столько льда, что, отправляясь на чтения, приходится очень долго ждать парома...

191

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Балтимор,
среда, 29 января 1868 г.

...У меня остался час до отъезда в Филадельфию, и потому я начинаю это письмо нынче утром. Хотя Балтимор расположен на той же широте, что и Валенсия в Испании, целые сутки не переставая шел снег, и мой антрепренер, который едет в Нью-Йорк, вполне может где-нибудь по дороге увязнуть в снегу. Балтимор — одно из тех мест, где во время войны действовал Батлер * и где дамы, бывало, плевались, проходя мимо солдата Северной армии. Это очень красивые женщины, в них есть что-то восточное, и они великолепно одеваются.

Публика здесь очень чуткая и отзывчивая, и читать ей — одно удовольствие. Редко можно увидеть в зале столько красивых лиц. Я читаю здесь в прелестном маленьком оперном театре, построенном обществом немцев; он отлично подходит для этой цели. Я стою на сцене, занавес опущен, а перед ним установлена моя ширма. Все выглядит очень мило, и слушатели живо на все откликаются. Отсюда я еду в Филадельфию, где читаю завтра вечером и в пятницу; в субботу буду здесь проездом в Вашингтон, возвращаюсь сюда в следующую субботу для двух заключительных вечеров, затем еду в Филадельфию на два прощальных чтения — и, таким образом, покидаю южную часть страны. Наш новый план включает всего восемьдесят два выступления. Разумеется, потом мы обнаружили, что в конце концов разделались со списком в пятницу. В Вашингтоне будет как раз половина, конечно, тоже в пятницу, и притом в мой день рождения.

Долби и Осгуд откалывают презабавные штуки, чтобы поддержать во мне бодрость (я постоянно чувствую вялость и редко высыпаюсь); они решили в субботу 29 февраля устроить в Бостоне состязание по ходьбе. Придумав этот план в шутку, они постепенно преисполнились величайшей серьезности, и Долби (к ужасу своего противника) даже послал домой за носками без швов, чтобы удобнее было ходить. Все наши чрезвычайно взволнованы этим со-

стязанием и беспрестанно бьются об заклад. Филдс * и я должны пройти шесть миль, а «люди» должны догнать нас и вернуться обратно. Никто из них не имеет ни малейшего представления о том, что значит пройти двенадцать миль без передышки. Вчера они попросили меня задать им «упражнение», и я выбрал довольно тяжелый маршрут — пять миль по плохой дороге во время снегопада, причем полпути — в гору. Я заставил их идти со скоростью четыре с половиной мили в час, и Вы не представляете себе, какой у них был вид, когда мы вернулись обратно,— оба дымили, как фабричные трубы, и, прежде чем выйти к обеду, вынуждены были переодеться. У них нелепейшие представления о состязаниях по ходьбе. Каждую минуту они как сумасшедшие вскакивают с места, чтобы посмотреть, на какой *высоте они могут пнуть ногой* в стену. Вся деревянная панель в одном углу испещрена их карандашными пометками. Невозможно без смеха смотреть, как Великан Долби и Коротышка Осгуд задирают ноги...

192

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Вашингтон,
4 февраля 1868 г.

...Вам приятно будет узнать, что все идет прекрасно и что мрачные предсказания оказались просто смешными. Я начал вчера вечером. Очаровательная публика, впитывающая каждое мое слово; никакого недовольства по поводу повышения цен; приветственные клики по окончании «Рождественской песни» и беспрерывные аплодисменты в течение всего вечера. Виднейшие граждане столицы с семьями разобрали билеты на все четыре мои чтения. Зала очень маленькая. Всего на триста фунтов.

Завтра я намереваюсь посетить президента *, который дважды меня приглашал. В прошлое воскресенье я, вопреки своим правилам, обедал с Чарльзом Самнером *, и поскольку я поставил условием отсутствие гостей, то, кроме его собственного секретаря, присутствовал только

Государственный секретарь Стэнтон *. Стэнтон — человек, обладающий феноменальной памятью; он прекрасно знает мои книги... Он и Самнер были единственными государственными деятелями, которые находились у постели умирающего президента Линкольна и оставались с ним до той минуты, когда он испустил дух. После обеда у нас завязался очень интересный разговор. Оба поделились своими воспоминаниями, причем, как всегда в таких случаях, обнаружились несоответствия в деталях. Затем мистер Стэнтон рассказал мне любопытную историю, которая составит заключение этого короткого письма.

В день убийства президента Линкольна он председательствовал в совете министров. Мистер Стэнтон, в то время главнокомандующий войсками Северной армии, которые были сосредоточены вокруг столицы, прибыл довольно поздно. Ждали только его, и, когда он вошел в комнату, президент остановился на полуслове и сказал: «Перейдем к делу, господа». Тогда мистер Стэнтон с удивлением заметил, что президент с важным видом сидит в своем кресле, вместо того чтобы, как обычно, стоять в самой неудобной позе; и что, вместо того чтобы рассказывать самые неподходящие к случаю анекдоты, он спокоен, серьезен,— словом, ведет себя совсем не так, как всегда. Уходя с совещания вместе с министром юстиции, мистер Стэнтон сказал ему: «Я уже давно не присутствовал на таком замечательном заседании кабинета! Какая удивительная перемена произошла с мистером Линкольном!» Министр юстиции ответил: «Мы все заметили это еще до вашего прихода. Пока мы вас ждали, президент опустил голову на грудь и сказал: «Господа, произойдет нечто из ряда вон выходящее, и притом очень скоро». На что я ему сказал: «Надеюсь, что-нибудь приятное, сэр?» — и тогда президент очень серьезно произнес: «Не знаю, не знаю. Но это произойдет, и притом очень скоро». Его серьезность произвела на всех глубокое впечатление, и я обратился к нему снова: «Вы получили какие-нибудь сведения, еще не известные нам, сэр?» — «Нет,— отвечал президент,— но мне приснился сон. Он снится мне уже третий раз. Первый раз накануне битвы при Бул Рэн. Второй раз накануне (он назвал битву, также закончившуюся неблагоприятно для Севера)». Он

снова опустил голову на грудь и погрузился в раздумье. «Разрешите спросить вас, что это был за сон, сэр?» — спросил его я. «Мне снилось,— отвечал президент, не поднимая головы и не меняя позы,— мне снилось, что я плыву в лодке по большой бурной реке и что меня уносит течением, уносит и уносит!.. Однако не в этом сейчас дело»,— сказал он вдруг, подняв голову и оглядев сидевших за столом». Тут в зал заседаний вошел мистер Стэнтон и услышал, как президент добавил: «Перейдем к делу, господа». Уходя, мистер Стэнтон и министр юстиции решили проследить, что после этого произойдет. В тот же вечер президент был убит...

193

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

7 февраля <1868 г.>

Продолжаю эти каракули сегодня утром, ибо только что видел президента, который весьма любезно просил, чтобы я назначил удобное для меня время. У него очень выразительное лицо, свидетельствующее о смелости, осторожности и, безусловно, силе воли. Лицо вебстеровского типа, но не с такими резкими чертами, как у Вебстера. Такое характерное лицо бросилось бы мне в глаза где угодно. Фигура довольно полная для американца, рост немного ниже среднего; руки скрещены на груди; очень сдержан, скрытен и молчалив. Мы очень пристально смотрели друг на друга... Он принял меня в своем кабинете. Когда я уходил, подъехал Торнтон на санях — выезд для торжественных случаев,— чтобы вручить свои верительные грамоты. В двенадцать часов должен был собраться совет министров. Комната очень похожа на приемную в Лондонском клубе. На стенах всего две гравюры — портрет президента и портрет Линкольна... В приемной сидел некий генерал Блэр — загорелый, израненный на войне. Он встал, чтобы пожать мне руку, и я вспомнил, что двадцать пять лет назад мы вместе были в прериях... Газеты сообщили, что сегодня день моего рождения, и моя комната наполнена чудеснейшими цветами. Во время завтрака их приносили в огромном коли-

честве от всевозможных людей. Слушатели здесь действительно замечательные. Они с такой готовностью плачут и смеются, что можно подумать, будто это манчестерские шиллинги, а не вашингтонские полусоверены. Увы! Увы! Я простужен сильнее, чем когда-либо...

194

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

25 февраля 1868 г.

...Хорошо, что до сих пор деньги поступали без перебоев — я опасаюсь, что этот переполох, вызванный обвинением президента в нарушении конституции, нанесет ущерб нашей выручке. Голосование состоялось вчера в 5 часов. В 7 часов вечера три больших театра, которые делают сейчас отличные сборы, не обнаруживали никаких признаков жизни. В 8 часов не было видно и следа длинной очереди, обычно стоящей у входа в надежде на свободные места. Сегодня все на улицах говорят только об одном. Я отменю намеченные на следующую неделю чтения (к счастью, еще не объявленные) и буду наблюдать за ходом событий. В этой стране, как я уже говорил, ничто не способно надолго заинтересовать людей, и мне кажется, что к 9 марта, когда я должен читать на значительном расстоянии отсюда, история с президентом порядочно всем надоест. И вот представьте себе — я целую неделю могу отдыхать!

195

Г. У. ЛОНГФЕЛЛО

Бостон,
четверг, 27 февраля 1868 г.

Дорогой Лонгфелло,

От всего сердца поздравляю Вас с днем рождения (драгоценный день для всего цивилизованного человечества) и желаю всяческого счастья и благополучия, какие только возможны на земле. Да благословит Вас бог, мой дорогой друг. Надеюсь будущим летом приветствовать Вас в Гэдсхилле и оказать Вам самый сердечный прием,

какой только нижеподписавшийся «деревенский кузнец» способен выковать на своей домашней наковальне.

Долби известит Вас о том, что последние полчаса я насмерть запугиваю его своим мелодичным чиханьем. Как только с неба начинает капать, меня снова одолевает эта национальная простуда. Я не осмеливаюсь сегодня пойти к Филдсам, ибо завтра должен читать; но сегодня вечером после чтения я подниму за Ваше здоровье полную чашу (серия «апчхи»), и Вы даже не можете себе представить, с какой любовью, нежностью и преданностью.

Любящий.

196

ДЖОНУ ФОРСТЕРУ

Буффало,
13 марта 1868 г.

...Завтра мы едем на Ниагару для собственного удовольствия, и я беру на эту увеселительную экскурсию всех своих людей.

В прошлый вторник мы нашли Рочестер в очень любопытном виде. Быть может, Вам известно, что здесь расположены Большие водопады реки Дженеси (они очень красивы, даже на таком близком расстоянии от Ниагары). Во время внезапной оттепели над порогами застряли огромные глыбы льда, и городу (второй раз за четыре года) угрожало наводнение. На улицах стояли наготове лодки, и всю ночь никто, кроме детей, не спал. Среди ночи раздался оглушительный грохот, лед тронулся, разбухшая река с ревом устремилась через пороги, и город был спасен. Очень живописно, но «не особенно полезно для дела», как говорит мой импрессарио. Особенно если принять во внимание то обстоятельство, что зала расположена в самом опасном месте и во время последнего наводнения вода поднялась там на десять футов. Но я думаю, что мы выручим более двухсот английских фунтов. В прошлый вечер в Сиракузах — самом что ни на есть захолустном и бессмысленном на вид городишке, в котором явно нет жителей,— мы выручили триста

семьдесят пять фунтов с лишним. А здесь вчера и сегодня у нас столько слушателей, сколько можно впихнуть в залу.

Буффало стал крупным и важным городом; здесь множество немцев и ирландцев. Однако любопытно, что по мере нашего продвижения к западу красота американских женщин как бы вымирает, и повсюду встречаются женские лица, в которых беспорядочная смесь немецких, ирландских, западноамериканских и канадских черт еще не слилась и не сплавилась в единое целое. Обычно на наших вечерах можно увидеть множество красивых женщин, но вчера во всей толпе их не нашлось бы и десятка и все лица были тупые. Сейчас, прогуливаясь по улицам, я наблюдал то же самое...

Зима была настолько суровой, что гостиница на английской стороне Ниагары (там самый лучший вид на водопад, почему она и предпочтительнее) еще не открылась. Поэтому нам волей-неволей пришлось остановиться в американской гостинице, откуда нам в ответ на нашу телеграмму протелеграфировали: «Все требования мистера Диккенса будут удовлетворены». Пока что я видел не больше двух очень скверных гостиниц. Я был в некоторых, где можно было, как здесь говорят, «утонуть в помоях», но мне удавалось прекрасно устроиться. «Утонуть в помоях» в данном случае означает грязь и беспорядок. Это весьма красочное выражение имеет множество значений. Филдс на днях приценивался к бочонку хереса. «Знаете, мистер Филдс,— сказал ему виноторговец,— цена, понятное дело, зависит от качества. Если вы хотите «утонуть в помоях», я могу продать вам немного хереса по дешевке...»

197

ДЖ. С. ПАРКИНСОНУ*

Редакция журнала «Круглый год»,
четверг, 4 июня 1868 г.

Уважаемый мистер Паркинсон,

В парламент внесен небольшой законопроект (я забыл, кем именно) о предоставлении замужней женщине права распоряжаться своим собственным заработком,

Я очень хотел бы выступить — в разумных пределах — в защиту женского пола и упомянуть о лишениях, на которые теперешний запрет обрекает женщину, связанную с пьяным, распутным и расточительным мужем. Она хочет его поддержать и фактически поддерживает, но ее жалкие заработки у нее все время вымогают.

Дело обстоит следующим образом: мы отлично знаем, что этот законопроект не пройдет, но разве разумно и справедливо отказываться от возможности хотя бы частично исправить зло, проистекающее из нашего закона о браке и разводе? Допустим, то, что епископы, священники и дьяконы говорят нам о святости брака, нерасторжимости брачных уз и т. д. и т. д., правда. Допустим, все это направлено к общему благу, но разве не могли бы и не должны были бы мы в случае, подобном этому, помочь слабой и обиженной стороне?

Возьмем противоположный случай — работящий человек и пропойца-жена, связанная с ним до конца его дней. Если он не должен иметь возможности развестись — для общего блага, то «общее благо» должно в свою очередь наказать эту женщину.

Нет ли у Вас желания заняться этим вопросом?

198

У. Г. УИЛСУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, воскресенье, 26 июля 1868 г.

Дорогой Уилс,

Сегодня я с радостью получил Ваше письмо от 22-го. Прежде чем попасть ко мне в руки, оно дважды совершило путь между Гэдсхиллом и редакцией.

Статью о милиции написал Сидни Блэнчард *. В его оправдание должен сказать, что она несколько недель была в наборе, но я никак не мог поместить ее раньше. Я очень внимательно отнесся к номерам и выбирал очень тщательно. Сейчас в наборе две статьи Сейла. Не так чтобы очень интересные.

Я все время был и, что еще хуже, до сих пор нахожусь в отчаянии по поводу рождественского номера. Мне

не приходит в голову ни одной хоть сколько-нибудь сносной мысли, хотя весь этот месяц я старался изо всех сил. Я придумал уже столько этих рождественских номеров, и все они в конце концов настолько никуда не годятся с этими вставными эпизодами и отсутствием единства и оригинальности, что меня от них просто тошнит. Я серьезно подумываю о том, не отказаться ли совсем от рождественского номера! Для работы над ним остаются только август и сентябрь (в октябре я начинаю читать), а я его еще *не вижу*.

Совершенно согласен с Вами по поводу «Лунного камня». Построение его невыносимо скучно, и, кроме того, он проникнут каким-то назойливым самомнением, которое ожесточает читателей.

Привет миссис Уилс. Всего Вам наилучшего.

Любящий.

Несчастный Джордж Каттермол умер *. Он был очень, очень беден. Семья осталась совершенно без средств — сплошные долги и нищета.

199

Г. У. РАСДЕНУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, 24 августа 1868 г.

Сэр!

Мне следовало бы написать Вам раньше, но я всего лишь три месяца назад возвратился из Соединенных Штатов и с тех пор никак не мог решить, когда и как отправить моего младшего сына к его брату Альфреду.

Теперь выяснилось, что он едет на корабле «Сассекс», о чем я извещаю Альфреда с этой почтой.

Я весьма озабочен тем, что Вы считаете необходимым приносить извинения по поводу Вашей «Австралийской поэмы». Когда мистер Скотт прислал ее мне, я в ответ написал ему письмо, в котором указал на сравнительные размеры целого номера «Круглого года» и «Поэмы». Я также сообщил ему, что, если бы даже можно было устранить это непреодолимое препятствие (что

само по себе невозможно), я все равно не считаю ее тему интересной для широкой английской публики, ибо последняя интересуется переселенцами, а отнюдь не коренными жителями Австралии. Но мне кажется, я также сообщил ему, что сам я прочитал поэму с большим интересом и убедился, что она написана необычайно легко и с большим вкусом.

Не знаю, как мне благодарить Вас за Ваше доброе отношение к Альфреду. Я убежден, что он это чувствует и преисполнен желания его заслужить, и это для него очень полезно. Ваш отчет о нем доставил мне несказанное облегчение, и моя благодарность Вам безгранична.

Надеюсь, среди бушующих валов колониальной жизни у Вас остается время для того, чтобы испросить совета как у бодрых, так и у мрачных пророков, которые лучше любого из нас осведомлены о положении вещей здесь, на родине. Я твердо убежден, что все изменения, которые может вызвать новый билль о реформе, будут весьма постепенными и чрезвычайно полезными. Множество людей, принадлежащих к среднему классу, которые прежде голосовали редко или не голосовали вообще, будут голосовать теперь, и большая часть новых избирателей будет в общем относиться к своим обязанностям более разумно и будет более серьезно стремиться направить их к общему благу, нежели самоуверенная публика, распевающая «Правь, Британия», «Наша славная старая англиканская церковь» и иже с ними.

Если я смогу когда-либо быть полезным кому-либо из Ваших друзей, едущих на родину, сообщите мне. Я буду искренне рад любой возможности доказать, что моя сердечная преданность Вам — не одни лишь пустые слова.

200

У. Ф. де СЭРЖА

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
среда, 26 августа 1868 г.

Дорогой Сэржа,

Я был очень обрадован, получив несколько дней тому назад Ваше письмо.

Холодная американская зима (редкое явление даже для этого сурового климата) и напряженная работа были для меня тяжелым испытанием. Невралгия и простуды осаждали меня либо поочередно, либо сразу, и по ночам мне частенько приходилось очень туго. Но морское путешествие чудодейственным образом восстановило мое здоровье, и с тех пор я чувствую себя превосходно, хотя немного устал. Сейчас я готовлюсь к заключительному туру в Англии, Шотландии и Ирландии. Он начнется 6-го октября и, очевидно, продлится с небольшими перерывами до июня. Американская экспедиция сопровождалась весьма значительным пятизначным доходом, несмотря на то, что (не доверяя американским ценным бумагам) я покупал золото по курсу 142 и щедро оплачивал большой штат...

Главная тема разговоров в Англии — ужасная катастрофа с ирландским почтовым поездом. Полагают, что керосин (известный как сильное анестезирующее средство) почти мгновенно лишил несчастных обожженных людей всякой чувствительности. На моей нервной системе все еще сказываются последствия катастрофы в Стэпльхерсте, в которую я попал три года назад. У меня до сих пор бывают внезапные приступы страха, даже когда я еду в двуколке,— беспричинные, но тем не менее совершенно непреодолимые. Прежде я с легкостью правил экипажем, запряженным парой лошадей, в самых многолюдных кварталах Лондона. Теперь я не могу спокойно ездить в экипаже по здешним сельским дорогам и сомневаюсь, смогу ли когда-нибудь ездить верхом. Мой секретарь и бессменный спутник так хорошо изучил эти странные припадки, овладевающие мною в железнодорожных вагонах, что немедленно извлекает бренди, которое вызывает прилив крови к сердцу и общее повышение тонуса. Не помню, говорил ли я Вам, что после катастрофы мои часы (хронометр) перестали точно ходить. Вот почему ирландская катастрофа, естественно, вызывает в моей памяти все ужасы, которые я видел в тот день.

Единственную здешнюю новость Вы знаете не хуже меня, а именно, что страна гибнет, что церковь гибнет, и обе они так привыкли гибнуть, что будут превосходно жить дальше...

201

ЭДВАРДУ БУЛЬВЕР-ЛИТТОНУ ДИККЕНСУ

26 сентября 1868 г.

Дорогой мой Плорн,

Я пишу тебе сегодня это письмо, потому что много думаю о твоем отъезде и хочу, чтобы ты увез с собой несколько моих прощальных слов, над которыми мог бы время от времени спокойно подумать. Нет надобности говорить, что я нежно люблю тебя и что мне очень, очень тяжко с тобою расставаться. Но жизнь наполовину состоит из разлук, и эти горести должно терпеливо сносить. Меня утешает глубокая уверенность, что ты избрал наиболее подходящий для себя путь. Мне кажется, что свободная и бурная жизнь подходит тебе больше, чем какие-либо кабинетные или конторские занятия; а без этой *подготовки* ты не смог бы выбрать себе какое-либо другое подходящее дело.

До сих пор тебе всегда недоставало твердости, силы воли и постоянства. Вот почему я призываю тебя неуклонно стремиться к тому, чтобы как можно лучше выполнять любое дело. Я был моложе тебя, когда мне впервые пришлось зарабатывать на жизнь, и с тех пор я всегда неизменно следовал этому правилу, ни на минуту не ослабляя своей решимости.

Никогда никого не обманывай в сделках и никогда не обращайся жестоко с людьми, которые от тебя зависят. Старайся поступать с другими так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой *, и не падай духом, если они не всегда оправдывают твои ожидания. Для тебя будет гораздо лучше, если следовать величайшему из установленных нашим Спасителем правил не удастся другим, чем если это случится с тобой.

Я дал тебе с собою Новый завет — по той же причине и с тою же надеждой, которая заставила меня написать для тебя его переложение, когда ты был ребенком; потому что это — лучшая из всех книг, какие когда-либо были или будут известны миру, и еще потому, что

она излагает лучшие из всех правил, какими может руководствоваться человек, стремящийся быть честным и верным долгу. Когда твои братья один за другим уезжали из дому, я писал каждому из них те же слова, которые сейчас пишу тебе, и заклинал их руководствоваться этой книгой, отложив в сторону все человеческие толкования и измышления.

Ты, конечно, помнишь, что дома тебе никогда не докучали религиозными обрядами и пустыми формальностями. Я всегда старался не утомлять своих детей подобными вещами до тех пор, пока они не достигнут того возраста, когда смогут составить себе собственное о них мнение. Тем яснее поймешь ты теперь, что я торжественно внушаю тебе истину и красоту христианской религии в том виде, в каком она исходит от самого Христа, а также, что невозможно далеко уклониться от истинного пути, если смиренно, но усердно ей следовать.

Еще одно лишь *замечание* по этому поводу. Чем глубже мы это чувствуем, тем меньше мы расположены об этом распространяться. Никогда не отказывайся от полезной привычки молиться по утрам и вечерам. Я никогда от нее не отказывался и знаю, как это утешает.

Надеюсь, в будущем ты всегда сможешь сказать, что у тебя был добрый отец. Ты не можешь лучше выразить ему свою привязанность или сделать его более счастливым, нежели выполняя свой долг.

Любящий тебя отец.

202

Ф. Д. ФИНЛЕЮ*

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент, воскресенье, 4 октября 1868 г.

Уважаемый Финлей,

Я чрезвычайно обязан Вам за Ваше искреннее и дружеское письмо. Я глубоко уважаю Вашего тестя и его газету и весьма расположен к жителям Эдинбурга. По-

этому излишне было бы уверять Вас в том, что, если б я не придерживался твердых взглядов по парламентскому вопросу, теперь мною овладели бы сомнения.

Однако я непоколебимо убежден, что в нынешнем моем положении я гораздо полезнее и счастливее, нежели когда-либо мог быть в парламенте *. Я обдумывал эту возможность несколько недель назад, когда получил трогательное предложение от жителей Бирмингема, и решительно отказался от нее раз и навсегда.

Пожалуйста, передайте мистеру Расселу, что я высоко ценю его доверие и надеюсь засвидетельствовать это лично в Эдинбурге накануне рождества. Во всей Шотландии не найдется человека, от которого мне было бы более лестно получить подобное предложение.

Всегда Ваш.

203

ДЖОНУ ФИЛДСУ

Октябрь 1868 г.

...Недавно я сделал пробу, прочитав некоторые места из сцены убийства в Оливере Твисте, однако до сих пор не могу решить, как быть дальше. У меня нет ни малейшего сомнения, что, осуществив свой замысел, я легко смогу привести в ужас аудиторию, но не отпугну ли я таким образом будущих слушателей? Как Вы считаете?

Отрывок состоит из трех коротеньких частей: 1) Фейджин посылает Ноэ Клейпола выследить Нэнси. 2) Сцена на Лондонском мосту. 3) Фейджин будит Клейпола, который рассказывает Сайксу о случившемся; и наконец, само убийство и муки убийцы, которому кажется, что его преследует жертва.

Я тщательно отобрал нужные места и даже кое-что изменил, чтобы добиться наиболее сильного впечатления. Сегодня я попросил Чеппелов как сторону, заинтересованную в успехе предприятия, просмотреть отрывок и сообщить свое мнение...

204

Т. А. ТРОЛЛОПУ*

Гостиница Кеннеди, Эдинбург,
8 декабря 1868 г.

...О боже, нет! Никто ни на минуту не предполагает, что англиканская церковь последует за ирландской! * Во всем необъятном мире притворства и фальши нет даже намека на подобную мысль. Все знают, что англиканская церковь, как обеспеченное постоянным доходом учреждение, обречена и была бы обречена — даже в том случае, если б рука ее не перерезáла постоянно ее собственное горло. Однако, как заметила старая дама в перчатках в одной из моих рождественских книг, «будем вежливы, или умрем!»...

205

МИССИС ФИЛДС

Глазго,
среда, 16 декабря 1868 г.

Дорогая миссис Филдс,

Предвидя Ваше явное нетерпение, я спешу рассказать, как прошло первое публичное чтение сцены убийства из Оливера. Вам стоило бы посмотреть на это зрелище!

Всего было около ста человек. Эстраду я переделал: кроме хорошо Вам известной задней ширмы, по обеим сторонам были поставлены еще две большие ширмы того же цвета, наподобие кулис в театре. Но это еще не все. При помощи нескольких занавесей (того же цвета) мы можем теперь уменьшать как угодно размеры сцены. Таким образом фигура чтеца совершенно изолируется, и его малейшее движение становится чрезвычайно значительным. Ранее ничего подобного мы не делали.

А за сценой, на уровне подмостков, нас ждал стол, неимоверной длины и прекрасно освещенный. Целая рота официантов была готова по первому сигналу броситься от-

крывать устрицы и наполнять бокалы искрящимся пенистым шампанским.

Как только я кончил, в мгновение ока исчезли ширмы и занавеси и присутствующие вдруг очутились на блистательном банкете. Перед глазами всех предстала изумительнейшая картина: гирлянды, украшающие стены залы, яркие туалеты дам, переливающиеся в лучах мощных ламп,— все это напоминало огромную клумбу цветов, на которой рассыпали бриллианты.

И все-таки представьте себе, что, пока не начали разливать вино, все оставались бледны от недавнего потрясения. На следующее утро Гарнесс (Филдс его знает, преподобный Уильям Гарнесс, старый друг Кемблов и миссис Сиддонс, он редактировал одно из изданий Шекспира) писал мне, что «впечатление было прямо-таки неожиданное и устрашающее», и добавил: «Должен признаться, что у меня было почти непреодолимое желание дико закричать от ужаса и что если бы кто-нибудь крикнул первый, я бы без сомнения тоже не выдержал». Он не знал, что в тот же самый вечер Пристли, известный женский врач, отвел меня в сторонку и сказал: «Мой дорогой Диккенс, можете быть уверены, что, если хотя бы одна из женщин завизжит, когда вы будете разделываться с Нэнси, в зале начнется повальная истерика». Однако, смягчив эффект, я бы только все испортил, а мне так хотелось узнать, как это пройдет именно пятого января!

Не зная реакции зрителей, мы боимся объявлять о выступлениях в других местах, если не считать того, что я почел безопасным дать одно в Дублине. У мисс Келли, знаменитой актрисы, присутствовавшей на пробе, я спросил: «Как вы считаете, продолжать или нет?» — «Конечно, продолжать! — ответила она.— Добившись таких результатов, нельзя отступать. Но видите ли...— сказала она, медленно поводя своими огромными карими глазами и тщательно выговаривая каждое слово,— последние полвека публика с нетерпением ждала сенсации, и вот наконец она ее дождалась!» Сказав это, она глубоко вздохнула, подарила меня долгим многозначительным взглядом и умолкла. Как видите, мне есть отчего беспокоиться!..

. . .

206

У. Ф. де СЭРЖА

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера. Кент,
понедельник, 4 января 1869 г.

Дорогой Сэржа,

Сначала отвечу на Ваш вопрос. Закончил ли я свои прощальные чтения? Господь с Вами, разумеется, нет; и буду считать, что дешево отделался, если завершу их к концу мая. Я наметил всего сто шесть, а до сих пор провел только двадцать восемь. Завтра вечером я в первый раз читаю в Лондоне «Убийство» из «Оливера Твиста», которое специально для этого переделал. Послезавтра выезжаю в Дублин и Белфаст. Я только что приехал из Шотландии на рождество и возвращаюсь туда в будущем месяце, а в промежутке и впоследствии намерен посетить все прочие места.

Ручаюсь, что Вы можете быть совершенно спокойны по поводу папских поползновений. Англичане находятся в жестокой оппозиции к Римской церкви. Враждебность к ней у них в крови, она коренится в истории, хотя, быть может, они этого и не сознают. Однако они действительно искренне хотят по возможности склонить на свою сторону Ирландию. Они знают, что со времен Унии с этой страной обращались жестоко *. Они знают, что Шотландия придерживается своего вероучения, и притом весьма обременительного. Они знают, что Шотландия, хотя и настроена резко антипапистски, считает несправедливым, что Ирландия в свою очередь не придерживается собственного вероучения, и весьма решительно высказала свое мнение во время последних выборов. Они знают, что обеспеченная богатым доходом церковь, навязанная людям, которые не разделяют ее догматов, вызывает у этих людей недовольство. Они знают, что ловко и умело управляемое учреждение вроде Римской церкви, как и многие другие, питается недовольством, знают, что Рим превосходно питался недовольством, извлекая из него все, что можно. Наконец, лучшие из них знают, что на Западе собирается облако величиною значительно больше ладони человеческой, под прикрытием которого богатая и деятельная Ирландско-американская организация

постоянно перетягивает Ирландию на свою сторону; и что сейчас не те времена, когда другие государства помогут нам удержать Ирландию силой, если только мы не сможем доказать справедливость своих притязаний мудрым и справедливым управлением.

Бедный Таунсхенд в своем завещании поручил мне «опубликовать без изменений его религиозные взгляды, которые, по его искреннему убеждению, будут способствовать счастью человечества». Опубликовать их без изменений совершенно невозможно, ибо они в самых немыслимых отрывках разбросаны по самым немыслимым записным книжкам, тетрадкам, клочкам бумаги и так далее и производят впечатление сплошной непоследовательности и тавтологии. Видимо, у него была мысль связать их воедино, но он постоянно это откладывал. Посему я бы, разумеется, не издавал ничего, если бы мог действовать по своему усмотрению. Но поскольку такой возможности у меня нет, я полагаю, что надо сделать книгу. Его кольца и картины отправлены в Саут-Кенсингтонский музей, где они сейчас выставлены.

Чарли Коллинзу не лучше и не хуже. Кэт выглядит очень юной и очень хорошенькой. Ее сестре и мисс Хогарт (они у меня совместно ведут хозяйство) пришлось много поработать на это рождество. Мои мальчики сейчас рассеяны по Южной Америке, Индии и Австралии, за исключением Чарли, которого я взял в редакцию «Круглого года», а также Генри, который заканчивает обучение в Тринити-холл и, надеюсь, отличится. Все здоровы.

Набережная Темзы (не считая уродливых деталей) — одно из самых замечательных городских сооружений. От Вестминстерского моста и почти до самого моста Ватерло она сейчас освещается по ночам и производит прекрасное впечатление. Ее начали обсаживать деревьями, и тротуар (но не проезжая дорога) уже открыт до Темпла. Не считая красоты и пользы в смысле разгрузки многолюдных улиц, она ускорит и углубит то, что на ученом языке называется «промоиной». Однако лондонский муниципалитет и другие докучливые учреждения привели плотины ниже Твикенхема в очень скверное состояние, и, по мере того как течение убыстряется, плотины уже начинают оседать и исчезать.

Мне очень нравится Ваш патриархальный отчет о Вашей жизни среди швейцарских лоз и смоковниц. Вы бы теперь не узнали Гэдсхилл — я все переделал и прикупил еще участок по соседству. И все же я часто думаю, что, если бы Мэри вышла замуж (чего она делать не желает), я бы его продал и отправился бродить по белу свету. Тогда я бы непременно еще раз посетил Лозанну. Но в настоящее время из этого ничего не выйдет, ибо чем старше я становлюсь, тем больше и упорнее работаю.

Преданный Вам.

207

У. П. ФРИСУ

Веллингтон-стрит, 26, Стрэнд,
вторник, 20 января 1869 г.

Дорогой Фрис,

Я не буду еще раз совершать убийство в Лондоне до вторника 3 марта. Прежде чем мы испытали его действие на публике, появились объявления о нынешней серии чтений, и мы сочли, что изменить их программу, как бы это ни было необходимо, значило бы нарушить данное слово.

Я уже два года не читал «Колоколов». Боюсь, что они немного мрачноваты, но я сделал их короче и веселее насколько было возможно.

Надеюсь, Вы приедете, чтобы присутствовать при убийстве.

Искренне Ваш.

208

УИЛКИ КОЛЛИНЗУ

Редакция журнала «Круглый год»,
понедельник, 15 февраля 1869 г.

Дорогой Уилки,

Я прочитал пьесу очень внимательно со сценической точки зрения и думаю, что она будет иметь *большой успех.* Она очень интересна, замечательно построена и

красочна. Характеры обрисованы ярко и контрастно, диалог острый, и все вместе превосходно.

Хочу теперь сделать несколько замечаний.

Эпизод с тростью так нов и исполнен такой силы, что, по-моему, кульминация этого действия слишком для него слаба. Не приходила ли Вам и Фехтеру мысль сделать так, чтобы мисс Леклер ударили случайно, чтобы удар попал ей в грудь, и она заявила бы, что будет носить след от него как знак почета, а не позора, ибо она его любит?

Именно так поступил бы *я*.

До этой сцены вернитесь на стр. 35. Не будет ли лучше, если за словами Мориса: «Вы почувствуете мою трость на своей спине»,— последует ответ Вульфа (которого Морис не слышит, ибо уходит): «Вы почувствуете его на своей»?

Стр. 49. Я бы постарался, чтобы не было слишком много колебаний и, в особенности, слишком много разговоров на эту тему. Я бы по возможности выразил это нерешительностью актера — в сопровождении скрипок, сурдинок и т. д. в оркестре.

Стр. 55 и 56. Я не могу понять веселости Фехтера в этом месте. Не дочитав до конца, я считаю само собой разумеющимся, что у него в кармане письмо для начальника полиции, которое он уже прочитал. Иначе я никак не могу взять в толк его шутки и думаю, что они портят впечатление от письма, когда оно действительно приходит.

Вот все, что я могу сказать, кроме похвалы и больших надежд, а это, согласитесь, немного.

Любящий.

209

МИСС ДЖОРДЖИНЕ ХОГАРТ

Гостиница Адельфи, Ливерпуль,
воскресенье, 4 апреля 1869 г.

Дорогая моя Джорджи,

С этой почтой я посылаю Мэри поистине трогательный отчет о смерти бедной Кэти *. Это так печально, как только может быть смерть столь милого и доверчивого су-

щества! Вы немного поторопились насчет первого письма миссис Макриди. Оно было неприятным, но я всегда замечал, что она пишет как человек, заботящийся о своей репутации мастера эпистолярного стиля (которую она, без сомнения, приобрела у себя дома), и что она черпает свои обороты из «Изящных отрывков» и «Ораторов». Последнее письмо, написанное под влиянием чувства, не страдает этим недостатком.

Да простит меня бог, но я не могу привыкнуть к мании величия, укоренившейся в Палейс-Гейт-хаусе. Я получил от Форстера письмо о несчастной Кэти: «Вы можете себе представить, каким ударом это было *для меня*», и тому подобное. Для меня! для меня! для меня! Как будто речь идет не об убитом горем отце, нашем друге.

Когда во мне таким образом вызвали воспоминания, я не могу не вспомнить, как Кэти обидела высокопоставленную личность, царящую на Монтэгю-сквер, и как однажды за обедом в ответ на мои слова в ее защиту я услышал следующее: «Весьма невоспитанная и неприятная особа, и я не хочу больше о ней слышать». Я ненавижу себя за то, что играю на подобных струнах, но ненавидел бы себя еще больше как чудовищного обманщика, если бы этого не делал.

Обе ноги стали очень чувствительны, и у меня часто бывает такое ощущение, как будто они погружены в горячую воду. Однако, слава богу, я все время вполне здоров и бодр, и два последних вечера в большой Бирмингемской зале мой голос звучал необычайно сильно.

Насколько я понимаю, здешние званые обеды длятся слишком долго. Что касается акустики в этой зале и расположения столов (и то и другое из рук вон плохо), единственное мое утешение таково: если вообще кого-нибудь будет слышно, то, вероятно, и меня тоже. Почетный секретарь сказал мне, что на обеде будет присутствовать шестьсот человек. Мэр — он не оратор и к тому же нездоров — поручил произнести первый тост лорду Даферину. Город готовится к празднеству. Королевский театр, украшенный по этому случаю, будет иметь отличный вид и прекрасно подойдет для чтения.

Я слышал, что просят выступить Энтони Троллопа, Диксона, лорда Хотона, Лемона, Эскиро (из Revue des

Deux Mondes) и Сейла — последнего от имени газет. Поскольку он непременно напьется, я в большом сомнении, не следует ли предупредить ничего не подозревающий комитет? Должны собраться все ливерпульские знаменитости. А Манчестер будет по всей форме представлен своим мэром.

Сегодня утром я был в Сент-Джемс-холле, чтобы посоветоваться, как улучшить акустику. Как обычно бывает в таких случаях, главные приготовления уже сделаны и изменить ничего невозможно. Я бы не расставлял столы так, как это сделал комитет, и, конечно, гораздо удобнее расположил бы возвышение. Поэтому я мог только указать, где повесить знамена, надеясь хоть как-нибудь уменьшить эхо. Таким образом, ничтожный запас моих новостей исчерпан.

Любопытный пример совпадения — в устье Мэрси стоит военный корабль и на обед в Сент-Джемс-холл принесут его флаги и прочее. Это «Донегол». Когда Пейнтер в Бате рассказывал мне о Сиднее, он сообщил, что был капитаном этого судна.

Самое приятное из всего, что было со мною здесь, следующее: на улицах меня останавливают рабочие, которые хотят пожать мне руку и сказать, что знают мои книги. Это происходит всякий раз, когда я выхожу из дому. Только что в доках ко мне подошел бондарь, который страшно заикался. Его скромность и уверенность в том, что я пойму серьезность его намерений и не оттолкну его, представляла собой истинный образчик природной учтивости...

210

Г. У. РАСДЕНУ

Престон,
четверг, 22 апреля 1869 г.

Уважаемый сэр!

Я заканчиваю свои прощальные чтения (сегодня — семьдесят четвертый вечер из ста), и у меня едва остается время, чтобы выразить Вам сердечную благодарность за Ваше письмо от 30 января и за Вашу бесконечную доб-

роту по отношению к Альфреду и Эдварду. Последний прислал мне с той же почтой от имени их обоих письмо, в котором тепло благодарит Вас и пишет, что преисполнен решимости и надежды. Я никогда не смогу достойно отблагодарить Вас.

Вы увидите, что новое министерство, несомненно, добилось успеха своим бюджетом и что в вопросе об ирландской церкви его поддерживает вся страна. Вы также увидите, что «Лига реформ» сама себя распустила, несомненно убедившись, что народ в ней не нуждается.

Мне кажется, что в Англии все хотят убрать ирландскую церковь с пути социальных реформ и вообще с нею покончить. Сам я ничуть не верю, что аграрную Ирландию можно умиротворить подобными мерами или что из ее заблуждающейся головы можно выбить мысль, будто земля по праву принадлежит крестьянам, а посему каждый, кто владеет землей, украл ее и должен быть расстрелян. Газеты периодически бьют тревогу по поводу предполагаемого вторжения Хорна в Англию *. Ему лучше там, где он находится, и, боюсь, его постигло бы горькое разочарование, если бы он вернулся.

Искренне Ваш.

211

Г. У. РАСДЕНУ

Редакция журнала «Круглый год», вторник, 18 мая 1869 г.

Уважаемый сэр!

Поскольку мне кажется, что до Вас дошли несколько преувеличенные сведения о моей серьезной болезни, я начну с изложения действительного положения вещей.

Полагаю, что я бы в самом деле серьезно заболел, если бы внезапно не прервал свои прощальные чтения, когда их оставалось всего двадцать пять. Я страшно устал, и доктора предупредили меня, что необходимо не-

медленно прекратить выступления (на некоторое время). Последовав их совету и отправившись отдыхать домой в Кент, я тотчас же начал поправляться и через две недели был в блестящем состоянии, в коем, слава богу, пребываю и поныне.

Я не знаю, как мне отблагодарить Вас за Плорна, и искренне огорчен тем, что он Вас разочаровал. Я всегда был готов к тому, что он ничего не сделает без крена в ту или иную сторону, ибо, хотя я и думаю, что он au fond[1] гораздо способнее своих братьев, он всегда был эксцентричным и своенравным юношей и его характер еще не выработался, хотя задатки характера у него есть. Я все еще надеюсь, что ему понравится жизнь в колониях. Я знаю, что этот опыт может не удаться, и отлично понимаю, что если он не удастся, причина неудачи будет только в нем самом. Все что я хочу — это подвергнуть его серьезному испытанию. Он не преминет сообщить, что не может приспособиться к окружающей среде, если убедится, что это так. В письме, где он пишет мне об отъезде с фермы, куда он попал благодаря Вашей любезности, он выражает Вам такую горячую благодарность, как будто добился замечательных успехов, и, видимо, не питает неприязни ни к кому, кроме одного человека, о котором он написал то ошибочное и крайне нелепое письмо. Я всесторонне обдумал Ваше неблагоприятное мнение и, как Вы понимаете, никоим образом его не оспариваю. Но, зная мальчика, я хочу испытать его до конца.

Вы не хуже меня осведомлены обо всех наших политических новостях. Многим (в том числе и мне) не нравятся американские дела, и я не думаю, что мистер Мотли — тот человек, который может спасти положение. Он отличается деспотичностью и догматизмом.

Больше всего я боюсь, что постоянное неистовство партии в Штатах в конце концов выведет из равновесия терпеливых британцев. А если наш народ тоже начнет неистовствовать и с обеих сторон образуются раздраженные военные партии, то возникнет серьезная опасность, что разрыв будет с каждым днем увеличиваться.

---

[1] В сущности *(франц.)*.

До меня доходят смутные слухи о возвращении Хорна. Лучше бы ему не возвращаться. Я убежден, что его постигнет суровое и горькое разочарование.

Первый гудок первого паровоза, который пройдет по всей Сан-Францисской железной дороге, будет роковым предупреждением для последователей Джо Смита *. Стоит соседям прикоснуться к мормонскому пузырю, и он тотчас лопнет. Равным образом близится и конец краснокожего. Скальпированный кочегар — внешний видимый признак его полного истребления. Если выстроить в ряд квакеров отсюда до Иерусалима, то их не хватит, чтобы его спасти.

Не знаю, как у Вас, а здесь вошло в моду быть абсолютно уверенным в том, что провидение и судьба утвердили французского императора на несокрушимом троне, возведенном специально для него еще в те времена, когда были заложены основы вселенной.

Сам он в это не верит, и парижская полиция тоже. И император и полиция мрачно смеются над непоколебимой британской уверенностью, зная то, что им известно, и продолжая делать то, что они делали в течение последних десяти лет. То, что Виктор Гюго называет «занавесом, за которым готовится великий последний акт французской революции» *, в последнее время, однако, немного приподнимается. Похоже на то, что видны ноги довольно многочисленного хора, который готовится к выходу.

Примите уверения в моей преданности и благодарности.

212

МИСС МЭРИ АНДЖЕЛЕ ДИККЕНС

Редакция журнала «Круглый год»,
вторник, 3 августа 1869 г.

Дорогая Мэйми,

Посылаю тебе вторую главу этой интересной вещи. Типограф задержал ее, и у меня не было времени ее пе-

речитать, а поскольку я местами значительно ее переделал, я не сомневаюсь, что там есть опечатки. Однако они, наверное, выявятся.

Я предлагаю награду — шесть пар перчаток — той из вас (конкурировать будете вы с твоей тетей и Эллен Стоун), которая скажет, какая идея в этой второй части принадлежит мне. Я имею в виду не язык, обороты, описания поступков или действий и тому подобные мелочи, но мысль, явно воздействующую на всю вещь в том виде, *в каком я ее нашел.* Вы должны иметь в виду, что я ее нашел в основном такой же, какой вы ее читаете, за одним лишь исключением. Если бы ее писал я, я заставил бы эту женщину в конце концов полюбить того человека. И я оттенил бы эту возможность, заставив ребенка немного сблизить их друг с другом в тот воскресный день.

Но я ее не писал. Итак, убедившись, что в ней чего-то не хватает, я это вставил. Что же я вставил?

Твой любящий отец.

213

АРТУРУ РИЛАНДУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
пятница, 13 августа 1869 г.

Уважаемый мистер Риланд,

Большое спасибо за Ваше письмо.

Я очень резко настроен по поводу разглагольствований и считаю, что их везде слишком много. Если бы я выступил в Бирмингеме с напыщенной речью о преимуществах образования вообще для людей всех классов и состояний, я бы так остро ощутил нелепость своего положения, что неизбежно лишился бы дара речи и представлял бы собою весьма неожиданное олицетворение духа остроумия. Но если бы я мог заинтересоваться практической ценностью этого учебного заведения, образом жизни студентов, их настойчивостью и стремлением продвигаться вперед, их числом, их любимыми предметами;

количеством часов, которые они должны ежедневно трудиться, чтобы зарабатывать на жизнь, прежде чем посвятить себя приобретению новых знаний, и так далее, тогда я мог бы заинтересовать и других. Именно такие сведения мне нужны. А пустую болтовню «я ненавижу, презираю и отвергаю».

Боюсь, что я не буду в Лондоне на будущей неделе. Но если Вас не затруднит прислать мне хотя бы самые беглые заметки по тем пунктам, о которых я упомянул, я буду искренне Вам обязан и постараюсь привести их в систему. Тем временем я отмечаю себе понедельник 27 сентября и необходимость написать Вам по поводу Вашего любезного приглашения за три недели до этой даты.

Преданный Вам.

214

ДОСТОПОЧТЕННОМУ РОБЕРТУ ЛИТТОНУ

Редакция журнала «Круглый год», пятница, 1 октября 1869 г.

Дорогой Роберт Литтон,

Один из моих корреспондентов уверил меня в том, что о Джоне Экленде уже писали раньше. Упомянутый корреспондент, очевидно, читал эту историю и почти уверен, что она была помещена в «Журнале» Чемберса. Весьма грустно, но ничего не поделаешь. Когда история взята из жизни, всегда может произойти такое досадное совпадение.

В случае, если история интересна — подобно этой, и если в течение многих лет ее будут рассказывать за столом — как в данном случае, в такой неудаче нет ничего удивительного. Давайте смешаем карты, как говорит Санчо, и начнем все сначала.

Вы, разумеется, понимаете, что я пишу Вам это не в виде жалобы. Я бы даже не упомянул об этом совсем, разве только чтобы объяснить Вам, почему я постарался

как можно скорее этот рассказ закончить (я сделал это сегодня). В противном случае Вы могли бы подумать, что я слишком сурово обошелся с мистером Дойли. Я не успел распорядиться устроить розыски в «Журнале» Чемберса, но нисколько не сомневаюсь, что основное об этом деле было где-то напечатано. И я думаю, что мой корреспондент правильно указал, где именно. Вы, равно как и я, ничего не можете сделать, и посему не будете огорчаться больше меня.

Чем больше Ваших сочинений я получу, тем больше я буду рад.

Примите уверения в моем искреннем
восхищении и дружбе.

315

Г. У. РАСДЕНУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
воскресенье, 24 октября 1869 г.

Уважаемый сэр!

Ваша ссылка на книгу юного Дилка в письме от 17 июня меня позабавила, но нисколько не удивила. Легкость, с какою принимают на веру утверждения неопытных молодых людей, которые «путешествуют» и не способны составить разумные мнения, всегда казалась мне в высшей степени поразительной и непонятной.

Не далее как сегодня объявлено, что в Лондоне состоится большой митинг в пользу «амнистии» фениев. Его многолюдность и значение, безусловно, до смешного преувеличены, но толпа, разумеется, будет достаточно велика, чтобы создать серьезное препятствие уличному движению. Я сильно сомневаюсь в том, что подобные демонстрации следует разрешать. Они создают нежелательный прецедент и, несомненно, препятствуют свободе вообще, а также свободному разрешению этого вопроса.

Более того, должно настать время, когда эту разновидность угрозы и вызова придется насильственно устранить и когда неразумная терпимость неизбежно приведет к жертвам среди сравнительно невинных зрителей, жертвам, которых можно было бы избежать, если бы не ложная уверенность с их стороны, порождаемая достойной порицания системой laisser-aller. Вы теперь видите, как правы были мы с Вами в наших последних письмах по этому поводу и как ужасно положение Ирландии, особенно если его сравнить с Америкой. Правительство устами мистера Гладстона только что смело высказалось по поводу желательности амнистии. (Тем лучше для него; в противном случае его бы, несомненно, выбросили за борт.) Однако кое-кто считает, что мистер Гладстон сам объявил бы амнистию, если бы осмелился, и что в основе политики правительства по отношению к Ирландии лежит слабость. И это чувство очень сильно среди тех, кто громче всех оплакивает Ирландию. Между тем наши газеты продолжают обсуждать ирландские дела, как будто ирландцы разумный народ — невероятное предположение, в которое я нисколько не верю.

Я снова должен самым сердечным образом поблагодарить Вас за доброе отношение к обоим моим мальчикам. Невозможно предсказать, как устроится жизнь Плорна или что выйдет из его попытки ее устроить. Но у него, несомненно, любящее сердце и определенная склонность к романтике. Оба эти качества, надеюсь, ведут скорее к добру, нежели ко злу, а в остальном я уповаю на бога.

«Леди Джоселин» так долго сюда добиралась, что я уже начал думать, не стал ли «Покровитель австралийской виноторговли» кормом для рыб. Наконец он все же появился. Поскольку я никоим образом не мог согласиться с его требованиями по этому или по какому-либо другому поводу, я деликатно намекнул ему, когда он ко мне явился, что нам следует держаться подальше друг от друга, дабы нам не пришлось эти требования обсуждать.

Я думаю, что известие о смерти лорда Дерби достигнет Вас почти одновременно с этим письмом. Это был несдержанный, порывистый, страстный человек, но в его

лице его партия потеряла человека выдающегося ума и способностей. В июне я гостил у лорда Рассела. Он на шесть или семь лет старше, но (не считая сильной глухоты) превосходно сохранился и сейчас гораздо более блестящ и осведомлен по всем вопросам, чем за все двадцать лет, что я его знаю.

Интересно, возбудил ли у Вас там интерес скандал с Байроном? * Мне кажется, что единственный приятный способ положить конец этому делу — стукнуть миссис Бичер Стоу по голове, а все, что по этому поводу написано, конфисковать и сжечь на огромных международных кострах сразу во всех частях цивилизованного мира.

Поскольку это письмо не нужно отсылать до пятницы, я оставляю место для нескольких слов, а до тех пор, тогда, а равно и впредь, уважаемый мистер Расден, остаюсь глубоко обязанным и преданным Вам.

Четверг, 28-е.

Новостей в Англии нет, не считая двух незначительных изменений в правительстве вследствие того, что Лейард стал нашим послом в Мадриде. Он недавно женился на очаровательной женщине, и в Испании ему будет гораздо лучше, чем в палате общин. Министерство сейчас обсуждает вопрос о землевладении в Ирландии, что, как Вам известно, следующая стоящая перед ним трудность. Митинг в прошлое воскресенье потерпел нелепейшее фиаско, хотя и собрал на улицах Лондона всяких головорезов, а это серьезное зло, и любое происшествие может сделать его опасным. Однако подобные сборища не запрещены никаким законом, так что они продолжаются.

Правительство, несомненно, ошибалось, предполагая, будто имеет право закрыть Гайд-парк; теперь это признают все.

Я пишу Альфреду и Плорну с этой же почтой. В своих письмах ко мне они всякий раз не находят достаточно слов для описания Вашей доброты.

216

ДЖОНУ ГЕНРИ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Гэдсхилл,
17 ноября 1869 г.

...Посылаю Вам исправленную Речь *.

Загадочная заключительная фраза, по-моему, вовсе не казалась бы таинственной, если бы слово «Народ» было напечатано так, как я настоятельно просил:

«Моя вера в людей, которые правят, в общем, ничтожна; моя вера в народ, которым правят, в общем, беспредельна».

217

МИССИС ФРЕНСИС ЭЛИОТ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
вторник, 28 декабря 1869 г.

Дорогая Ф.,

Поздравляю Вас с рождеством и Новым годом!

«Нашу Фиваиду» я переименовал в «Убежище старого Кардинала» (Вашего заглавия никто бы не понял), тщательно его отредактировал и поместил в номере, который сейчас печатается. Вам будут посланы два экземпляра, на случай если один затеряется. Все Ваше описание я считаю *очень хорошим,* а некоторые части его великолепными. В целом все очень любопытно и правдиво, правдиво в сверхъестественном и призрачном смысле. Меня прямо-таки преследуют статуи на высоких пьедесталах среди деревьев.

Ради Мэри (она, наверное, поедет куда-нибудь в другое место, как только мы вступим во владение!) я до 1 июня снял дом Милнера Гибсона, напротив Мраморной Арки. Адрес: Лондон, Вест, площадь Гайд-парк, 5. Мы переедем туда в первую неделю нового года.

Все здоровы. Я беспрестанно в трудах, как пчела, которая, если верить поэтическим ее описаниям, живет гораздо лучше, нежели большинство трудящихся людей. Это мое постоянное извинение за краткость писем.

Искренне Ваш.

218

ДЖЕЙМСУ Т. ФИЛДСУ

*Лондон, Вест, площадь Гайд-парк, 5,
пятница, 14 января 1870 г.*

Дорогой Филдс,

Мы живем здесь (против Мраморной Арки) в прелестном доме до 1 июня, а затем возвращаемся в Гэдсхилл. Оранжерея получилась великолепная, но обошлась недешево!

Сегодня я читаю в три часа — дьявольское занятие, которое я особенно ненавижу, и ровно через неделю опять в три. Эти дневные чтения очень мешают мне работать над книгой, но надеюсь, что с божьей помощью они мне не повредят. Вечернее чтение раз в неделю — пустяки. Кстати, в прошлый вторник вечером я с блеском их возобновил.

Мне было бы очень стыдно, что я до сих пор не написал Вам и милой миссис Филдс, но Вы оба, без сомнения, понимаете, что я очень занят и, отложив в сторону бумаги после трудового дня, тут же встаю и удираю. Здесь у меня большая комната с тремя прекрасными окнами, выходящими в парк, очень светлая и веселая.

Вы видели извещение о смерти бедняги Харнесса. Обстоятельства ее очень любопытны. Он написал своему старому другу, настоятелю Бэттла, что собирается посетить его в тот день (в день своей смерти). Настоятель ответил: «Приезжайте на следующий день. Мы не обедаем дома, и Вам придется быть одному». Харнесс с досадой сказал своей сестре, что *должен* поехать в назначенный им день, потому что так решил. Приготовившись к обеду, он пошел на лестницу, куда выходили две двери — одна на площадку, а вторая на каменные ступеньки. Он открыл не ту дверь, свалился со ступенек, очень сильно расшибся и через несколько часов умер.

Вы — в отличие от меня,— вероятно, знаете, каков успех Фехтера в Америке. В своих заключительных спектаклях в театре Принсесс он играл очень хорошо. Первые три акта «Гамлета» показались мне гораздо лучше, чем когда-либо прежде, а я всегда был о них высокого мне-

ния. Мы подняли за него пенящийся прощальный кубок в Гэдсхилле.

Форстер (у него опять бронхит) считает второй выпуск новой книги («Эдвин Друд») решающим. К пятому выпуску интерес неуклонно возрастает, и потребуется немало искусства и самоотречения, чтобы этого добиться. Далее, я думаю, что независимо от увлекательности сюжета положение, в которое поставлены молодые люди, весьма ново и оригинально. Я надеюсь, что в пятом и в шестом выпусках в повести появится интересный поворот, и напряжение не ослабеет до самого конца.

Я не могу поверить и не верю, но говорят, что в будущее воскресенье Гарри исполнится 21 год. Я только что устроил его в Темпл, и если он в свое время не добьется звания члена колледжа, я буду разочарован, несмотря на то, что давно уже разочаровался во всем.

Надеюсь, Вы заметили некоторый налет радикализма, который я дал почувствовать в Бирмингеме, процитировав Бокля? Я должен с гордостью отметить, что это приводит в бешеную ярость всех и всяческих политиканов. Таковы были мои намерения в качестве благодарности за то, что меня представили в ложном свете.

Прозу миссис N я считаю великолепной, но я ей не верю! Нет, нет, ни за что. Я убежден, что этим островитянам ужасно надоели острова и они были бы очень рады больше никогда их не видеть!

Чарльз Коллинз сделал прелестную обложку для ежемесячного выпуска новой книги. По весьма настойчивым представлениям Милле (и просмотрев большое количество его рисунков) я собираюсь взять другого человека, разумеется, сохранив вышеупомянутую обложку Ч. К. Кэт сделала еще несколько отличных портретов и работает все лучше и лучше.

Дорогая миссис Филдс, если *«он»* (возгордившийся председательскими креслами и раздутый портретами) не передаст Вам от меня сердечный привет, давайте вступим против него в заговор и лишим его всякого доверия в будущем.

Искренне преданный Вам и ему.

219

ФРЕНСИС ФУЛЛЕР

Лондон, Вест, площадь Гайд-парк, 5,
21 января 1870 г.

...Для меня нет необходимости выражать свое искреннее согласие с принципом облагораживания характера людей и облагораживания характера их развлечений. Я всегда придерживался мнения, что подобные попытки отнюдь не свидетельствуют ни о том, что на них смотрят свысока, ни о том, что с ними обращаются как с детьми...

220

ЛОРДУ ЛИТТОНУ

Площадь Гайд-парк, 5,
понедельник, 14 февраля 1870 г.

Уважаемый Литтон,

В моей короткой записке мне следовало упомянуть о том, что я узнал о совещании*, о котором идет речь, всего лишь за несколько часов до Вас и что Лонгман просил меня уведомить Вас об этом, ибо считал невежливым обратиться к Вам иным способом. Что я и сделал.

Те писатели, о которых Вы упоминаете в конце Вашей записки, не имеют авторского права и не имеют ничего общего с моим случаем. Я совершенно согласен с Вами в вопросе об их склонностях и заслугах.

И вообще я думаю, что наши мнения почти совпадают. Я не считаю, что нынешнее правительство хуже какого-либо другого, и думаю, что оно даже лучше благодаря присутствию мистера Гладстона; однако мне кажется, что наша система терпит крах.

Ваш.

221

ПЕРСИ ФИЦДЖЕРАЛЬДУ

Редакция журнала «Круглый год»,
среда, 9 марта 1870 г.

Дорогой Фицджеральд,

Вы ставите меня в весьма неловкое положение из-за Вашей новой повести, которая печатается у нас, распространяя свое имя по столь многим направлениям сразу и берясь за столь немыслимое количество сочинений одновременно. Печатаясь у нас, Вы тут же помещаете другую вещь в «Джентльменс мэгезин» и анонсируете третью в журнале «Раз в неделю». Насколько я знаю искусство, которому мы оба служим, оно не терпит подобного обращения. Мне кажется, что рассказ, который Вы сейчас заканчиваете на этих страницах, явно отмечен печатью чрезмерной спешки и недостаточной вдумчивости и что повесть, испорченная подобным же образом, нанесет журналу непоправимый ущерб.

Эти соображения овладели мною настолько, что я не могу скрыть их от Вас, в надежде, что они, быть может, побудят Вас немного больше задуматься над необходимостью тщательной подготовки, а также некоторых жертв в смысле количества Ваших трудов. Я совершенно уверен, что пишу столько же в интересах «Круглого года», сколько и в Ваших.

Преданный Вам.

222

ГЕНРИ ФИЛДИНГУ ДИККЕНСУ

Лондон, площадь Гайд-парк, 5,
вторник, 29 марта 1870 г.

Дорогой мой Гарри,

Прилагаю чек на 25 фунтов.

Твоя тема на будущий вторник очень хороша. Я бы не упустил из виду, что ограниченные фанатики, кото-

рые осуждают театр и поносят актеров,— не что иное, как защитники низменных и варварских удовольствий. Ибо всякий раз, когда хорошая драма и хороший театр приходят в упадок, на их месте неминуемо возникает какая-нибудь искаженная форма театральных развлечений. В одной из последних глав романа «Тяжелые времена» мистер Слири говорит по этому поводу следующее: «Людям нужны развлечения... ищите в них доброе, не ищите худого!»

Любящий.

223

МИССИС ФРЕДЕРИК ПОЛЛОК

Вест, площадь Гайд-парк, 5,
понедельник, 2 мая 1870 г.

Сударыня!

Пожалуйста, передайте знаменитому Филиппу ван Артевельде *, что, если я смогу, я займусь этим нечестивым делом. Я немного сомневаюсь, стоит ли это делать, стоит ли резвиться за пределами закона о клевете. Об английских законах вообще я придерживаюсь высокого мнения, которое, естественно, возникает из впечатления, что они позволяют всем негодяям топтать своим дьявольским копытом всех честных людей. Они заставляют меня опасаться совершать справедливые поступки — замечательный пример их мудрости!

Я был огорчен, что разминулся с Вами в то воскресенье, но, подобно тому как апостолы угощали ангелов, сами того не ведая, эти последние часто встречали апостолов неожиданно для себя.

Ваше описание игры Лафона представляет собою законченную истину в одной фразе: «Торжество природы над искусством» (прописная истина навыворот!). Но да избавит нас бог от механической простоты Плесси!!

И Ваш проситель будет вечно молиться за Вас и навеки останется преданным Вам.

224

МИСС КОНСТАНС КРОСС

Площадь Гайд-парк, 5,
среда, 4 мая 1870 г.

Уважаемая мисс Кросс,

Пишу Вам весьма неохотно, ибо знаю, что содержание моего письма не может быть для Вас приятным.

Не говоря о том, что Ваша «Река» — слабое повторение опубликованной Вами новеллы, я не нахожу в ней ровно ничего, кроме внешнего подражания форме неоконченного рассказа. Немецкая манера не может подкрепить ничтожное содержание. Если Вы посмотрите на свою повесть независимо от этой манеры, Вы увидите, что она в высшей степени шаблонна и не содержит ни характеров, ни событий, на которых она могла бы держаться. В ней снова появляются Ваш Ледяной Король, Горностаевая Мантия и тому подобные персонажи; в ней слишком много деклараций о поэзии, причем Реальность не является на сцену даже после этих трубных гласов. Все общие места из тех несчастных стихотворных сборников, которые постоянно скапливаются у меня на столе, воспроизведены у Вас все в той же старой форме. Я называю их несчастными, потому что они делают несчастным меня, свидетельствуя об ошибочно понятом призвании и неизбежно сопутствующих этому разочаровании и горечи. Истинная романтика или поэзия человеческой жизни и природы пробуждает отклик в любой разумной груди не выкриками вроде: «Взгляни сюда! Взгляни туда! Смотри, откуда оно идет! Посмотри, куда оно уходит! Оно тут! Оно там!» Нет, они достигаются непосредственным изображением, причем с искусством, которое заставляет думать, будто все это происходит само собой. Ваша Река, напротив, река чрезвычайно сознательная. Она очень много говорит о том, что должна сказать, но после этого выясняется, что сказать ей, собственно, почти нечего.

Если бы я, заботясь о своих удобствах и о своем желании сделать Вам приятное, скрыл то, что считаю само-

очевидной истиной, я поступил бы нечестно по отношению к Вам и к лорду Литтону, который мне Вас представил. Путь, по которому Вы сейчас идете, не приведет Вас никуда. Какими качествами Вы обладаете для того, чтобы достигнуть литературного успеха на каком-либо другом пути, судить я не берусь, ибо имею лишь удовольствие знать, что Вы скромны и преисполнены серьезных намерений. Но сейчас Вы находитесь на проторенной дороге, которая никогда не была слишком надежной, а ныне превратилась в настоящий Омут Отчаяния.

Я готов вернуть Вам рукопись любым удобным для Вас способом.

Искренне Ваш.

225

У. Д. О'ДРИССОЛЮ

Гэдсхилл-плейс,
Хайхем близ Рочестера, Кент,
среда, 18 мая 1870 г.

Дорогой сэр,

В ответ на Ваше письмо позвольте мне заверить Вас, что мне не принадлежит ни единого клочка бумаги, написанного рукой покойного мистера Маклиза. Несколько лет тому назад я намеренно уничтожил всю свою огромную корреспонденцию, так как считал, что она имеет отношение лишь ко мне одному, а не к публике, и не был уверен в том, что после моей смерти люди будут уважать тайну этих писем. После этого я не оставлял у себя ни одного из писем, получаемых мною от моих друзей, а потому и не имею возможности удовлетворить Вашу просьбу.

Мое небольшое выступление на обеде в Королевской академии было с абсолютной точностью передано в «Таймсе».

Примите уверения в моей преданности.

226

Г. У. РАСДЕНУ

«Атэнеум»,
пятница вечером, 20 мая 1870 г.

Уважаемый сэр!

Я получил Ваше чрезвычайно интересное и проницательное письмо относительно Плорна как раз перед отправлением последней почты отсюда к Вам. Я не ответил тогда, потому что вскоре должна была прибыть другая почта и, хорошо зная Плорна, я ожидал от него какого-нибудь письма, вроде того, какое он написал Вам. Я не ошибся. Те же аргументы о скваттерском вопросе — об овощах и прочем,— что дало мне возможность коснуться этих пунктов, никоим образом не выдавая Вас. Вполне согласен с Вашей превосходной мыслью считать его переписку с Вами строго конфиденциальной. Я не мог бы найти более уместных или более веских слов, адресованных такому молодому человеку, нежели те, которые содержатся в Вашем письме к нему. Не обессудьте, если я скажу Вам, что это — превосходный образчик такта, здравого смысла и добрых чувств. Я был поражен тем, как упорно он игнорирует возможность добиться в Австралии лучшего положения, чем то, какое он занимает в настоящее время, и отсюда заключил, что он стремится домой. С ним всегда было трудней, чем с остальными мальчиками, когда они уезжали из дому, и, хотя он au fond гораздо вдумчивее и энергичнее любого из своих братьев, он никак не может попасть в колею. И тут уж ничего не поделаешь. Если он не может или не хочет найти себе дорогу, я должен попытаться еще раз и продолжать попытки до самой смерти. Самое удивительное, что при всем своем благоразумии он как будто не понимает, что не подготовился ни к какому экзамену на родине и поэтому не выдержал бы конкурса ни на какое место, которое я мог бы для него выхлопотать.

Но я не должен занимать Вас делами своих сыновей так, словно они Ваши. Достаточно того, что я никогда не

смогу отблагодарить Вас за Вашу доброту к ним и великодушное внимание ко мне.

Альфред дал мистеру Бэру из Мельбурна рекомендательное письмо ко мне, и на днях он обедал у нас в Лондоне. Он нам очень понравился. Хорн появляется здесь время от времени, но (кажется, я Вам уже говорил) я счел необходимым сообщить ему, что не могу подписаться под «Символом веры», на основе которого мы, по его мнению, могли бы возобновить наши дружеские связи, и потому нас разделяет пропасть.

По поводу будущего Франции я убежден, что французский гражданин никогда не простит, а Наполеон никогда не переживет coup d'état. Поэтому всякой хорошо осведомленной английской газете невероятно трудно его поддерживать, притворяясь, будто она не знает, на каком вулкане стоит его трон. «Таймсу», который с одной стороны осведомлен об его планах, а с другой — о вечном беспокойстве его полиции (не говоря о сомнительной армии), приходится очень трудно. Мне кажется, что если слишком смело играть ему в руку, то при его падении возродится старый прискорбный национальный антагонизм. Я нисколько не сомневаюсь, что его Императорство будет занесено ветром в песках Франции. Ни в одной стране мира, а тем более во Франции, нельзя по политическим мотивам хватать людей в их домах и без всяких мотивов убивать их на улице, не пробудив чудовищной Немезиды, быть может, не слишком осмотрительной в мелочах, но от того не менее устрашающей.

Самый обыкновенный пес или человек, доведенный до бешеной ярости, гораздо опаснее, чем он же в нормальном трезвом состоянии.

Ваш друг сэр Чарльз Дилк наводит порядок во всем мире (включая его плоские оконечности — оба полюса) и, как сказал мне на днях один министр, «обладает одним лишь маленьким недостатком — всеведением».

Вы, вероятно, уже читали о том, что я собираюсь стать всем, чем королева может меня сделать *. Если мои слова хоть что-нибудь да значат, поверьте, я не собираюсь становиться ничем, кроме того, что я есть,— в том числе до конца дней своих искренне признательным и глубоко обязанным Вам.

227

ДЖОНУ М. МЕЙКХЕМУ

Гэдсхилл, Хайхем близ Рочестера, Кент,
среда, 8 июня 1870 г.

Сэр!

Если бы не Ваше письмо, для меня было бы совершенно непостижимо, что какой-либо разумный читатель мог подумать, будто я ссылаюсь на Библию в отрывке из моей книги, где встречается избитое выражение, которым пользуются во всех подходящих и неподходящих случаях и без всякой связи с первоисточником. Я просто потрясен, что какой-либо читатель мог так ошибиться.

В своих трудах я всегда стремился выразить свое благоговение перед жизнью и учением нашего Спасителя, ибо я это благоговение испытываю. Я даже написал переложение священной истории для своих детей, и каждый из них знал ее с моих слов задолго до того, как научился читать, и почти сразу же после того, как начал говорить.

Однако я никогда не кричал об этом на всех перекрестках.

Искренне Ваш.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 7. *У. Ф. де Сэржа* — швейцарский рантье, с которым Диккенс познакомился летом 1846 года в Лозанне и поддерживал дружескую переписку до конца жизни.

Стр. 8. *...война была неизбежна ради будущего спокойствия мира.*— Под влиянием официальной английской пропаганды Диккенс оправдывает вмешательство Англии в русско-турецкую войну тем, что стремление России освободить славянские народы от турецкого ига якобы представляет опасность для Великобритании и угрожает пресловутому «равновесию сил» в Европе.

Лорд Раглан (1788—1855) — английский генерал, с февраля 1854 года главнокомандующий английскими экспедиционными войсками в Крыму.

«Унижение паче гордости» («She Stoops to Conquer or the Mistakes of a Night») — комедия Оливера Гольдсмита (перевод А. Месковского, Спб. 1899), в новом переводе С. Надеждина — «Ночь ошибок» (М. 1954).

Холдимэнд Уильям.— См. коммент. к стр. 228, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 9. *Смит* Сидней (1771—1845) — английский литератор, один из основателей и редакторов влиятельного ежемесячника «Эдинбургское обозрение», рано оценивший талант Диккенса, который назвал в его честь своего пятого сына.

Леди Холланд Августа Мэри — дочь Сиднея Смита. В ее салоне Диккенс бывал с 1838 года.

Стр. 10. *Найт* Чарльз.— См. коммент. к стр. 188, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 11. *Хант* Ли.— См. коммент. к стр. 48, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 12. *Форстер.*— См. коммент. к стр. 25, т. 29 наст. собр. соч.

...довольно важными для литераторов делами.— Речь идет о фонде помощи деятелям литературы и искусства (см. коммент. к стр. 321, т. 29 наст. собр. соч.).

Стр. 13. *«Тысяча и одно жульничество»* — сатира на парламентский режим и Пальмерстона, опубликованная в «Домашнем чтении» в 1855 году; переработка бурлеска, написанного Диккенсом еще в 1832 году.

Стр. 15. *Мария Биднелл-Винтер.*— См. «Краткую летопись жизни и творчества Чарльза Диккенса», май 1829 года.

Стр. 16. *Энн* — Энн Биднелл, старшая сестра Марии.

Стр. 17. *Мэри Энн Ли* — приятельница Марии Биднелл, пытавшаяся поссорить ее с Диккенсом.

Стр. 22. *...Вы вспомнили обо мне в самую тяжелую пору своей жизни...*— Муж Марии Биднелл-Винтер в это время переживал серьезные денежные затруднения и был на грани банкротства.

Фанни — старшая сестра Диккенса (1810—1848).

Стр. 23. *Леди Оллиф* — жена сэра Джозефа Оллифа, врача при британском посольстве в Париже.

Стр. 25. *Матьюрэн* Чарльз Роберт (1782—1825) — ирландский романист, поэт и драматург. Последователь романтической школы «ужасов и фантастики». О его наиболее известном романе «Мельмот-скиталец» (1820) упоминает Пушкин. Язык произведений Матьюрэна отличался вычурностью и искусственностью.

Робертс Дэвид (1796—1854) — шотландский театральный художник и декоратор, член Королевской академии с 1841 года.

...почему я считаю правильным свой отказ пойти на обед, который лорд-мэр дает клубу.— Считая должность лорд-мэра пережитком, Диккенс в едкой сатирической форме высказал свое мнение на этот счет в статье «Размышления лорд-мэра», опубликованной незадолго перед тем (18 ноября 1854 г.) в журнале «Домашнее чтение» (см. т. 28 наст. собр. соч.).

Стр. 26. *Мун* Френсис Грехем (1796—1871) — лорд-мэр Лондона в 1854—1855 годах. Глава издательской фирмы и обладатель крупного состояния.

Коллинз Уилки (1824—1889) — английский писатель, драматург, положивший начало жанру детективного романа в Англии. Автор «Женщины в белом», «Лунного камня» и ряда других романов. Один из ближайших друзей Диккенса.

«Сестра Роза» — роман Уилки Коллинза из эпохи французской революции.

Стр. 27. *...вел осаду литературного фонда.*— Диккенс вместе с другими писателями добивался отмены статьи устава «Гильдии литературы и искусства», по которой расходование средств ее фонда разрешалось не ранее, чем через семь лет после его утверждения парламентским актом 1854 года. Диккенс был председателем, Уилс — секретарем Гильдии.

Марк — Марк Лемон (см. коммент. к стр. 370, т. 29 наст. собр. соч.).

Пигот — один из участников любительских спектаклей, которые организовал Диккенс.

Стр. 29. *Мадам Селест* (1814—1882) — танцовщица, имела шумный успех в Европе и Америке. В 1839 году оставила балет и выступала в драматическом театре Друри-Лейн. В 1860 году играла роль мадам Дефарж в сценической переделке «Повести о двух городах».

Зеленый Салон — гостиная в Тэвисток-хаусе, где Диккенс обычно принимал друзей.

Лейард Остин Генри.— См. коммент. к стр. 150, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 31. *...Делмастон, Латам, Вуд, Сидней Герберт ...не стыдятся опровергать самые очевидные истины на глазах у шестисот пятидесяти свидетелей.*— Диккенс говорит о выступлениях в палате общин политических деятелей в защиту политики правительства во время Крымской войны.

Стр. 32. *Уилс* Уильям Генри.— См. коммент. к стр. 28, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 33. *Франкенштейн* — герой одноименного романа английской писательницы Мэри Шелли (1797—1851), жены поэта Шелли,— студент-биолог, создавший человекообразное чудовище, погубившее своего создателя.

Стр. 34. *...из комитета фальсификаций...*— См. статью Диккенса «Наша комиссия», т. 28 наст. собр. соч.

...Великого Могола всех самозванцев, господина Маккулоха.— Маккулох Джон Рамсей (1789—1864) — автор ряда трудов по статистике и политической экономии. Диккенс неприязненно относился к современным ему течениям политической экономии.

Мисс Кутс.— См. коммент. к стр. 165, т. 29 наст. собр. соч.

Лейард совершил ошибку.— Ошибка Лейарда заключалась в том, что, выступив в парламенте с резкими обвинениями прави-

тельства Эбердина в злоупотреблениях во время Крымской войны, он без достаточных оснований назвал в числе виновных и лорда Генри Хардинга, соратника Веллингтона. Хотя правительство пало и было назначено расследование злоупотреблений, но новый премьер Пальмерстон, воспользовавшись ошибкой Лейарда, добился провала внесенного последним предложения о реформе государственного управления.

Стр. 35. *...итог ниневийского дела.*— До того как Лейард выступил на политической арене, он занимался археологическими раскопками в районе древней столицы Ассирии — Ниневии. Отсюда — шуточный эпитет Диккенса.

Стр. 36. *Пакстон* Джозеф.— См. коммент. к стр. 211, т. 29 наст. собр. соч.

Морли Сэмюэл (1809—1886) — фабрикант-текстильщик, председатель Ассоциации по проведению реформы управления.

Стр. 37. *...свою запальчивость я оставляю... скажем, на Стратон-стрит...*— На Стратон-стрит в Лондоне находился особняк мисс Кутс.

Я огорчен тем, что произошло в Гайд-парке...— В конце июня — начале июля 1855 года в Гайд-парке проходили бурные демонстрации против законопроекта о запрещении всяких развлечений по воскресным дням. В результате законопроект был снят с обсуждения.

Гровенор Роберт, граф (1767—1845) — видный деятель партии вигов.

Стр. 38. *Макриди.*— См. коммент. к стр. 41, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 39. *...законом о майорате...*— Закон о нераздельном владении недвижимым имуществом в семье или роде, действующий в Англии и поныне и направленный на сохранение крупного землевладения.

Мою речь хотят издать брошюрой и разослать по всей Англии.— В этом выступлении Диккенса 27 июня 1855 года в Ассоциации по проведению реформы управления содержится резкая отповедь премьер-министру лорду Пальмерстону. (См. т. 28 наст. собр. соч.)

Энн — Энн Браун, горничная жены Диккенса.

Стр. 40. *Лич* Джон (1817—1864) — известный английский художник-карикатурист. Сделал свыше трех тысяч рисунков для сатирического журнала «Панч», иллюстрировал «Рождествен-

скую песнь» и другие произведения Диккенса. Друг Диккенса, нередко сопровождавший его в путешествиях.

Эгг.— См. коммент. к стр. 305, т. 29 наст. собр. соч.

«История жены».— Под таким заглавием печаталась повесть Эмили Джолли в «Домашнем чтении» с 1 по 22 сентября 1855 года.

Стр. 43. *Я начал читать отчет о процессе мисс Дудэ...*— Гувернантка-француженка Селестина Дудэ, обвиненная в жестоком обращении с детьми, в результате чего вверенный ее попечению ребенок умер, была присуждена к тюремному заключению парижским судом. Г-жа Швабе, состоявшая при дворе королевы Виктории, выступила на защиту Дудэ, которая ранее была воспитательницей ее детей.

Стр. 45. *...мои мысли заняты новой книгой...*— Имеется в виду роман «Крошка Доррит».

Стр. 51. *В третьем выпуске моей новой книги я немного спустил пары своего негодования...*— Диккенс говорит о X главе романа «Крошка Доррит».

Отсутствие каких-либо мыслей просто ужасно...— Речь идет об английском отделе международной выставки искусств в Париже осенью 1855 года. Диккенс критикует работы художников — своих друзей, творчество которых он вообще высоко ценил.

Доктор Уистон Уильям (1667—1752) — английский ученый. Его теория происхождения земли была одобрена Ньютоном и Локком. В 1710 году был отстранен от преподавания в университете за пропаганду реформы англиканской религии в духе раннего христианства.

Лесли Чарльз Роберт (1794—1859) — английский художник, писавший преимущественно на исторические темы, член Королевской академии.

Стэнни — прозвище Стэнфилда Кларксона (1793—1867), художника-мариниста и декоратора, принимавшего деятельное участие в любительских спектаклях Диккенса.

Стр. 52. *Фрис* Уильям Пауэл (1819—1909) — английский художник — портретист и жанрист. Член Королевской академии. Написал портрет Диккенса.

Уорд Эдвард Мэтью (1816—1879) — английский художник-портретист, автор картин на исторические темы. Член Королевской академии.

...невозмутимостью Клэпхема или респектабельностью Ричмонд-хилла...— Клэпхем — тихое предместье в юго-западной

части Лондона. Ричмонд-хилл — фешенебельный и живописный пригород Лондона.

Стр. 53. *Ренье* Франсуа (1807—1885) — известный французский актер, приятель Диккенса.

Плесси Жанна Арну (1818—1897) — французская актриса.

Капитан Морган — служащий американского торгового флота.

Стр. 54. *Виардо* Полина (1821—1910) — знаменитая французская певица, пользовалась огромным успехом в оперном репертуаре, обладала голосом редкой красоты (меццо-сопрано) и высокой музыкальной культурой. Впоследствии была педагогом и композитором. Друг И. С. Тургенева.

Стр. 55. *Мисс Мартино.*— См. коммент. к стр. 129, т. 29 наст. собр. соч.

Мне хочется, чтобы Морли написал статью о забастовке...— Статья Морли о забастовке в Манчестере, содержавшая много мыслей Диккенса, была напечатана в «Домашнем чтении» 2 февраля 1856 года. Морли Генри (1822—1894) — английский литератор. Сотрудничал в либеральном журнале «Экзаминер». С 1850 по 1865 год — постоянный сотрудник и член редакции диккенсовских журналов «Домашнее чтение» и «Круглый год», для которых им были написаны многие десятки статей.

Стр. 58. *Тэгарт* Эдвард.— См. коммент. к стр. 243, т. 29 наст. собр. соч.

Джеролд Дуглас.— См. коммент. к стр. 199, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 59. *...когда я думаю о нем, коротающем свой век в шерборнском уединении.*— После ухода со сцены друг Диккенса актер Макриди (см. коммент. к стр. 41, т. 29 наст. собр. соч.) жил в небольшом городке Шерборне.

Стр. 60. *...скелет в моем домашнем шкафу...*— то есть постыдная семейная тайна. Это образное выражение, впервые употребленное Теккереем в его романе «Ньюкомы» (1851), вошло в английский язык. Диккенс намекает на разлад с женой.

Стр. 62. *...та верная дружба и любовь, которую Ричардсон питал к Франклину.*— Сэр Джон Франклин (1785—1848) — английский мореплаватель и полярный исследователь, организатор и руководитель нескольких полярных экспедиций. Погиб во льдах вместе со всеми участниками последней экспедиции, предпринятой в 1845 году на двух судах для открытия северо-восточного прохода через Северный Ледовитый океан. Диккенс посвя-

тил две больших статьи экспедиции Франклина в журнале «Домашнее чтение» от 2 и 9 декабря 1854 года. Сэр Джон Ричардсон (1787—1865) — английский натуралист, врач, сопровождал Франклина в его северных экспедициях 1819, 1825 и 1848 годов. В 1857 году участвовал в экспедиции, снаряженной на средства леди Франклин, для розысков пропавших без вести исследователей Арктики. Весной 1859 года партии Ричардсона удалось найти записку, составленную одним из офицеров Франклина, из которой стало известно, что Франклин умер от истощения на затертом во льдах корабле «Эреб» у северо-западного побережья Земли короля Вильгельма в апреле 1848 года.

«Д. Ч.» — еженедельный журнал Диккенса «Домашнее чтение».

Стр. 64. *«История одного самоистязания»* — вставной эпизод в романе «Крошка Доррит», кн. II, гл. 21.

Лэндер Уолтер Севедж (1775—1864) — английский поэт-романтик, яркий представитель «бунтующей аристократии». В молодости был прозван «неистовым якобинцем» и исключен из Оксфордского университета за республиканские убеждения и антимонархические выпады. Восхищался французской революцией и Наполеоном, но отправился в Испанию сражаться в рядах партизан против наполеоновской армии. И в старости сохранил темперамент борца и выступал против Священного союза и английской реакции. Диккенс назвал в его честь своего второго сына.

Стр. 65. *...болтал с Вашим тезкой...* — то есть с сыном — Уолтером Севеджем Лэндером Диккенсом (1841—1863).

Маргерит Пауэр — племянница графини Блессингтон (см. коммент. к стр. 241, т. 29 наст. собр. соч.).

Стр. 66. *Герцог Девонширский* Уильям, граф Бэрлингтон (1808—1891)—попечитель Кембриджского университета, меценат.

Стр. 67. *...у всех нас были свои Флоры (моя еще жива и толста на диво)...* — Флора Финчинг — персонаж романа «Крошка Доррит», впервые выведенный в XIII главе летом 1855 года. Флора, которую герой романа помнил «лилией, превратилась в пион, стала болтлива и глупа». Диккенс имеет в виду свою первую любовь, Марию Биднелл, с которой он встретился после двадцати трех лет разлуки в марте 1855 года.

Стр. 69. *Дэниэл Лэмберт* — феноменальный толстяк, которого предприимчивый импрессарио показывал публике в Англии и Франции.

Стр. 71. *«Летучий голландец»* — опера Рихарда Вагнера (1843).

Суды справедливости — особая английская система судопроизводства по гражданским делам, основанная на прецедентах и дававшая судье более широкую возможность решать дело «по совести и справедливости». Отменена в 1873 году.

Стр. 74. *Сейла* Джордж Огестес (1828—1895) — английский журналист, сотрудник журналов Диккенса. В 1856 году — корреспондент «Домашнего чтения» в России. Впоследствии стал одним из типичных мастеров дешевой сенсации.

...я начинаю печатать Ваше «Путешествие». — «Путешествие на Север», очерки о России Джорджа Огестеса Сейла, посланного журналом Диккенса «Домашнее чтение» после Крымской войны в Россию в качестве корреспондента.

Стр. 76. *«Гибель»* — «Гибель «Золотой Марии», рождественский рассказ (1856), написанный Диккенсом вместе с Уилки Коллинзом.

Стр. 77. *Эдвард Бульвер-Литтон.* — См. коммент. к стр. 54, т. 29 наст. собр. соч.

Ашетт — французское издательство, которое приобрело право издания произведений Диккенса.

Стр. 79. *Миссис Браун* — родственница мисс Кутс, жившая в ее доме.

Стр. 82. *Граф Карлайл* Джон Уильям Фредерик — вице-король Ирландии.

Стр. 83. *Эксетер-холл* — здание на Стрэнде в Лондоне, где происходили политические и религиозные собрания.

Стр. 88. *Маклиз* Дэниэл.— См. коммент. к стр. 59, т. 29 наст. собр. соч.

Ричард Уордур — главный персонаж мелодрамы Уилки Коллинза «Замерзшая пучина», жертвующий своей жизнью, чтобы спасти соперника, и умирающий на руках у любимой девушки. Роль Уордура играл Диккенс. Пьеса была впервые поставлена в Тэвисток-хаусе в январе 1857 года.

Стр. 90. *...Вы видели мою схватку с «Эдинбургом»?* — Речь идет о статье Диккенса «Любопытная опечатка в «Эдинбургском обозрении» (см. т. 28 наст. собр. соч.).

Галерея Иллюстраций — картинная галерея на Стрэнде с большим залом для концертов и театральных представлений.

Стр. 93. *...народ, запятнанный недавними жестокостями...* — Диккенс говорит о восстании сипаев весной 1857 года, забывая

о том, что восстание в Индии было подавлено с зверской жестокостью английскими войсками.

Стр. 94. *«Ленивое путешествие»* — «Ленивое путешествие двух праздных подмастерий», рассказ, написанный Диккенсом вместе с Уилки Коллинзом, помещен в «Домашнем чтении» в сентябре 1857 года.

Йетс Эдмунд — журналист, один из молодых сотрудников журнала Диккенса.

Стр. 95. *Холлингсхед* Джон (1827—1904) — английский литератор и театральный деятель.

Стр. 96. *Джордж Элиот* (1819—1880) — псевдоним Мэри Энн Эванс — известной английской писательницы, автора «Сцен из жизни духовенства» (1858), «Адама Бида» (1859), «Мельницы на Флоссе» (1860). Диккенс первый из современников угадал, что под псевдонимом Джордж Элиот скрывается женщина.

Стр. 97. *Частный билль* — законопроект, касающийся прав частных лиц, фирм или организаций. Проведение такого законопроекта в английском парламенте было связано со сложной процедурой и огромной затратой средств.

Стр. 98. *Марстон* Уэстленд (1819—1890) — английский поэт и драматург. Диккенс написал введение к его драме «Дочь патриция».

«La Joie fait peur» («Страх от радости») — комедия в одном действии французской писательницы Дельфины де Жирардэн (1804—1855).

Стр. 99. *Смит* Артур — устроитель чтений Диккенса и его администратор до самой своей смерти в 1861 году.

Стр. 112. *...жизнь Георга IV и Альфреда Великого — явления одного и того же порядка.*— Уэссекский король Альфред (871—901) — в английской историографии — образец мудрого правителя. Георг IV (1820—1830) был известен своей безнравственностью.

Проктер Брайан.— См. коммент. к стр. 26, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 113. *Пайт* Джон Прескот — английский художник-портретист, член Королевской академии.

Стр. 114. *«Гармония домашнего очага».*— Шекспир, «Король Генрих VI», ч. III, д. IV, явл. 6. Диккенса убедили отказаться от этого названия, поскольку оно никак не гармонировало с состоянием его собственного домашнего очага после его разрыва с женой.

Стр. 115. *Список названий.*— Диккенс советуется с Коллинзом, какое название выбрать для нового журнала, который он задумал выпускать вместо «Домашнего чтения».

Стр. 116. *«Круглый год».*— Чтобы положить конец зависимости своего журнала «Домашнее чтение» от издателей, Диккенс в 1859 году выкупил их пай за три с половиной тысячи фунтов стерлингов, стал полным хозяином журнала и переименовал его в «Круглый год». В подзаголовке эпиграф: «Повесть наших жизней из года в год» — Шекспир, «Отелло», д. I, явл. III.

Таунсхенд Чонси Хейр (1798—1868) — английский поэт религиозно-метафизического направления. Провел большую часть жизни в Швейцарии. В завещании поручил Диккенсу издать свои религиозно-нравоучительные трактаты.

Задира — прозвище Джона Форстера.

Стр. 119. *Я пишу Вам... с того самого места, откуда убежал Фальстаф.*— Диккенс упоминает об эпизоде из исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV», ч. I, д. II, сц. 2.

Стр. 121. *Льюис* — литератор, муж писательницы Джордж Элиот.

Я, разумеется, прекрасно знал об официальном отказе от феодальных привилегий...— Диккенс говорит о так называемом добровольном отказе французской аристократии от своих феодальных прав на вечернем заседании Генеральных Штатов 4 августа 1789 года. В действительности феодалы лишь признали свершившийся факт, спасая свою жизнь и имущество от крестьянского восстания. Легенда о «добровольном отречении» поддерживалась многими буржуазными историками, в том числе и Т. Карлейлем, книга которого «История французской революции» явилась основным источником «Повести о двух городах» Диккенса.

Стр. 122. *Мерсье* Луи Себастьян (1740—1814) — писатель демократического направления, опубликовал в 1789 году написанные им еще до революции бытовые очерки «Картины Парижа».

Стр. 123. *«Идиллии»* — поэмы кумира Викторианской Англии — Альфреда Теннисона, любимого поэта Диккенса.

Стр. 124. *Эллиотсон.*— См. коммент. к стр. 94, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 125. *Хоуитт* Уильям (1792—1879) — английский литератор. По образованию — химик. Написал для «Круглого года» статьи об Австралии, где прожил несколько лет. Увлекался спиритизмом.

Стр. 126. *...особенности характера доктора...*— доктора Манетта из романа Диккенса «Повесть о двух городах».

Стр. 130. *Я очень внимательно прочитал книгу.*— Речь идет о романе У. Коллинза «Женщина в белом».

Стр. 132. *Чорли* Генри Фозергил (1808—1872) — английский журналист и музыкальный критик, друг Диккенса, сотрудничавший в его журналах.

Стр. 134. *Шеффер* Ари (1795—1853) — французский художник, написал портрет Диккенса в зрелом возрасте, наиболее реалистичный из всех портретов писателя.

Стр. 135. *...Вашу... интересную и замечательную книгу...*— Речь идет о книге Дж. Форстера «Арест четырех членов парламента», посвященной начальному периоду английской революции 1649 года.

Кларендон Эдвард Хайд (1609—1674) — английский государственный деятель, сторонник Карла I, историк английской революции.

Стр. 137. *«Великая Ремонстрация»* (полное название этой исторической монографии Джона Форстера «Дебаты по поводу Великой Ремонстрации») — была опубликована в 1858 году в серии критических очерков на незадолго перед тем вышедшую «Историю Англии» Гизо. В 1860 году Форстер выпустил переработанное издание монографии под заглавием «Дебаты по поводу Великой Ремонстрации (ноябрь — декабрь 1641 г.) с вводным очерком об английских свободах».

Левер Чарльз (1806—1872) — ирландский писатель, автор многочисленных романов, сотрудник журнала «Круглый год». Письма Диккенса к нему опубликованы отдельным изданием.

Стр. 141. *Адмирал* — так Диккенс называет в своих письмах пятого сына, Сиднея Смита Холдимэнда Диккенса, служившего в военном флоте и умершего в возрасте 25 лет в море в 1872 году.

«Глобус» — двухнедельный иллюстрированный научно-популярный географический и антропологический журнал, издававшийся с 1861 по 1910 год в Брауншвейге (Германия).

То обстоятельство, что я пожертвовал «Большими надеждами», отразится только на мне.— Решение Диккенса начать опубликование своего очередного романа «Большие надежды» в журнале «Круглый год», чтобы приостановить падение спроса на журнал вследствие недовольства читателей романом Левера, было связано для него с финансовыми потерями. Роман

Диккенса печатался в журнале с декабря 1860 по август 1861 года.

Стр. 142. *Рид* Чарльз (1814—1884) — английский писатель, получивший известность благодаря своему роману «Исправиться никогда не поздно» о перевоспитании бывших преступников.

Стр. 143. *Христиан* — герой аллегорической поэмы Джона Беньяна (1622—1688) «Странствия паломника», проходящий через ряд испытаний на пути к истинному совершенствованию.

Стр. 146. *...манчестерские фабриканты испытывают все возрастающую тревогу.*— С начала Гражданской войны в Америке, в результате блокады портов мятежных Южных штатов флотом северян, вывоз американского хлопка в Англию почти прекратился, и уже осенью 1861 года в центре английской текстильной промышленности — Манчестере ощущался недостаток сырья.

Стр. 147. *...готовится стать адвокатом.*— Речь идет о третьем сыне Диккенса — Френсисе Джеффри Диккенсе (1844—1886), который доставлял отцу много огорчений. Переменив несколько профессий и всюду потерпев неудачу, он в 1863 году отправился в Индию, где служил в конной полиции до 1871 года, после чего переехал в Канаду, где служил в военной полиции.

Стр. 151. *...о Пяти портовых городах.*— Редакционная статья «Лорд Пальмерстон и Пять портов», помещенная в газете «Таймс» 28 августа 1861 года, привлекла внимание Диккенса как яркий образец английского раболепия перед власть имущими. Сообщая о назначении Пальмерстона на пост губернатора Пяти портов — автономного округа на юго-восточном побережье Англии во главе с Дувром,— автор заканчивает статью восторженным описанием «народного ликования», которое готовится в Дувре в связи с предстоящим прибытием сиятельного лорда.

Стр. 152. *...сотворить себе кумира из человека, заведомо лишенного убеждений и совести...*— Диккенс не разделял преклонения английской буржуазии перед Пальмерстоном, руководившим внешней политикой Англии более четверти века — с 1830 до начала 60-х годов. Основой его внешней политики было упрочение Британской империи и поддержка европейских монархов в их борьбе с революционным движением. Во внутренней политике, будучи премьер-министром, он противился малейшим попыткам демократизации государственного строя Англии.

Стр. 154. *...из-за смерти принца...*— Муж королевы Виктории принц-консорт Альберт умер 18 декабря 1861 года.

Стр. 155. Это письмо содержит первый набросок сюжета романа «Наш общий друг».

Стр. 157. *Эндрью* — сын мидлотианского шерифа, лейтенант военно-морского флота Эндрью Гордон.

Вернер — герой одноименной трагедии Байрона «Вернер, или Наследие» (1822).

Плорн — прозвище младшего сына Диккенса, Эдварда Бульвер-Литтона Диккенса (1852—1902).

Стр. 158. *Я прочитал Ваш роман...* — Имеется в виду роман Уилки Коллинза «Без названия». Печатался в «Круглом годе» в 1862 году.

Стр. 161. *Бейлис* Томас — банкир, купивший у Диккенса Тэвисток-хаус.

Когда Блонден установил эту моду... — Француз канатоходец Эмиль Блонден в 1859—1861 годах демонстрировал свое искусство над Ниагарой, иногда держа на руках малолетнего сына. Говоря о «моде», Диккенс имеет в виду многочисленных его соперников и подражателей и даже самозванных Блонденов.

Сегодня я присутствовал на Вашей лекции... — Диккенс говорит о первой лекции близкого друга своей семьи Генри Фозергила Чорли по истории английской музыки.

Стр. 163. *...о Фехтере и его Гамлете.* — См. статью Диккенса «Игра мистера Фехтера», т. 28 наст. собр. соч.

Стр. 165. *...тучным и упитанным, как плевелы, растущие у тамошних вод.* — Перефразировка шекспировских строк:

Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод.
(«Гамлет», д. I, сц. 5.
Перевод М. Лозинского)

За один присест проглотил Ваш второй том... — Речь идет о романе Уилки Коллинза «Без названия».

Стр. 166. *...еще со времен Бэзила...* — «Бэзил» — первый из многочисленных романов Уилки Коллинза (1852), получивший в свое время очень высокую оценку в письме Диккенса Коллинзу от 12 декабря 1852 года.

Стр. 167. *У меня много треволнений...* — Неприспособленность к жизни подрастающих сыновей причиняла Диккенсу много огорчений.

Миссис Генри Остин — сестра Диккенса Летиция.

Стр. 168. *Миссис Баунсер* — собака Диккенса (шпиц).

Стр. 169. *Манчестерская школа.*— Зародившееся в Манчестере, центре текстильной промышленности, направление политической экономии, основой которого была свобода торговли и частного предпринимательства.

Стр. 170. *Фрэнк* — третий сын Диккенса, Френсис Джеффри Диккенс.

Стр. 171. *Перкин Уорбек.*— Претендент на английский престол, поднявший в 1495 году восстание против Генриха VII Тюдора, Перкин Уорбек, выдававший себя за сына короля Эдварда IV, был разбит войсками Генриха, взят в плен и в 1499 году повешен.

Стр. 174. *Колензо* Джон Уильям (1814—1883) — историк, епископ Наталя (Южн. Африка). Исследуя Ветхий завет в свете исторической науки, доказал полную несостоятельность многих, приводимых в Библии, фактов, за что подвергся яростной травле со стороны церковников. Пытался добиться смягчения колониального режима и защищать права зулусов, но потерпел неудачу и был смещен со своего поста.

Джоуитт Уильям (1787—1855) — английский священник, миссионер в Сирии и Палестине.

...Иисус Навин... мог приказать солнцу остановиться...— библейская легенда (Книга Иисуса Навина, X, 13).

Стр. 175. *...несмотря на безумие и злодейства северян, война окончится скоро, так как они не смогут набрать солдат.*— Диккенс судил о ходе гражданской войны в Америке явно по тенденциозной информации английской прессы, сочувствовавшей рабовладельческому Югу. В 1862 году, после декрета об освобождении негров, в армию северян влились сотни тысяч бывших невольников, и в ходе военных действий произошел резкий перелом в пользу Севера.

Стр. 176. *Сильно опасаюсь, как бы Франция не втянула нас в войну и всеобщую сумятицу.*— В 1863 году английское правительство было озабочено активизацией внешней политики Наполеона III, его экспедицией в Мексику (1861—1867), вмешательством в войну племен в Сирии и попытками интервенции в Америке в пользу рабовладельческих штатов.

Миссис Никольс Мэри Сарджент — американка, жившая в то время в Англии.

Стр. 178. *В комплекте «Таймса» за тот год, когда были казнены Маннинги...*— Диккенс присутствовал на публичной казни

супругов Маннинг, повешенных 13 ноября 1849 года за убийство постояльца.

Стр. 179. *Миссис Лиррипер* — персонаж из «Меблированных комнат миссис Лиррипер», рождественских рассказов 1863 и 1864 годов, в которых Диккенсом были написаны I, II и заключительная главы.

Стр. 180. *Сан-Карло* — оперный театр в Неаполе.

Что касается итальянского эксперимента...— Имеется в виду провозглашение парламентом, собравшимся в Турине в феврале 1861 года, сардинского короля Виктора Эммануила II королем Италии.

Стр. 182. *...мне пришлось ...прочитать книгу Фицджеральда.*— Роман Перси Фицджеральда «Мисс Мануэль» печатался в журнале Диккенса «Круглый год» в 1864 году. Перси Фицджеральд — один из ближайших сотрудников Диккенса по «Круглому году».

Что касается книги об Элиоте...— Речь идет о книге Форстера, посвященной сэру Джону Элиоту (1590—1632), английскому политическому деятелю и выдающемуся оратору предреволюционного периода. Мужественно боровшийся против королевского произвола, Элиот был заключен Карлом I в Тауэр, где и умер.

Стр. 187. *Старый П.,* или «Древний Парр» — шутливое прозвище, данное Диккенсом его близкому другу, актеру Уильяму Макриди. «Древний Парр» — англичанин, якобы проживший сто пятьдесят лет.

Стр. 193. *...норовя «отдать хотел бы под надзор не смею».*— Перефразировка слов из трагедии «Макбет» Шекспира, д. I, сц. 7.

Восстание на Ямайке...— Осенью 1865 года, в ответ на введение новых налогов и попытки согнать негров с земли, на Ямайке вспыхнуло восстание против английских колонизаторов, которое было подавлено с невероятной жестокостью.

...и британцы никогда, никогда, никогда! — Слова из патриотической песни «Правь, Британия, над морями».

Стр. 194. *Лорд Шефтсбери* Энтони Купер Эшли (1801—1885) — английский политический деятель, радикал, участник законодательной реформы 1832 года, пользовался расположением Диккенса.

Стр. 196. *Миссис Брукфилд* Джейн (1821—1896) — английская писательница.

Стр. 197. *Миссис Инчболд* Элизабет (1753—1821) — англий-

ская актриса, драматург и романистка. Оставив сцену в 1789 году, посвятила себя литературной деятельности. Ее два романа «Простая история» (1791) и «Природа и искусство» (1796) считаются классическими образцами английской прозы XVIII века.

Стр. 199. *Харт* Эрнест — секретарь Общества содействия медицинской помощи в работных домах. Организационное собрание общества состоялось 3 марта 1866 года.

...пробудили не менее семерых знатных спящих.— Согласно средневековой легенде, во время преследования христиан при императоре Деции (249—251) семь христианских юношей в городе Эфесе спрятались в глубокой пещере и проспали там сто девяносто шесть лет.

Стр. 200. *Я очень внимательно прочитал пьесу.*— Речь идет о переделке романа Уилки Коллинза «Армадейл» для театра.

Стр. 202. *...я получил ту часть пьесы...*— Имеется в виду пьеса Лиона Бусиколта «Затянувшаяся забастовка», поставленная театром «Лицеум» 15 сентября 1866 года.

Бусиколт Лион (1822—1890) — ирландско-американский актер и драматург.

Стр. 204. *Торнбери* Уолтер (1828—1876) — английский литератор.

Де Квинси Томас (1785—1859) — английский писатель, автор романа «Записки курильщика опиума» и новелл, преимущественно на криминальные темы.

Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский историк и философ, автор «Истории цивилизации в Англии».

Стр. 205. *...о получении Вашей брошюры...*— Имеется в виду работа С. Перкса о денежном обращении.

Стр. 208. *...тружусь над «Барбоксом» и «Мальчиком из Мэгби»...*— Диккенс говорит о подготовлявшихся им для публичных чтений отрывках из рождественской повести «Станция Мэгби».

Стр. 209. *«Панч»* — сатирический журнал, выходивший с 1841 года.

...когда Джон и Джонатан вступят в состязание.— Джон Буль — шутливое название Англии, получившее распространение благодаря памфлету «История Джона Буля» (1727) английского сатирика Джона Арбетнота (1667—1735). «Братец Джонатан» — шутливое название США.

Стр. 211. *...осудит подобные книги как литературу с Холивелл-стрит...*— На Холивелл-стрит находились во времена Дик-

кенса книжные лавки, где продавалась дешевая бульварная литература.

Стр. 213. *Здесь действительно царит сильная тревога...*— Диккенс приехал в Дублин через несколько дней после подавления восстания фениев в Корке, Лимерике и Дублине.

Стр. 214. *Фении* (древнеирландское название жителей Ирландии).— Революционная организация «Фенианское братство», или «Ирландское республиканское братство», была образована в Америке в 1857 году ирландскими патриотами, бежавшими туда после поражения революции 1848 года в Ирландии. В феврале 1867 года фении пытались захватить склад оружия в Рочестере. После подавления восстания 1867 года в Ирландии движение фениев фактически замерло.

Литтон Роберт (1831—1891) — английский поэт и дипломат, сын писателя Эдварда Бульвер-Литтона. Писал под псевдонимом Оуэн Мередит.

Стр. 217. *...я прочитал первые три выпуска романа Уилки...*— Имеется в виду роман Уилки Коллинза «Лунный камень».

Стр. 218. *Элиза Феннинг.*— Деревенская девушка Элиза Феннинг в 1815 году была обвинена в отравлении своих хозяев. Хотя пострадавшие остались живы и обвиняемая до последней минуты отрицала свою виновность (никаких побудительных причин к совершению преступления обнаружено не было, и свидетели единодушно показали в ее пользу), суд вынес смертный приговор. Когда тело казненной 26 июня 1815 года Элизы Феннинг было выдано родным для погребения, за ее гробом шла десятитысячная толпа.

Стр. 222. В этом письме Диккенс указывает, какие темы следует осветить в журнале.

Стр. 223. *Я с большим удовольствием прочитаю новую пьесу...*— Речь идет о пьесе Бульвер-Литтона, которая не была ни опубликована, ни поставлена на сцене («Пленники» по Плавту).

Стр. 225. *Лонгфелло* Генри Вордсворт (1807—1882) — знаменитый американский поэт. В 1868 году гостил у Диккенса в Гэдсхилле.

Стр. 229. *...я говорю: нет.*— Диккенс решительно отказывается от предложения своего администратора Долби выступать с чтениями в Нью-Йорке каждую неделю.

Стр. 235. *Прежде всего о пьесе.*— Диккенс говорит о сценической переделке рождественского рассказа «В тупике», выполненной Уилки Коллинзом.

Стр. 236. *Вебстер.*— Профессор Массачусетского медицинского института Джон Уайт Вебстер (1790—1850) в ноябре 1849 года убил своего друга доктора Джорджа Паркмена, которому был должен сравнительно небольшую сумму, расчленил его труп и сжег в печи своей лаборатории. Под тяжестью улик обвиняемый сознался и был казнен. Процесс вызвал большой интерес криминалистов, так как все свидетельские показания говорили в пользу Вебстера.

Стр. 241. *Батлер* Бенджамин Франклин (1818—1893) — американский генерал и политический деятель, радикал. Главнокомандующий 2-й армией северян во время Гражданской войны. Вместе с президентом Линкольном проводил в жизнь закон об освобождении негров.

Стр. 242. *Филдс* Джеймс Томас (1817—1881) — американский литератор и издатель. С 1862 по 1870 год издавал самый влиятельный в Америке литературно-критический журнал «Атлантик мансли». В 1859 году приезжал в Англию. Был в приятельских отношениях с Диккенсом.

Завтра я намереваюсь посетить президента...— Семнадцатый президент Соединенных Штатов Америки Эндрю Джонсон вступил на пост, будучи вице-президентом, в 1865 году, после убийства Линкольна. В феврале 1868 года был предан суду по обвинению в превышении власти и нарушении конституции, но оправдан.

Самнер Чарльз.— См. коммент. к стр. 103, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 243. *Стэнтон* Эдвин Макмастерс (1814—1869) — американский генерал и политический деятель. Хотя Стэнтон был политическим противником Линкольна, президент назначил его в 1861 году военным министром, и Стэнтон был душой реорганизации армии северян, благодаря которой стала возможной победа над Югом.

Стр. 247. *Паркинсон* Джон (1833—1908) — английский литератор, государственный чиновник. Сотрудничал в обоих журналах Диккенса.

Стр. 248. *Блэнчард* Сидней — сын Лэмена Блэнчарда, который был редактором газеты «Тру сан» в то время, когда Диккенс впервые выступил в качестве журналиста. Сидней Блэнчард сотрудничал в «Круглом годе».

Стр. 249. *Кеттермол* Джордж.— См. коммент. к стр. 47, т. 29 наст. собр. соч.

Стр. 252. *Старайся поступать с другими так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой...*— Евангелие от Матфея, VI, 12.

Стр. 253. *Финлей* Френсис Далзел (1832—1917) — владелец и редактор газеты «Северный Виг» в Белфасте. Диккенс переписывался с ним с 1859 по 1869 год и неизменно посещал его, когда бывал в Ирландии.

Стр. 254. *...в нынешнем моем положении я гораздо полезнее и счастливее, нежели когда-либо мог быть в парламенте.*— Диккенсу неоднократно предлагали выдвинуть свою кандидатуру в парламент, причем эдинбуржцы брали все расходы по проведению избирательной кампании за счет города, но Диккенс неизменно отвечал на подобные предложения отказом.

Стр. 255. *Троллоп* Томас Адолфус (1810—1892) — английский писатель, старший брат писателя Энтони Троллопа. Был в приятельских отношениях с Диккенсом с 1842 года. Сотрудничал в его журналах.

...англиканская церковь последует за ирландской! — В 1869 году министерство Гладстона провело закон об отделении церкви от государства в Ирландии, что должно было способствовать смягчению религиозной розни. Закон вступил в силу с 1 января 1871 года.

Стр. 257. *...со времен Унии с этой страной обращались жестоко.*— По закону об Унии 1800 года ирландский парламент был упразднен и представители Ирландии включены в парламент Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

Стр. 260. *...о смерти бедной Кэти.*— Речь идет о дочери друга Диккенса актера Макриди.

Стр. 263. *...по поводу предполагаемого вторжения Хорна в Англию.*— Хорн Ричард Хенгист (1803—1884) — английский писатель и поэт. В 1851 году начал сотрудничать в журнале Диккенса «Домашнее чтение». В 1852 году отправился в Австралию в качестве правительственного чиновника на золотых приисках. В 1851 году, участвуя в любительском спектакле «Не так плохи, как кажемся», Хорн нелестно отозвался о манерах Диккенса, исполнявшего роль светского льва в этой комедии Бульвер-Литтона. Вернулся в Англию в 1869 году.

Стр. 265. *Последователи Джо Смита* — секта мормонов, основанная Джозефом Смитом (1805—1844).

То, что Виктор Гюго называет «занавесом, за которым готовится великий последний акт французской революции»...—то есть

империя Наполеона III, которая рухнула меньше чем через год после того, как Диккенсом были написаны эти строки.

Стр. 270. *Скандал с Байроном.*— В августе 1869 года, через сорок пять лет после смерти поэта, Гарриет Бичер-Стоу опубликовала одновременно в Англии и в США «Истинную историю леди Байрон», сообщенную ей в 1856 году вдовой поэта незадолго до ее смерти. Леди Байрон ушла от мужа через год после заключения брака и через две недели после рождения дочери, так как подозревала Байрона в преступной связи с его сводной сестрой Августой. Европейская и американская печать долго смаковала эту скандальную историю, но не было недостатка в трезвых голосах, которые высказали законное сомнение в обоснованности подозрений леди Байрон.

Стр. 271. *Посылаю Вам исправленную Речь.*— Речь была произнесена 27 сентября 1869 года на ежегодном собрании Института Бирмингема и Средних графств (см. т. 28 наст. собр. соч.).

Стр. 274. *...я узнал о совещании...*— Речь идет о совещании писателей и издателей о международном авторском праве. Совещание не привело к конкретным результатам. Международная конвенция об авторском праве была заключена лишь в 1892 году.

Стр. 276. *Филипп ван Артевельде.*— Так Диккенс шутливо называет автора одноименной трагедии в белых стихах Генри Тейлора (1800—1886). Филипп ван Артевельде (1340—1382) — вождь восстания против испанцев во Фландрии.

Стр. 280. *Вы, вероятно, уже читали о том, что я собираюсь стать всем, чем королева может меня сделать.*— Диккенсу неоднократно предлагали от имени королевы дворянский титул, но он каждый раз отклонял это предложение.

Я. РЕЦКЕР

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

1812

7 февраля, в Лэндпорте родился Чарльз Диккенс. Его отец — Джон Диккенс (1785—1851) был мелким служащим портсмутских доков, принадлежащих морскому ведомству; мать — Элизабет Диккенс, урожденная Барроу (1789—1863), происходила из чиновничьей среды.

1814

24 июня Джон Диккенс с семьей переезжает в Лондон, куда его переводят по службе.

1817

Август. Джон Диккенс переезжает с семьей в Чатам, на новое место работы.

1820

Чарльза и его сестру Фанни (Френсис Диккенс, в замужестве Бернет, 1810—1848) отдают в частную подготовительную школу Уильяма Джайлса. Он увлекается чтением, кукольным театром, сочиняет трагедию «Миснар, султан Индии».

1823

Весна. Чарльз один едет в Лондон (куда перебрались его родители). В Лондоне вследствие крайне стесненных обстоятельств семьи, поселившейся в одном из беднейших кварталов, образование Чарльза прерывается.

1824

7 февраля Чарльза посылают работать на фабрику ваксы.

20 февраля Джона Диккенса заключают в долговую тюрьму Маршалси; с ним поселяется вся его семья, кроме Фанни и Чарльза. Унизительный труд, одиночество, нужда, картины жизни узников Маршалси вызывают у Чарльза нервное заболевание. Во фрагменте автобиографии, написанном в конце 40-х годов, Диккенс вспоминает: «Все мое существо было столь потрясено горем и унижением, что даже теперь, когда я счастлив и знаменит, я в своих снах часто забываю, что у меня любящая жена и дети, даже что я взрослый человек, и снова переношусь к тем мучительным дням моей жизни».

28 мая, получив небольшое наследство, Джон Диккенс расплачивается с кредиторами и выходит из тюрьмы.

Июнь. Отец Диккенса забирает сына с фабрики ваксы.

Чарльз поступает в частную школу, называвшуюся «Веллингтонская домашняя академия».

1827

Апрель. Чарльз Диккенс уходит из школы и поступает клерком в контору юриста Моллой.

Май. Диккенс поступает клерком в контору Эллиса и Блэкмора и начинает изучать стенографию.

1828

Ноябрь. Диккенс начинает работать в одном из судов Докторс-Коммонс.

Чарльз увлекается театром, дома перед зеркалом разучивает разные роли, берет уроки декламации у актера Роберта Кили. Он ставит домашние любительские спектакли, для которых сам пишет пьесы, а композитор Джон Хулла сочиняет к ним музыку.

1829

Май. Один из друзей Чарльза, Генри Колле, знакомит его с Марией Биднелл, дочерью лондонского банкира, в которую Чарльз страстно влюбляется. Свое чувство к Марии Биднелл он описал в «Дэвиде Копперфилде».

1832

Февраль. Диккенс решает стать профессиональным актером и пишет об этом директору театра Ковент-Гарден Бартли, который назначает ему день для переговоров. Болезнь мешает Диккенсу прийти в назначенный день в театр, и решение его пойти на сцену не осуществляется.

5 марта Диккенс становится стенографистом-репортером газеты «Тру сан» и начинает посещать заседания палаты общин. Вскоре он пишет сатиру на парламент «Тысяча и одно жульничество» (она будет опубликована лишь в 1855 году, в журнале Диккенса «Домашнее чтение»).

Осень. Диккенс уходит из «Тру сан» и поступает репортером в газету «Мирор оф парламент».

1833

Август. Диккенс поступает парламентским репортером в либеральную газету «Морнинг кроникл».

Октябрь. Диккенс делает первые шаги на литературном поприще. Он пишет несколько очерков о Лондоне и его обитателях. Один из очерков он отсылает в редакцию журнала «Мансли мэгезин».

Конец декабря. В журнале «Мансли мэгезин» напечатан первый очерк Диккенса «Обед на Поплар-Уок» (позднее в «Очерках Боза» озаглавлен «Мистер Минс и его двоюродный брат»). В «Мансли мэгезин» Диккенс печатается без гонорара до февраля 1835 года.

1834

Август. Диккенс, печатавшийся до этого времени в «Мансли мэгезин» анонимно, впервые подписывает 2-ю часть своего очерка «Пансион» псевдонимом «Боз». «Боз» — это прозвище младшего брата Диккенса Огастеса. Этим псевдонимом Диккенс в дальнейшем подписывает почти все свои очерки и первые романы.

26 сентября Диккенс начинает печатать свои очерки в «Морнинг кроникл».

Критики одобрительно отзываются об очерках Боза.

В театре «Адельфи» идет пиратская инсценировка очерка Боза «Крестины в Блумсбери».

Диккенс знакомится с писателем У. Гаррисоном Эйнсвортом и издателем Джоном Макроуном.

1835

Январь. Диккенса приглашают работать репортером в новой газете «Ивнинг кроникл». Он обязуется безвозмездно написать для нее несколько очерков.

Диккенс сближается с семьей Джорджа Хогарта, литератора и редактора «Ивнинг кроникл», в доме которого знакомится с видными писателями, музыкантами, художниками. Он влюбляется в старшую дочь Хогарта Кэтрин.

31 января в первом номере «Ивнинг кроникл» напечатан очерк Боза «Стоянки наемных карет».

27 сентября в журнале «Жизнь Белла в Лондоне» печатается очерк Диккенса «Сэвен-Дайелс».

В доме Эйнсворта у Диккенса возникают дружеские отношения с видными деятелями искусства и литературы — художником Крукшенком, литераторами Дизраэли, Бульвер-Литтоном, Джеролдом, Блэнчардом, Джерданом и др.

Ноябрь. Диккенс подписывает соглашение с Макроуном на издание в начале 1836 года «Очерков Боза» в двух томах.

Иллюстрирует «Очерки Боза» художник Крукшенк.

Конец года. Диккенс знакомится с миллионершей-благотворительницей Анджелой Бердет-Кутс. Между ними возникает большая и содержательная переписка, продолжавшаяся почти 30 лет.

1836

Январь. Вместе с Макроуном Диккенс составляет текст объявлений о предстоящем выходе «Очерков Боза», просматривает иллюстрации Крукшенка, занимается литературной работой, а также ведет в разных городах репортаж для «Морнинг кроникл».

1 февраля выходят из печати два тома «Очерков Боза» с иллюстрациями Крукшенка, очень хорошо принятые читателями и критикой. Боза сравнивают с такими признанными мастерами литературы, как Виктор Гюго и Вашингтон Ирвинг.

10 февраля Диккенс получает от издателей Чепмена и Холла предложение написать текст к серии гравюр художника Сеймура, озаглавленной «Клуб Нимрода». Диккенс, приняв предложение, с увлечением принимается за работу над своим первым круп-

ным произведением — романом «Посмертные Записки Пиквикского клуба» и к 19 февраля заканчивает его первую главу.

26 марта в газете «Таймс», а потом и в других газетах печатается объявление о предстоящем издании в ежемесячных выпусках «Посмертных Записок Пиквикского клуба» Боза.

31 марта выходит первый выпуск романа «Посмертные Записки Пиквикского клуба». Этот выпуск расходится всего в количестве 400 экземпляров. Последний, напечатанный в ноябре 1837 года,— в количестве 40 тысяч экземпляров.

2 апреля Диккенс женится на Кэтрин Томпсон Хогарт. Вместе с молодыми супругами поселяется Мэри Хогарт, шестнадцатилетняя сестра Кэтрин.

20 апреля Диккенс узнает из газет о самоубийстве Роберта Сеймура, иллюстратора «Записок Пиквикского клуба».

Чепмен и Холл поручают Диккенсу найти нового художника. Происходит первая встреча Диккенса с Теккереем, высказавшим желание стать иллюстратором «Записок Пиквикского клуба». Диккенс отклоняет его предложение и приглашает иллюстрировать свой роман художника Хэблота Найта Брауна (Физа). Браун иллюстрирует в дальнейшем и другие произведения писателя.

Май. Диккенс заключает соглашение с Макроуном, обязуясь в течение шести месяцев написать для него роман «Гейбриэл Варден, слесарь из Лондона». Гейбриэл Варден стал впоследствии одним из героев романа Диккенса «Барнеби Радж».

Диккенс начинает посещать салон леди Блессингтон, встречается здесь с виднейшими деятелями искусства и литературы. Бывает он и в салоне писателя Сэмюэла Роджерса.

Июнь. Публикуется памфлет Диккенса «Воскресенье в трех его аспектах». Это первое публичное выступление Диккенса в защиту интересов бедняков.

25 июля публикуется пятый выпуск «Записок Пиквикского клуба», в котором впервые появляется образ Сэмюэла Уэллера. Начиная с этого выпуска, успех «Пиквика» стремительно возрастает.

Август. Выходит второе издание «Очерков Боза» с новым предисловием автора.

22 августа Диккенс подписывает с издателем Ричардом Бентли договор на роман, не определив ни его заглавие, ни сюжет, ни срок представления рукописи. Выполняя договор, Диккенс создает «Приключения Оливера Твиста», роман, обличающий жестокость закона о бедных.

Сентябрь. В театре Сент-Джеймс идет премьера пьесы Диккенса «Чудак», написанной им для своего друга, актера Гарлея.

4 ноября Диккенс принимает на себя обязанности редактора «Альманаха» Ричарда Бентли.

Середина ноября. Диккенс прекращает репортерскую работу в «Морнинг кроникл».

6 декабря в театре Сент-Джеймс идет премьера оперы композитора Хулла «Деревенские кокетки», либретто которой написал Диккенс. Опера имеет успех у зрителей, критики же, в частности Джон Форстер в «Экзаминере», неодобрительно оценивают этот опыт Боза.

1837

Январь. Выходит первый номер «Альманаха», в котором печатается очерк Боза «Общественная жизнь мистера Талрамбла». С первого же номера «Альманах», к работе в котором Диккенс привлек виднейших писателей, завоевывает большую читательскую аудиторию.

Диккенс знакомится с Джоном Форстером (1812—1876). Форстер становится самым близким его другом и советчиком, а после смерти писателя — первым его биографом, автором трехтомной «Жизни Чарльза Диккенса».

6 января — рождение первого ребенка Диккенса — сына Чарльза.

1 февраля «Альманах» начинает печатать роман «Оливер Твист» с иллюстрациями Крукшенка. Читатели восторженно встречают новый роман Боза.

Февраль. Выходит вторая серия «Очерков Боза».

29 апреля в «Чемберс Джорнал» появляется сообщение, что псевдоним «Боз» принадлежит Чарльзу Диккенсу.

7 мая, в воскресенье, скоропостижно умирает Мэри Хогарт.

В июне Диккенс вместе с женой и художником Хэблотом Брауном проводит десять дней в Бельгии. В Брюсселе он знакомится с писателем Чарльзом Левером.

Июнь. Форстер знакомит Диккенса с трагиком Макриди, который становится одним из ближайших друзей писателя и его семьи.

Октябрь. В консервативном журнале «Квортерли ревью» помещается благожелательная рецензия на опубликованные семнадцать выпусков «Пиквикского клуба».

Ноябрь. У Диккенса возникает замысел романа «Жизнь и приключения Николаса Никльби».

27 ноября выходит последний выпуск «Записок Пиквикского клуба». Это событие отмечается банкетом литераторов, на котором председательствуют Диккенс и видный писатель и общественный деятель Тальфур. Издатели преподнесли Диккенсу серебряные ложки, ручки которых заканчивались фигурками пиквикистов. «Записки Пиквикского клуба» Диккенс посвящает Тальфуру.

Декабрь. Диккенс начинает писать серию очерков «О молодых джентльменах» для Чепмена и Холла (издана в 1838 г., а следующая серия — «О молодых супругах» — в 1840 г.).

1838

30 января Диккенс вместе с художником Хэблотом Брауном отправляется в Йоркшир, где они, под вымышленными именами, знакомятся с дешевыми школами для детей бедняков. Эти школы писатель намеревается описать в романе «Жизнь и приключения Николаса Никльби».

4 февраля в журнале «Экзаминер» печатается рецензия Диккенса «Возвращение на сцену подлинно шекспировского «Лира».

6 февраля, вернувшись в Лондон из Йоркшира, Диккенс в несколько дней заканчивает первую главу «Приключений Николаса Никльби». Он продолжает также работать над романом «Оливер Твист».

6 марта — рождение дочери писателя — Мэри Анджелы Диккенс.

1 апреля публикуется первый ежемесячный выпуск «Николаса Никльби» с предисловием автора. До 25 апреля расходится 50 тысяч экземпляров этого выпуска.

Июнь. Диккенса избирают в члены клуба «Атэнеум», в который принимались лишь выдающиеся деятели искусства, литературы, науки.

29 октября вместе с Хэблотом Брауном Диккенс совершает поездку в Средние графства, Северный Уэльс, Бирмингем и Манчестер. Посетив эти промышленные центры, Диккенс 1 ноября пишет жене: «Никогда в жизни я не видел такого скопища грязи, мрака и нищеты». Став незадолго до этого членом шек-

спировского общества, Диккенс посещает Стратфорд-он-Эйвон и Кенилворт.

Вернувшись из поездки 8 ноября, Диккенс изучает условия жизни беднейших кварталов Лондона. Помимо романов «Оливер Твист» и «Николас Никльби», он пишет также пьесу «Фонарщик», но эта пьеса нигде не ставилась.

Октябрь. С согласия Ричарда Бентли Диккенс выпускает «Приключения Оливера Твиста» отдельным изданием (в трех томах) еще до того, как было закончено опубликование романа в «Альманахе».

В театре «Адельфи» идет инсценировка опубликованной части «Николаса Никльби».

Ноябрь. В театре «Сэррей» идет бурлеск «Бунт в работном доме». Это инсценировка «Оливера Твиста», сделанная без разрешения автора.

1839

Начало января. Диккенс снова посещает Манчестер, где продолжает свои наблюдения над условиями жизни и труда рабочих.

Февраль. Диккенс уходит из «Альманаха». В «Альманахе» заканчивается публикация романа «Приключения Оливера Твиста».

Октябрь. Печатается последний выпуск «Приключений Николаса Никльби». Вскоре этот роман, посвященный Макриди, был издан отдельной книгой с портретом Диккенса, выполненным художником Крукшенком.

Выход романа отмечается банкетом литераторов. С этого времени устанавливается традиция — отмечать банкетом выход в свет произведений Диккенса.

29 октября — рождение второй дочери писателя — Кэтрин Макриди Диккенс.

1840

Январь. Диккенс задумывает издание серии новелл, очерков и т. п., предполагая назвать ее «Часы мистера Хамфри».

Февраль. Во «Фрейзерс мэгезин» появляется восторженная рецензия на «Оливера Твиста».

Конец февраля, начало марта. С женой, Форстером и Брауном Диккенс навещает живущего в Бате поэта-романтика Уолтера Севеджа Лэндера. Во время поездки у Диккенса возникает

сюжет «Лавки древностей», которую он намеревается включить в сборник «Часы мистера Хамфри».

По возвращении в Лондон Диккенс готовит к печати первый выпуск «Часов мистера Хамфри», который он теперь называет журналом. Иллюстрировать журнал Диккенс приглашает в конце марта художника Кеттермола.

1 апреля выходит первый номер журнала «Часы мистера Хамфри», содержащий, как и следующие выпуски, отдельные рассказы. Начиная с четвертого номера Диккенс приступает к публикации в нем романа «Лавка древностей» с иллюстрациями Джорджа Кеттермола и Брауна. Этот роман сразу завоевывает сердца читателей.

Апрель. Во «Фрейзерс мэгезин» печатается рецензия, отмечающая литературные достоинства и общественное значение романа «Жизнь и приключения Николаса Никльби».

Октябрь. Продолжая писать «Лавку древностей», Диккенс приступает к работе над «Барнеби Раджем», своим первым романом на историческую тему.

1841

17 января Диккенс заканчивает «Лавку древностей».

Январь. В журнале «Часы мистера Хамфри» начинается публикация романа «Барнеби Радж».

9 февраля — рождение сына писателя — Уолтера Севеджа Лэндера Диккенса.

Март. Диккенс получает письмо от американского писателя Вашингтона Ирвинга, который, тепло отзываясь о «Лавке древностей», приглашает его приехать в Америку.

3 апреля с женой, Форстером и Маклизом Диккенс отправляется в путешествие и посещает Ричмонд, Бирмингем, Стратфорд-он-Эйвон и Личфилд — родной город Сэмюэла Джонсона, писателя, лексикографа и критика XVIII века.

10 апреля на обеде в ознаменование выхода второго тома «Часов мистера Хамфри» Диккенс знакомится с Карлейлем.

1 мая в филадельфийской газете «Сатердей ивнинг пост» печатается рецензия американского поэта Эдгара По на первую часть «Барнеби Раджа»; автор рецензии остроумно предугадывает развитие сюжета этого романа.

Май. Диккенс получает предложение от избирателей Рединга баллотироваться в палату общин и отклоняет его.

22 июня Диккенс приезжает в Эдинбург по приглашению муниципалитета этого города.

25 июня — первый публичный триумф Диккенса — торжественный обед в Эдинбурге в его честь, устроенный муниципалитетом.

Июнь. Диккенс получает предложение избирателей Шотландии баллотироваться в палату общин и отклоняет его.

6 сентября. Решив ехать в Америку, Диккенс подписывает соглашение с Чепменом и Холлом о выплате ему ежемесячной субсидии в счет гонорара за будущий роман, который он обязуется написать к ноябрю 1842 года. Он обещает издателям написать также книгу о своем путешествии по Америке.

Ноябрь. Диккенс заканчивает «Барнеби Раджа».

27 ноября выходит последний номер «Часов мистера Хамфри» с последней частью «Барнеби Раджа».

1842

4 января вместе с женой Диккенс отплывает из Ливерпуля в Америку.

19 января Диккенс прибывает в Галифакс, где ему устраивают торжественную встречу.

22 января Диккенс прибывает в Бостон, где его чествуют как гостя американской нации.

5 февраля, в своей речи на торжественном банкете в Бостоне, Диккенс поднимает вопрос о необходимости международной конвенции об авторском праве. Американские издатели враждебно относятся к этому предложению.

Февраль. Диккенс знакомится с крупнейшими американскими писателями — Г. Лонгфелло, У. К. Брайантом и др.

7 февраля на банкете в Хартфорде Диккенс снова затрагивает вопрос о международном авторском праве. В газете «Хартфорд таймс» на следующий день появляется резкая статья в адрес Диккенса.

11 февраля Диккенс приезжает в Нью-Хейвен.

Середина февраля — Диккенс знакомится в Нью-Йорке с Вашингтоном Ирвингом, который поддерживает его предложение о международном авторском праве. Поддерживает его и газета «Нью-Йорк трибюн».

24 февраля Диккенс на три дня приезжает в Филадельфию. Он встречается с Эдгаром По, который принес ему две свои

рецензии на роман «Барнеби Радж» и сборник своих рассказов «Гротески и арабески».

Март. В Вашингтоне Диккенса принимает американский президент. Как почетный гость Диккенс посещает палату представителей и сенат и передает в эти учреждения копию петиции об авторском праве, подписанной в Нью-Йорке Вашингтоном Ирвингом и другими американскими писателями (Прескоттом, У. К. Брайантом и др.).

Март. Диккенс посещает Ричмонд, Балтимор, Гаррисбург, Питтсбург, Цинциннати, Сент-Луис и др.

В письмах к Форстеру из Вашингтона от 21 марта, к Макриди из Балтимора от 22 марта и к другим Диккенс высказывает свое разочарование Америкой, свое возмущение рабовладельческой системой.

Апрель. В Канаде Диккенс получает через Форстера письмо английских писателей о международном авторском праве и пересылает его в редакцию бостонской газеты «Ивнинг пост».

Между 20 и 25 мая в Монреале, в офицерском гарнизонном клубе, состоялись два поставленных Диккенсом любительских спектакля пьес «Роланд вместо Оливера», «Два часа утра», «Глухой как пробка». В этих пьесах играет и Диккенс.

Июнь. Диккенс возвращается в Англию. С этого времени его свояченица, шестнадцатилетняя Джорджина Хогарт (1827—1917), поселяется в его семье.

7, 14 и 16 июля в «Экзаминере», «Атэнеуме» и «Морнинг пост» печатается письмо Диккенса о его попытках добиться в Америке установления международного авторского права.

Август — сентябрь. Диккенс работает над «Американскими заметками».

Начало октября. Диккенс заканчивает «Американские заметки». В специальной главе, названной им «Необходимая всем читателям», он осуждает американский государственный строй. По совету друзей (в первую очередь Форстера) он отказывается от мысли печатать эту главу. Впервые она публикуется после смерти Диккенса, в его биографии, написанной Форстером.

18 октября выходят «Американские заметки», которые Диккенс посвящает «...тем из моих друзей в Америке... кому любовь к родине не мешает выслушать истину». До конца года выходят еще четыре издания этой книги.

По выходе «Американских заметок» в некоторых американских газетах появляются злобные статьи в адрес Диккенса.

В лондонском журнале «Фрейзерс мэгезин» печатается рецензия на «Американские заметки», в которой отмечаются достоинства книги.

Октябрь. У Диккенса гостит приехавший из Америки Лонгфелло, который считает, что «Американские заметки» — «благожелательны и строги», а глава о рабстве великолепна.

Вместе с Форстером, с художниками Маклизом и Стэнфилдом Диккенс путешествует по Корнуоллу, природу которого он описывает в начальных главах своего нового романа. Писать этот роман он начинает по возвращении в Лондон.

Начало декабря. Диккенс закончил первый ежемесячный выпуск романа, который он называет «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита». Это произведение Диккенс посвящает мисс Кутс.

1843

Январь. Начинается публикация «Мартина Чезлвита» (заканчивается в июле 1844 г.).

Вскоре в американских газетах появляется много резких статей об этом романе и о его авторе.

4 марта в «Экзаминере» печатается рецензия Диккенса «Макриди в роли Бенедикта».

4 апреля Диккенс произносит речь на обеде, устроенном Пенсионным обществом печатников.

3 июня в «Экзаминере» печатается пародийная статья Диккенса «Доклад комиссии, обследовавшей положение и условия жизни лиц, занятых различными видами умственного труда в Оксфордском университете».

4 и 6 октября Диккенс председательствует вместе с Кобденом и Дизраэли на открытии клуба «Атэнеум» в Манчестере. В своей речи он говорит о необходимости распространения образования в народе.

В октябре Диккенс пишет свой первый рождественский рассказ — «Рождественская песнь в прозе». Он приходит к решению писать рождественские рассказы ежегодно.

1 и 2 ноября пишет Форстеру о своей усталости, о желании поселиться на некоторое время с семьей за границей, написать там новый роман и издать его в Париже.

Декабрь. Выходит «Рождественская песнь» с четырьмя иллюстрациями в красках Джона Лича. Рассказ имеет успех, но Диккенс получает за него от издателей денег вдвое меньше, чем ожидал. Он решает прекратить издание своих произведений у Чепмена и Холла.

1844

Январь. Диккенс пишет предисловие к книге стихов рабочего Джона Оверса «Вечерний досуг рабочего», которая выходит в июне этого года.

15 января — рождение сына писателя — Френсиса Джеффри Диккенса.

18 января происходит суд по иску Диккенса о пиратских перепечатках «Мартина Чезлвита» и «Рождественской песни». Иск Диккенса не удовлетворен, и ему пришлось уплатить значительную часть судебных издержек. «Ко мне, требующему самого естественного права,— пишет Диккенс,— отнеслись буквально так, как если бы я был не ограбленным, а грабителем».

26 февраля Диккенс произносит речь на вечере в школе для рабочих в Ливерпуле, а 28 февраля — в такой же школе в Бирмингеме.

9 марта в «Морнинг кроникл» печатается статья Диккенса «Интересы сельского хозяйства».

Май. В издаваемом поэтом Томасом Гудом журнале «Гудс Мэгезин энд Комикл Мисселени» печатается сатирическая статья Диккенса «Угрожающее письмо Томасу Гуду от некоего почтенного старца».

Июнь. Диккенс порывает с Чепменом и Холлом и подписывает соглашение с Брэдбери и Эвансом на издание своих произведений.

Июль. Выходит последний выпуск «Мартина Чезлвита». На банкете в честь этого события Диккенс знакомится со знаменитым английским художником Тернером.

Середина июля. Диккенс уезжает с семьей в Италию.

16 июля Диккенс обосновывается в предместье Генуи. Здесь он встречается с литераторами (в частности, с Ламартином).

Первые числа октября. Диккенс начинает писать новый рождественский рассказ «Колокола».

Октябрь. Посылая Форстеру первую часть своего рассказа, Диккенс сообщает его подробный план и пишет, что страдал и плакал вместе со своими героями, словно они живые люди.

3 ноября Диккенс сообщает Форстеру: «Слава богу! Я кончил «Колокола»!»

6 ноября Диккенс начинает путешествие по Италии, посещает Парму, Венецию, Верону, Мантую, Кремону, Милан и др. итальянские города.

1 декабря Диккенс приезжает на несколько дней в Лондон.

3 декабря Диккенс читает «Колокола» друзьям, собравшимся у Форстера. Это знаменательное в творческой жизни Диккенса событие запечатлено художником Маклизом, зарисовавшим всех присутствовавших — Диккенса, его брата Фредерика, Фокса, Карлейля, Джеролда, Блэнчарда, Стэнфилда, писателей Дайса, Гарнесса, Форстера и самого себя.

4 декабря по просьбе друзей Диккенс повторяет чтение «Колоколов» в присутствии Макриди.

9 декабря. По дороге из Лондона в Геную Диккенс останавливается на некоторое время в Париже, чтобы встретиться с гастролировавшим там после возвращения из США Макриди. Вместе с ним Диккенс бывает в парижских драматических и оперных театрах. Он знакомится с французскими писателями (В. Гюго, Теофилем Готье, Александром Дюма, А. де Виньи), актерами, художниками (Деларошем, Делакруа), историками Мишле и Кинэ.

22 декабря Диккенс возвращается в Геную.

Выходят в свет «Колокола»,— повесть, в которой, по словам самого Диккенса, он выступил защитником бедняков и которую он любит больше других своих произведений.

1845

С января по июнь Диккенс путешествует по Италии вместе с женой и Джорджиной Хогарт. 30 января приезжает в Рим. О своих путевых впечатлениях рассказывает в письмах к Форстеру.

Июнь. Диккенс возвращается в Лондон. Вскоре он принимается за осуществление своей идеи — постановки любительского спектакля, возникшей у него после декабрьского чтения «Колоколов».

Лето. Диккенс пишет рождественскую повесть «Сверчок за очагом». Одновременно он приступает к осуществлению своего давнишнего замысла — изданию литературной прогрессивной газеты; приглашает своим заместителем Уилса, привлекает к сотрудничеству лучших журналистов, издателей Брэдбери и Эванса, политических деятелей, состоятельных людей, способных субсидировать это начинание.

21 сентября в театре «Ройалти» с успехом идет премьера первого поставленного Диккенсом любительского спектакля — пьесы Бена Джонсона «Всяк в своем нраве», в которой играют Диккенс (роль Бобадила) и его друзья — литераторы и художники.

Вскоре та же труппа показывает в постановке Диккенса пьесу Бомонта и Флетчера «Старший брат».

28 октября — рождение сына писателя — Альфреда д'Орсэ Теннисона Диккенса.

15 ноября в театре Сент-Джеймс повторяется спектакль «Всяк в своем нраве».

Декабрь. Выходит рождественский рассказ «Сверчок за очагом» с гравюрами Маклиза, Дойла, Лича, Стэнфилда и Ландсира. Диккенс посвящает его критику Френсису Джеффри.

«Таймс» выступает с резкой критикой этого рассказа, а у читателей он пользуется успехом. Инсценировка «Сверчка за очагом» идет в двенадцати лондонских театрах.

1846

21 января выходит первый номер созданной Диккенсом газеты «Дейли Ньюс». В ней публикуется первое из писем Диккенса о его путешествии по Италии (последнее — 2 марта).

Через несколько дней после выхода «Дейли Ньюс» Диккенс признается Форстеру в своем желании отказаться от газеты, уехать снова за границу и написать там новую книгу для дешевого издания.

4 февраля в «Дейли Ньюс» печатается письмо Диккенса «Преступность и образование».

9 февраля Диккенс передает Форстеру свой пост редактора «Дейли Ньюс».

Март. Выходят «Картины Италии» за подписью Боза, пред-

ставляющие собой обработку опубликованных в «Дейли Ньюс» писем Диккенса о его путевых впечатлениях.

9, 13 и 16 марта в «Дейли Ньюс» — три письма Диккенса, в которых он осуждает публичную казнь.

31 мая Диккенс уезжает с семьей в Швейцарию.

11 июня — поселяется с семьей в Лозанне.

Конец июня. Диккенс начинает работать над романом «Домби и Сын», а вскоре и над новым рождественским рассказом — «Битва жизни».

Все лето и осень Диккенс ведет деятельную переписку с Форстером, делится с ним новыми творческими замыслами — ему хочется написать историю человека, приговоренного к длительному тюремному заключению (этот замысел осуществится лишь в «Повести о двух городах»).

25 июля Диккенс подробно рассказывает Форстеру сюжет романа «Домби и Сын», историю каждого из его героев.

Начало октября. В Лондоне публикуется первый выпуск романа «Домби и Сын». Успех этого выпуска огромен.

10 октября Диккенс читает законченные главы «Домби и Сына» своим швейцарским друзьям. С этого времени он начинает думать об организации публичных чтений своих произведений.

14 октября Диккенс заканчивает «Битву жизни».

19 октября Диккенс приезжает на несколько дней в Женеву, где становится свидетелем политического переворота и победы радикалов, которым, как он пишет Форстеру, он сочувствует.

26 октября Диккенс возвращается в Лозанну из Женевы. Он снова работает над «Домби и Сыном».

9 ноября заканчивает третий выпуск этого романа.

В одном из ноябрьских писем Диккенс впервые признается Форстеру в своем желании поделиться с ним воспоминаниями детства, написать свою автобиографию. Фрагмент автобиографии он пишет, по-видимому, по возвращении в Англию.

16 ноября Диккенс покидает Швейцарию.

20 ноября Диккенс приезжает с семьей в Париж.

15 декабря Диккенс приезжает в Лондон, чтобы осуществить дешевое издание своих произведений с новыми предисловиями к ним. Это издание он посвящает английскому народу.

23 декабря Диккенс возвращается в Париж. Тревожная по-

литическая атмосфера Парижа вызывает у него мысль о том, что Франция находится накануне революции.

Декабрь. В Лондоне выходит рождественский рассказ «Битва жизни». В «Таймсе» появляется недоброжелательная рецензия. У читателей «Битва жизни» пользуется еще большим успехом, чем два предыдущих рождественских рассказа.

1847

В этом году выходит с предисловием автора первое дешевое издание «Посмертных Записок Пиквикского клуба».

Январь. Вместе с приехавшим в Париж Форстером и с Джорджиной Хогарт Диккенс посещает театры, музеи, литературные салоны, встречается со своим другом актером Ренье, с писателями — Шатобрианом, Ламартином, Александром Дюма-отцом, Эженом Сю, Теофилем Готье, Альфонсом Карром; он посещает Виктора Гюго.

Март. Диккенс возвращается из Франции в Лондон.

18 апреля — рождение сына писателя — Сиднея Смита Холдимэнда Диккенса.

16 июля в Лондоне и *26 июля* в Манчестере Диккенс показывает свою постановку пьесы Бена Джонсона «Всяк в своем нраве», играет в ней роль Бобадила и читает пролог к пьесе, написанный Тальфуром.

28 июля в Ливерпуле идет тот же спектакль. Сборы с обоих спектаклей поступают в пользу писателя Ли Ханта.

Лето. Диккенс знакомится с приехавшим в Лондон Гансом Христианом Андерсеном и преподносит ему свои книги с надписью «Гансу Христиану Андерсену от его друга и почитателя Чарльза Диккенса». После отъезда Андерсена из Англии между писателями возникает дружеская переписка.

Осень. Диккенс работает над «Домби и Сыном».

1 декабря Диккенс председательствует и выступает с речью на собрании Общества рабочих в Лидсе.

28 декабря Диккенс приезжает в Шотландию. Он председательствует и выступает с речью на открытии клуба «Атэнеум» в Глазго. Затем он совершает небольшое путешествие по Шотландии.

Вернувшись в Лондон, он приступает к подготовке новых любительских спектаклей в пользу фонда дома Шекспира в Стратфорд-он-Эйвоне.

Выходят первые дешевые издания романов «Николас Никльби» и «Лавка древностей».

Февраль. В письмах Диккенса февральская революция во Франции находит восторженный, но несколько иронический отклик.

Работая над романом «Домби и Сын», Диккенс одновременно готовит со своими друзьями-любителями постановку комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы». Для роли миссис Куикли он приглашает знатока творчества Шекспира Мэри Коуден-Кларк, а сам берет себе роль судьи Шеллоу. Фальстафа играет Марк Лемон.

Март. Диккенс заканчивает роман «Домби и Сын».

Апрель. Публикуется последний выпуск «Домби и Сына».

10 апреля, во время демонстрации чартистов, Диккенс остается в Лондоне.

4 мая Диккенс знакомится с американским писателем Эмерсоном. На этой встрече присутствуют Карлейль и Форстер.

15 мая в театре Хеймаркет идет премьера поставленной Диккенсом комедии «Виндзорские насмешницы».

17 мая идет второй спектакль «Виндзорских насмешниц». На нем присутствуют королева Виктория с супругом.

17 июня Диккенс пишет доктору Д. Мойру, что убежден в важной общественной миссии литератора, что лично он счастлив, видя любовь к себе своих читателей и зная, что его книги несут им радость и утешение.

Лето. Диккенс работает над новым рождественским рассказом «Одержимый или сделка с призраком».

8 июля в еженедельнике «Экзаминер» печатается рецензия Диккенса на серию гравюр Крукшенка «Дети пьяницы».

2 сентября — смерть старшей сестры Диккенса Френсис Бернет.

1 декабря Диккенс закончил рождественский рассказ «Одержимый или сделка с призраком».

9 декабря в журнале «Экзаминер» печатается рецензия Диккенса на книгу писателя Роберта Ханта «Поэзия науки».

19 декабря вышел в свет рождественский рассказ Диккенса «Одержимый или сделка с призраком» с иллюстрациями Тенниеля, Лича, Стэнфилда и Фрэнка Стоуна. К вечеру этого дня

расходится 18 тысяч экземпляров. Рассказ инсценирует М. Лемон в конце декабря.

23 декабря в «Экзаминере» печатается статья Диккенса «О судейских речах».

30 декабря в «Экзаминере» печатается рецензия Диккенса «Молодое поколение» Лича».

1849

Январь. Диккенс получает письмо из Петербурга от русского переводчика Иринарха Введенского, приславшего ему свой перевод романа «Домби и Сын». Введенский сообщает в письме, что имя Диккенса пользуется славой «от берегов Невы до отдаленнейших мест в Сибири».

7 января вместе с Личем и Лемоном Диккенс совершает поездку в Норвич, в Ярмут.

10 января в Лондоне Диккенс начинает писать новый роман.

15 января — рождение сына писателя — Генри Филдинга Диккенса.

20 января в «Экзаминере» печатается статья Диккенса «Рай в Тутинге».

27 января в «Экзаминере» печатается статья Диккенса «Ферма в Тутинге».

Конец января. Вместе с Форстером Диккенс навещает в Бате поэта Лэндера.

Февраль. Диккенс начинает работать над новым романом. Он называет его «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим». К концу месяца Диккенс заканчивает две первые главы этого произведения.

21 апреля в «Экзаминере» печатается статья Диккенса «Приговор по делу Друэ».

Май. Опубликован первый из ежемесячных выпусков романа «Дэвид Копперфилд» (последний выпуск публикуется в ноябре 1850 г.).

13 ноября «Таймс» печатает письмо Диккенса, озаглавленное «Публичные казни».

17 ноября в «Таймсе» напечатано второе письмо Диккенса под тем же названием.

1850

Выходят первые дешевые издания «Оливера Твиста» и «Очерков Боза».

Январь. Диккенс занят организацией издания журнала, который он решает назвать «Домашнее чтение». Он приглашает своим заместителем Уилса. К работе в журнале он привлекает не только опытных писателей, но и начинающих (Генри Морли, Дж. Сейла, У. Аллингхема, Дж. Мередита, Уилки Коллинза и др.), которые так же, как старшее поколение, разделяют и его демократические устремления, и его эстетические взгляды.

31 января Диккенс приглашает сотрудничать в своем журнале писательницу Элизабет Гаскелл.

30 марта выходит первый номер «Домашнего чтения», в котором Диккенс, обращаясь к читателям, разъясняет цели своего журнала.

С первого же номера в журнале, охватывающем широкий круг вопросов международной и внутренней жизни, науки, техники, искусства, литературы, Диккенс печатает свои публицистические статьи, рассказы, очерки. Он редактирует весь материал, пишет авторам подробные отзывы об их произведениях, вникает во все мелочи издательского дела, касающиеся как чисто литературной, так и практической стороны. Весь материал печатается в журнале без указания фамилий авторов.

30 марта в журнале «Домашнее чтение» напечатана статья Диккенса «Развлечения для народа» (окончание в номере от 30 апреля).

6 апреля в «Домашнем чтении» помещается рассказ Диккенса «Сон ребенка о звезде», навеянный воспоминаниями о его покойной сестре Фанни, о годах детства, проведенных в Чатаме.

20 апреля в «Домашнем чтении» напечатана первая часть серии статей Диккенса, озаглавленной «Предположим!», на злободневные общественные и политические темы.

27 апреля в «Домашнем чтении» помещена статья Диккенса «Узники-баловни».

11 мая. Там же — юмористический рассказ Диккенса «Мысли ворона из «Счастливого семейства» (окончание появилось в номере от 8 июня).

6 июня Диккенс заканчивает первую половину романа «Дэвид Копперфилд».

15 июня в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Старые лампы взамен новых».

22 июня в «Домашнем чтении» — статья Диккенса «Воскресные тиски».

Июль. Диккенс вместе с Маклизом предпринимает поездку в Париж, где они осматривают музеи и художественные галереи, посещают театры. После спектакля с участием Ренье и Рашели Диккенс пишет Форстеру: «Зрители разразились громом аплодисментов, когда Брут (шла «Лукреция» Гюго) стал произносить свой монолог о свободе».

10 августа — рождение дочери писателя — Доры Энн Диккенс.

Сентябрь. Диккенс заключает договор с лейпцигским издателем Б. Таухницем на издание всех своих произведений в немецком переводе.

19 октября «Домашнее чтение» печатает «Рассказ бедняка о патенте» Диккенса.

26 октября в «Домашнем чтении» печатается сатирическая статья Диккенса «Шустрые черепахи».

Ноябрь. Диккенс и Бульвер-Литтон приходят к мысли о необходимости создать «Гильдию литературы и искусства», которая защищала бы интересы писателей и художников. Чтобы собрать необходимые для Гильдии средства, Диккенс и Бульвер-Литтон решают поставить любительский спектакль.

В течение ноября группа любителей во главе с Диккенсом дает три представления пьесы Бена Джонсона «Всяк в своем нраве» в имении Бульвер-Литтона.

20 ноября Диккенс заканчивает роман «Дэвид Копперфилд».

Декабрь. Опубликован последний выпуск «Дэвида Копперфилда». Вскоре выходит и отдельное издание этого романа.

В «Домашнем чтении» появляется рассказ Диккенса «Рождественская елка».

1851

С начала января до середины мая Диккенс занят постановкой пьесы Бульвер-Литтона «Не так плохи, как кажемся» и водевиля Марка Лемона «Дневник мистера Найтингела». На репетициях Диккенс сближается с молодым литератором Уилки Коллинзом, также примкнувшим к его любительской труппе. Коллинз становится его другом, порой и соавтором, а несколько позже и постоянным сотрудником «Домашнего чтения».

11 января в «Домашнем чтении» — статья Диккенса «О железнодорожной забастовке».

25 января в «Домашнем чтении» начинает печататься «История Англии для детей».

15 февраля в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Красная Тесьма».

31 марта — смерть Джона Диккенса, отца писателя.

14 апреля — смерть маленькой дочери Диккенса Доры Энн.

Май. В «Домашнем чтении» — статья Диккенса «Гильдия литературы и искусства».

16 мая. Во дворце герцога Девонширского идет поставленная Диккенсом пьеса Бульвер-Литтона «Не так плохи, как кажемся» с участием Диккенса. На спектакле присутствовали королева Виктория с супругом.

Лето. Любительская труппа Диккенса с успехом дает спектакли в Лондоне и в других городах, делая большие сборы, ставит пьесу «Не так плохи, как кажемся» и водевиль «Дневник мистера Найтингела», в котором Диккенс блестяще играет шесть ролей, проявляя присущий ему редкий дар перевоплощения.

Декабрь. В рождественском номере «Домашнего чтения» — очерк Диккенса «Чем становится для нас рождество, когда мы взрослеем».

1852

Январь и первая половина февраля. В Дерби, Шеффилде, Ноттингеме, Сандерленде, Ньюкасле, Манчестере и Ливерпуле с большим успехом проходят любительские спектакли, поставленные Диккенсом в пользу «Гильдии литературы и искусства». Диккенс работает над романом «Холодный дом».

1 марта публикуется первый ежемесячный выпуск романа «Холодный дом» (последний — в сентябре 1853 г.).

13 марта — рождение сына писателя — Эдварда Бульвер-Литтона Диккенса.

26 июня в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Букмекерские конторы».

2 сентября Диккенс присутствует вместе со своей любительской труппой на открытии публичной библиотеки в Манчестере.

Осень. Диккенс живет некоторое время в Булони. Работая над «Холодным домом», он успевает читать и редактировать весь материал, предназначаемый для «Домашнего чтения».

Ноябрь. Диккенс возвращается в Лондон.

25 декабря, помимо очередного, выходит дополнительный номер «Домашнего чтения» с рождественским рассказом «История одного ребенка».

1853

6 января Диккенс выступает с речью в Бирмингеме на банкете в честь литературы и искусства. Его чествуют как национального писателя. В своей речи он говорит об обязанностях деятелей искусства и литературы перед народом.

12 февраля в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Предложения по поводу того, как позабавить потомство».

Июнь. Диккенс принимает приехавшего в Англию русского переводчика Иринарха Введенского. «Два часа, проведенные у Диккенса, останутся навсегда мне памятными как лучшие минуты моей жизни»,— вспоминает потом Введенский.

Конец июня — сентябрь. Диккенс с семьей в Булони, где он продолжает писать «Холодный дом».

Август. Диккенс заканчивает в Булони «Холодный дом».

23 сентября в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Шутки коронных и совестных судов».

Сентябрь. Опубликован последний выпуск «Холодного дома». Диккенс и его семья возвращаются в Лондон.

8 октября в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «О том, что недопустимо».

Октябрь — декабрь. Диккенс путешествует по Швейцарии и Италии. В Лозанне к нему присоединяются художник Огастес Эгг и Уилки Коллинз. В Неаполе происходит его знакомство с Генри Лейардом, ученым-археологом и общественным деятелем либерального направления. 13 ноября Диккенс вместе с Лейардом совершает восхождение на Везувий.

10 декабря в «Домашнем чтении» печатается последняя часть «Истории Англии для детей».

В середине декабря Диккенс возвращается в Лондон.

27 декабря в Бирмингеме, в городской ратуше, Диккенс впервые публично выступил с чтением «Рождественской песни».

29 декабря. Там же Диккенс читает рассказ «Сверчок за очагом».

31 декабря Диккенс читает «Рождественскую песнь» аудитории бирмингемских рабочих.

1854

6 января в доме Диккенса в его постановке идет бурлеск Филдинга «Мальчик с пальчик». В спектакле играют Диккенс, М. Лемон и их дети. Среди гостей — Теккерей с дочерьми.

Январь. Диккенс решает печатать в «Домашнем чтении» собственное крупное произведение, чтобы поднять тираж журнала. Он приступает к созданию романа «Тяжелые времена».

13 января Диккенс пишет Чарльзу Найту о своем будущем романе: «Моя сатира направлена против тех, кто не видит ничего, кроме цифр и среднестатистических данных».

Январь. Диккенс едет в Престон, чтобы на месте ознакомиться с забастовкой рабочих, длившейся в этом городе уже много недель.

11 февраля в «Домашнем чтении» помещается статья Диккенса «О забастовке».

1 апреля в «Домашнем чтении» печатается начало романа «Тяжелые времена». В течение ближайших двух месяцев тираж «Домашнего чтения» возрастает вдвое.

С 18 июня по октябрь Диккенс живет с семьей в Булони.

17 июля Диккенс заканчивает роман «Тяжелые времена». Он посвящает его Карлейлю.

12 августа в «Домашнем чтении» печатается заключительная часть романа «Тяжелые времена».

2 сентября в «Домашнем чтении» публикуется статья Диккенса «Мало кому известно...».

7 октября в «Домашнем чтении» публикуется статья Диккенса «К рабочим людям».

Октябрь. Возвратившись из Булони, Диккенс окунается в тревожную атмосферу Лондона. Он разделяет настроения передовых общественных деятелей, которые критикуют бездарное правительство за огромные ненужные потери под Севастополем, за страдания народа.

18 ноября в «Домашнем чтении» печатается сатирическая статья Диккенса «Размышления лорд-мэра».

25 ноября в «Домашнем чтении» печатается памфлет Диккенса «Сомнамбулистка мистера Буля».

2 декабря в «Домашнем чтении» — статья Диккенса «Погибшие исследователи Арктики».

Декабрь. Диккенс выступает в Рединге, Шерборне и Брэдфорде с чтением «Рождественской песни».

30 декабря на обеде в Лондонской школе коммивояжеров Диккенс выступает с речью, в которой характеризует общественную обстановку, созданную в стране войной.

1855

6 января у Диккенса в доме идет поставленный им спектакль «Фортунио и его семь ловких слуг» Планше. Играют дети Диккенса и их друзья, сам Диккенс, Марк Лемон и Уилки Коллинз.

3 февраля в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Та, другая публика».

10 февраля, накануне отъезда в Париж, Диккенс неожиданно получает письмо от Марии Биднелл, которая была его первой юношеской любовью. Диккенс немедленно отвечает ей взволнованным письмом.

11 февраля Диккенс уезжает с У. Коллинзом в Париж, где они проводят две недели.

17 февраля в «Домашнем чтении» печатается очерк Диккенса — «Принц Бык».

7 марта, увидевшись с пожилой матроной Марией Биднелл-Винтер, Диккенс решительно уклоняется от дальнейших встреч и ограничивается короткими ответами на ее письма. В июне этого года Диккенс выражает соболезнование по поводу смерти второго ребенка Марии. В ноябре 1859 года он отвечает вежливым отказом на ее просьбу помочь ей в связи с банкротством ее мужа. Наконец, последнее коротенькое письмо — от 17 ноября 1862 года написано Диккенсом по случаю смерти отца Марии.

10 марта в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Псам на съедение».

24 марта в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Лицемерие».

В апреле — мае Диккенс сближается с Лейардом (которого он считает «самым полезным человеком в парламенте») и предлагает ему через своих друзей-литераторов начать кампанию в печати в поддержку прогрессивных предложений Лейарда, отклоняемых парламентом. Диккенс решает печатать в «Домашнем чтении» статьи, обличающие правительство, и призывает к этому и своих друзей — Марка Лемона, Шерли Брукса, Джерролда, Форстера.

21 апреля в «Домашнем чтении» печатается сатира Диккенса на парламент и Пальмерстона «Тысяча и одно жульничество», написанная еще в 1832 году.

5 мая Диккенс присутствует на публичном собрании, организованном Лейардом в театре Друри-Лейн. Собрание выносит

решение организовать Ассоциацию по проведению реформы управления государством.

15 мая Диккенс пишет мисс Кутс, по мнению которой Лейард своей деятельностью разжигает классовый антагонизм: «Я же считаю, что... именно она (аристократия.— *Ред.*) противопоставила себя всей стране, а вовсе не страна противопоставила себя аристократии».

Май. Диккенс начинает работать над новым романом, обличающим современное английское общество. Вначале он думает назвать его «Никто не виноват», и лишь после окончания 4-го выпуска останавливается на заглавии «Крошка Доррит».

26 мая в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Родословное древо».

9 июня в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Грошовый патриотизм».

Июнь. Диккенс выступает с речью на собрании театрального фонда.

16, 18 и 19 июня Диккенс ставит у себя в Тэвисток-хаусе («в самом маленьком театре в мире») — мелодраму Коллинза «Маяк», водевиль М. Лемона «Дневник мистера Найтингела». В спектаклях участвуют сам Диккенс, его дочери, Джорджина Хогарт, У. Коллинз, О. Эгг, М. Лемон, Фрэнк Стоун.

27 июня Диккенс выступает с политической речью на собрании Ассоциации по проведению реформы управления государством. Он резко критикует премьер-министра Пальмерстона, позволившего себе оскорбительно отозваться об Ассоциации, обвиняет в бездействии парламент и всю английскую бюрократическую машину и говорит, что цель Ассоциации — добиться реформ, которые улучшили бы жизнь народа.

4 августа в «Домашнем чтении» идет статья Диккенса «Большой ребенок».

11 августа в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Наша комиссия».

Середина сентября. Диккенс заканчивает второй выпуск романа «Крошка Доррит» и приступает к работе над третьим.

19 сентября в «Домашнем чтении» идет очерк Диккенса «Отдых от столичной суеты».

4 октября Диккенс выступает с чтением «Рождественской песни» в пользу педагогического института в Фолкстоне.

11 октября Диккенс председательствует на обеде, устроен-

ном в честь Теккерея, едущего в Америку с чтением своих лекций «Четыре Георга».

13 октября. Диккенс уезжает с семьей во Францию.

Имя Диккенса уже хорошо известно французам; многие его книги изданы на французском языке; в журнале «Ревю де дё Монд» напечатана статья И. Тэна «Диккенс, его талант и его произведения». Диккенса чествуют как знаменитого английского писателя. У Эжена Сю он знакомится с композитором Обером, с переводчиком «Дэвида Копперфилда» Амедеем Пишо. Он возобновляет и свое знакомство с Ламартином.

Диккенс заключает договор на издание всех своих произведений во французском переводе.

3 ноября в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Некоторое сомнение во всемогуществе денег».

Середина ноября. Закончив в Париже три выпуска «Крошки Доррит», Диккенс на некоторое время приезжает в Лондон по делам своего журнала.

Декабрь. Публикуется первый ежемесячный выпуск «Крошки Доррит» (заканчивается в июне 1857 г.). Успех этого выпуска представляется Диккенсу «необыкновенно многообещающим началом».

18 декабря Диккенс выступает в Питерборо и Шеффилде с чтением «Рождественской песни» в пользу школы для рабочих.

24 декабря писатель возвращается в Париж.

25 декабря в «Домашнем чтении» печатается рождественский рассказ Диккенса «Остролист».

1856

Январь. Диккенс работает над пятым выпуском «Крошки Доррит».

10 января в доме Полины Виардо Диккенс знакомится с писательницей Жорж Санд.

18 января в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Островизмы».

26 января в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Ночная сценка в Лондоне».

2 февраля в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Друг львов».

1 марта в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Почему?».

14 марта Диккенс покупает дом в Рочестере — Гэдсхилл, в котором он мечтал жить еще ребенком. В Гэдсхилл Диккенс переезжает в конце 1857 года и живет в нем до своей смерти.

Вместе с приехавшим во Францию Коллинзом Диккенс посещает театры, литературные салоны, совершает прогулки по Парижу.

Май. Диккенс приезжает в Лондон. Работая над романом «Крошка Доррит» и над изданием своего журнала, он также приступает к осуществлению нового любительского спектакля, для которого поручает Коллинзу написать мелодраму о гибели арктической экспедиции Франклина.

3 мая в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса «Проект Всебританского сборника анекдотов».

10 мая в «Домашнем чтении» публикуется статья Диккенса «Железнодорожные грезы».

9 июня Диккенс поселяется в Булони, где проводит лето с семьей.

28 июня в «Домашнем чтении» идет очерк Диккенса «Мертвый сезон».

8 сентября Диккенс с семьей возвращается в Англию.

16 октября Диккенс начинает регулярные репетиции мелодрамы Коллинза «Замерзшая пучина». В ней играют сам Диккенс, его старший сын Чарльз, обе дочери, Джорджина Хогарт и Уилки Коллинз. Декорации рисуют Стэнфилд и Телбин.

Декабрь. Выходит рождественский рассказ «Гибель «Золотой Марии», написанный Диккенсом совместно с Уилки Коллинзом.

1857

Во французском издании «Николаса Никльби» печатается обращение Диккенса к французскому читателю.

6 января. В доме у Диккенса идет премьера мелодрамы Коллинза «Замерзшая пучина».

8, 12, 14 января с успехом идет «Замерзшая пучина».

Зима и весна. Диккенс занят своим журналом, делами «Гильдии литературы и искусства», перепиской с авторами.

Июнь. Печатается последний выпуск романа «Крошка Доррит», который затем выходит отдельным изданием.

20 июня в «Домашнем чтении» публикуется статья Диккенса «Самый Достоверный Источник».

Июль. Диккенс ставит в Лондоне мелодраму Коллинза «Замерзшая пучина» в пользу фонда помощи семье покойного писателя. Джеролда. На одном из спектаклей присутствует вместе со всем двором королева. По окончании спектакля королева пожелала, чтобы ей представили Диккенса. Он отклоняет ее приглашение, так как не желает предстать перед нею в театральном наряде.

Ганс Христиан Андерсен, гостивший в это время в Гэдсхилле и видевший игру Диккенса в мелодраме Коллинза, пишет: «Диккенс, без всякого сомнения, и великий актер и поразительный романист. Как человек — он один из самых привлекательных, каких мне только посчастливилось увидеть».

31 июля Диккенс читает в Манчестере «Рождественскую песнь». Сбор идет в фонд помощи семье Джеролда.

1 августа в «Домашнем чтении» публикуется статья Диккенса «Любопытная опечатка в «Эдинбургском обозрении».

21 и 22 августа в Манчестере идет постановка Диккенса «Замерзшая пучина». Вместо любительниц (дочерей Диккенса и Джорджины Хогарт) женские роли в этих спектаклях играют профессиональные актрисы — миссис Тернан и две ее дочери Мария и Эллен. Диккенс увлекается Эллен Тернан.

Сентябрь. Диккенс признается Форстеру, что в его семейной жизни наступил серьезный кризис.

Конец сентября — октябрь. Вместе с У. Коллинзом Диккенс совершает путешествие по Корнуоллу. Из путешествия Диккенс возвращается в угнетенном состоянии духа. Он не может писать. Он занят идеей платных публичных чтений своих произведений. Форстер пытается отговорить его от этой мысли.

Октябрь. В «Домашнем чтении» печатается рассказ «Ленивое путешествие двух праздных подмастерий» (написан в соавторстве с Коллинзом).

Декабрь. Диккенс читает свои произведения в Ковентри и Чатаме.

1858

В этом году выходит первое дешевое издание романов «Дэвид Копперфилд», «Домби и Сын» и «Холодный дом» и сборник очерков и статей Диккенса, ранее напечатанных в «Домашнем чтении».

Январь. Диккенс читает свои произведения в Бристоле.

Март. Диккенс расходится с женой, и она вместе со старшим сыном покидает его дом.

2 апреля в «Домашнем чтении» печатается объявление о предстоящих публичных чтениях Диккенса в Лондоне, в помещении Сент-Мартинс Холла. Диккенс тщательно готовит программу чтений, драматизирует выбранные им сцены из своих произведений, репетирует их.

15 апреля Диккенс читает «Рождественскую песнь» в пользу Лондонской детской больницы.

29 апреля Диккенс выступает в Лондоне с первым из своих шестнадцати платных публичных чтений.

Диккенс приступает к созданию нового большого произведения — исторического романа о французской революции. Он изучает книги, посвященные этой эпохе, в частности, труд Карлейля «История французской революции».

1 мая в «Домашнем чтении» печатается статья Диккенса, озаглавленная «Будьте добры, оставьте зонтик».

12 июня в «Домашнем чтении» Диккенс, вопреки совету Форстера, публикует письмо, в котором он разъясняет читателям причины, побудившие его расстаться с женой. Он просит своего друга, редактора журнала «Панч» Марка Лемона, опубликовать это письмо и, когда тот отказывается, порывает с ним.

2 августа Диккенс начинает свои выступления в английских, шотландских и ирландских городах. В программе чтений: «Рождественская песнь», «Сверчок за очагом», «Сцена суда над мистером Пиквиком», «Вечеринка у Боба Сойера», «История маленького Домби», «Бедный путешественник», «Миссис Гэмп», «Рассказ коридорного гостиницы «Остролист».

13 ноября Диккенс заканчивает свои выступления, которые прошли с подлинным триумфом. Он пишет Уилсу, Форстеру, У. Коллинзу, мисс Бойль, мисс Кутс, что счастлив общением со своими читателями, их любовью, сознанием, что выполняет важную общественную миссию.

15 ноября Диккенс возвращается в Лондон и приступает к подготовке рождественского номера «Домашнего чтения».

Декабрь. Диккенс решает прекратить издание «Домашнего чтения» и вместо него основать новый журнал, а свои произведения печатать снова у Чепмена и Холла.

25 декабря в «Домашнем чтении» печатается рассказ Диккенса «Как попасть в общество».

1859

Январь. Диккенс готовит к выпуску свой новый журнал, назвав его «Круглый год» и выбрав в качестве эпиграфа слова Отелло из трагедии Шекспира.

30 апреля выходит первый номер нового журнала Диккенса «Круглый год». В этом номере публикуются первые главы «Повести о двух городах» (еженедельно по ноябрь) с иллюстрациями Брауна и Барнарда. В журнале работают Элизабет Гаскелл, Троллоп, У. Коллинз, Дж. Мередит, Ч. Рид, Ч. Левер, Дж. О. Сейла и другие писатели, которые сотрудничали с Диккенсом и в «Домашнем чтении». В «Круглом годе» все крупные произведения печатаются не анонимно, как в «Домашнем чтении», а за подписью авторов.

Успех нового журнала Диккенса затмевает даже успех «Домашнего чтения».

28 мая выходит последний номер «Домашнего чтения», в котором печатается проспект нового журнала Диккенса «Круглый год».

Июль. Диккенс болен, но тем не менее он продолжает готовить к печати очередные выпуски «Повести о двух городах». Карлейль присылает ему письмо с восторженным отзывом об опубликованных главах этого произведения.

Июль. Диккенс приглашает писательницу Джордж Элиот сотрудничать в его журнале.

10 октября Диккенс начинает новую серию своих чтений в городах Англии, Шотландии, Ирландии, всюду встречая восторженную аудиторию.

25 декабря в «Круглом годе» печатается рождественский рассказ «Дом с привидениями», написанный Диккенсом в соавторстве с Коллинзом.

31 декабря в «Круглом годе» печатается сатирическая статья Диккенса «Пустомельский Блеятель».

1860

7 января Диккенс предлагает Коллинзу написать совместно рассказ (по-видимому, рождественский рассказ «Весть с моря»).

28 января в «Круглом годе» публикуется начало новой серии очерков Диккенса «Путешественник не по торговым делам».

8 марта Диккенс выступает с речью на вечере Королевского общества музыкантов.

Лето. Младшая дочь Диккенса Кэтрин выходит замуж за художника Чарльза Олстона Коллинза, брата Уилки Коллинза, и уезжает из Гэдсхилла.

Диккенс приступает к созданию романа «Большие надежды».

11 ноября Диккенс вместе с Уилки Коллинзом совершает поездку в Девоншир и Корнуолл, чтобы собрать материал для нового рождественского рассказа, который он намерен писать в соавторстве с Коллинзом.

13 ноября в «Круглом годе» заканчивается первая серия очерков «Путешественник не по торговым делам».

1 декабря в «Круглом годе» появляется первая часть романа «Большие надежды» (заканчивается в августе 1861 г.).

Декабрь. В «Круглом годе» печатается рождественский рассказ «Весть с моря», написанный Диккенсом в соавторстве с Коллинзом.

1861

В этом году выходит первое дешевое издание «Крошки Доррит» и первое издание семнадцати очерков «Путешественник не по торговым делам».

Работа Диккенса над «Большими надеждами» идет так плодотворно, что он намеревается вновь начать свои публичные чтения.

С 14 марта по 18 апреля Диккенс шесть раз с успехом выступает в Сент-Джеймс Холле с чтением своих произведений.

Июнь. Диккенс заканчивает роман «Большие надежды».

Лето. Диккенс готовит новую большую программу своих чтений, добавив к ней сцены из «Дэвида Копперфилда», эпизод в Йоркширской школе из романа «Николас Никльби» и рассказ об узнике Бастилии из «Повести о двух городах».

3 августа в «Круглом годе» печатается последняя часть романа «Большие надежды».

До конца года выходит четыре издания этого романа в 3-х томах с гравюрами молодого художника Маркуса Стоуна.

28 октября Диккенс начинает в Норвиче свои чтения и затем продолжает их в других городах.

Конец декабря. В «Круглом годе» печатается рассказ Диккенса «Земля Тома Тиддлера».

1862

Январь. Диккенс продолжает свои чтения в Бирмингеме, Челтенхеме, Плимуте, Торки, Эксетере, Ливерпуле.

Март. Диккенс несколько раз читает свои произведения в Лондоне, в Сент-Джеймс Холле. Успех чтений превосходит все его ожидания.

29 марта Диккенс председательствует на банкете, устроенном фондом помощи художникам, и произносит речь.

2 мая Диккенс председательствует и выступает с речью на празднике, ежегодно устраиваемом фондом помощи печатникам.

Лето и осень. Диккенс пишет статьи для своего журнала и редактирует материал для него.

20 сентября Диккенс предлагает Коллинзу совместно написать для рождественского номера журнала рассказ «Чей-то багаж» и сообщает, что сам он уже сочинил его начало и конец.

16 октября Диккенс приезжает в Париж, где он живет до середины декабря, продолжая редактировать там очередные выпуски «Круглого года».

В Париже Диккенс встречается с Тургеневым, который преподносит ему «Записки охотника» (во французском переводе) с надписью: «Чарльзу Диккенсу от одного из его величайших поклонников. Париж, 1862 г.».

Декабрь. Диккенс возвращается в Гэдсхилл.

В «Круглом годе» печатается рождественский рассказ «Чей-то багаж», написанный Диккенсом в соавторстве с другими писателями, в частности с У. Коллинзом.

1863

Январь. Выходит первое дешевое издание романа «Большие надежды».

Середина января. Диккенс приезжает на некоторое время в Париж.

17, 29 и 30 января Диккенс читает «Рождественскую песнь» и сцены из «Дэвида Копперфилда», «Записок Пиквикского клуба», «Домби и Сына» в английском посольстве в Париже в пользу Британского благотворительного фонда. Тургенев, слушавший его, рассказывает в письме к П. В. Анненкову: «Я присутствовал на трех чтениях Диккенса и пришел в совершенно

телячий восторг. Перед этой гениальностью все наши чтецы — Писемский, Островский — превращаются в нечто менее мухи. Какая веселость, сила, грация и глубина. Этого передать невозможно».

Февраль. Диккенс возвращается в Гэдсхилл.

С марта по конец мая Диккенс проводит тринадцать своих чтений в Лондоне.

Сентябрь. Диккенс начинает работу над романом «Наш общий друг».

13 сентября — смерть матери Диккенса.

25 декабря в «Круглом годе» печатается рождественский рассказ «Меблированные комнаты миссис Лиррипер» (в соавторстве с Коллинзом и другими писателями).

31 декабря — смерть в Индии сына писателя Уолтера Севеджа Лэндера Диккенса.

1864

Январь. Выходит первое дешевое издание «Повести о двух городах».

Диккенс заканчивает два первых выпуска романа «Наш общий друг» и приступает к третьему.

Февраль. В «Корнхилл мэгезин» — органе, основанном Теккереем, Диккенс публикует некролог «Памяти У. М. Теккерея».

6 апреля Диккенс председательствует и произносит речь на собрании Пенсионного общества печатников.

23 апреля вместе с Р. Браунингом и У. Коллинзом Диккенс присутствует в Стратфорд-он-Эйвоне на праздновании 300-летия со дня рождения Шекспира.

1 мая начинают выходить ежемесячные выпуски романа «Наш общий друг» (последний выходит в ноябре 1865 г.).

11 мая в театре «Адельфи» Диккенс председательствует и произносит речь на юбилейном собрании, посвященном 300-летию со дня рождения Шекспира.

Июнь. Писатель проводит 10 дней во Франции и Бельгии.

Лето и осень. Диккенс возвращается в Гэдсхилл и целиком отдается работе над «Нашим общим другом». В письме Форстеру признается, что чувствует себя больным.

Декабрь. Здоровье Диккенса ухудшается, но он продолжает работать, не щадя себя.

В «Круглом годе» идет рождественский рассказ «Наследство миссис Лиррипер», созданный Диккенсом в соавторстве с другими писателями.

1865

Выходит первое дешевое издание романа «Тяжелые времена».

Конец апреля Диккенс проводит в Париже. Вернувшись в Гэдсхилл, он пишет Макриди, что работает над «Нашим общим другом».

20 мая Диккенс выступает с речью в Газетном фонде.

Начало июня Диккенс проводит во Франции с Эллен Тернан.

9 июня в Степлхерсте происходит крушение поезда, на котором Диккенс возвращается в Лондон. Только вагон, в котором находился Диккенс с Эллен Тернан, не упал с моста. Проявляя большое самообладание, Диккенс оказывает помощь жертвам крушения. Однако пережитое им нервное потрясение долго дает себя чувствовать.

Конец лета Диккенс проводит в Париже.

Сентябрь. Закончив роман «Наш общий друг», Диккенс занимается подготовкой декабрьского номера «Круглого года». Он создает рождественский рассказ «Рецепты доктора Мериголда».

Ноябрь. Выходит последний ежемесячный выпуск романа «Наш общий друг».

Декабрь. В «Круглом годе» печатаются «Рецепты доктора Мериголда». Рассказ этот имеет такой успех, что Диккенс решает включить его в программу своих чтений.

1866

24 февраля Диккенс читает свои произведения в Челтенхеме, где встречается с Макриди.

Апрель. Диккенс начинает свои выступления в городах Англии, Ирландии, Шотландии.

10 апреля Диккенс выступает в Лондоне, в Сент-Джеймс Холле, заканчивая программу рассказом «Рецепты доктора Мериголда».

Апрель — май. Диккенс продолжает свои чтения в разных городах. Он страдает от новых приступов болезни.

Июнь. Диккенс возвращается в Гэдсхилл усталым и в угнетенном состоянии духа и проводит здесь все лето.

15 октября. В письме к Уильяму Ролстону Диккенс благодарит его за интересную статью о «русском поэте» (по-видимому, об А. Кольцове) и просит писать для «Круглого года» статьи о России.

1867

Выходит первое дешевое издание романа «Наш общий друг».

Январь. Диккенс выступает с чтениями по городам Англии и Ирландии.

Лето. Диккенс живет в Гэдсхилле. Он готовится к предстоящей поездке в Америку, от которой, боясь за его здоровье, писателя отговаривают и Форстер и Уилс.

Писатель подготавливает новый рождественский номер «Круглого года», предлагает У. Коллинзу совместно написать повесть. Он стремится обеспечить бесперебойную работу журнала на время своего отсутствия.

Начало ноября. Диккенс несколько раз выступает с чтениями в Лондоне, в Сент-Джеймс Холле.

9 ноября Диккенс отплывает в Америку на пароходе «Куба».

19 ноября. Прибывает в Бостон.

2 декабря. Выступает в Бостоне с чтением «Рождественской песни» и сцены суда над Пиквиком.

Диккенс встречается с писателями Лонгфелло, Эмерсоном, О.-У. Холмсом и другими.

В течение трех недель декабря Диккенс читает по четыре вечера подряд в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, Вашингтоне и других городах. Успех его выступлений огромен. Но нервное возбуждение и усталость тяжело сказываются на его здоровье.

Декабрь. В «Круглом годе» печатается рождественский рассказ Диккенса «В тупике» (в соавторстве с Коллинзом).

1868

Январь — март. В американском журнале «Атлантик мансли» печатается рассказ Диккенса «Объяснение Джорджа Силвермена».

Январь — май. В американском журнале «Наша молодежь» печатается рассказ Диккенса «Роман, сочиненный на каникулах».

7 февраля Диккенса принимает американский президент.

Диккенс возвращается в Англию, в Гэдсхилл.

6 июня в «Круглом годе» печатается статья Диккенса «Долг чести», написанная под впечатлением от его американской поездки и послужившая предисловием к новому изданию «Мартина Чезлвита».

Конец лета. Заключив договор на новую серию чтений, Диккенс готовит для них новую программу. Он драматизирует сцену убийства Нэнси Сайксом из «Оливера Твиста».

5 октября Диккенс читает в Сент-Джеймс Холле «Рождественскую песнь».

Октябрь. Диккенс отклоняет предложения граждан Бирмингема, а затем и Эдинбурга баллотироваться в палату общин.

14 ноября в Сент-Джеймс Холле Диккенс впервые читает сцену убийства Нэнси небольшой аудитории критиков, художников и писателей.

Ноябрь — декабрь. Диккенс выступает с чтениями (до апреля 1869 г.).

В этом году выходит второе издание «Путешественника не по торговым делам», включившее в себя, помимо написанных в 1860 году, еще одиннадцать новых очерков.

1869

3 января перед лондонской большой аудиторией Диккенс впервые читает сцену убийства Нэнси.

Затем он продолжает выступления в городах Англии, Ирландии, Шотландии. Дублинские газеты называют Диккенса «величайшим чтецом и величайшим писателем нашего века». Рабочие, встречая его на улицах, с благодарностью пожимают ему руку. В Торки Диккенс почувствовал себя плохо, но, несмотря на настояния врача, он продолжает свои выступления.

Однако намеченную программу он не выполняет. У него появляются приступы головокружения, онемение левой стороны тела, и вызванный из Лондона врач перевозит его в Гэдсхилл.

Май. Диккенс пишет завещание.

24 июля в «Круглом годе» печатается рецензия Диккенса на написанную Форстером биографию писателя Уолтера Севеджа Лэндера.

Август. В журнале «Атлантик мансли» печатается статья Диккенса «Игра мистера Фехтера».

27 сентября Диккенс выступает с речью на ежегодной зимней сессии Института Бирмингема и Средних Графств, в которой высказывает свое политическое кредо: «Моя вера в людей, которые правят, в общем, ничтожна; моя вера в народ, которым правят, в общем, беспредельна».

Октябрь. Диккенс начинает писать новый роман — «Тайна Эдвина Друда».

1870

Январь. Диккенс продолжает работать над созданием романа «Тайна Эдвина Друда» и, несмотря на уговоры родных, решает начать новую серию своих чтений.

6 января Диккенс произносит речь в Институте Бирмингема и Средних Графств, повторяя свое политическое кредо, высказанное им здесь 27 сентября 1869 года.

11 января состоялось первое из задуманных Диккенсом «прощальных чтений».

13 марта Диккенс выступает в Лондоне с прощальным чтением своих произведений, после которого он обращается к публике со словами: «С этой ярко освещенной сцены я исчезаю теперь навсегда и, взволнованный, благодарный, полный уважения и любви, прощаюсь с вами».

23 марта происходит последняя встреча Диккенса с Карлейлем.

1 апреля начинается публикация ежемесячных выпусков романа «Тайна Эдвина Друда». Эскиз обложки романа сделан художником Чарльзом Коллинзом, а иллюстрации — художником Люком Филдсом.

5 апреля Диккенс выступает с речью на традиционном обеде печатников.

30 апреля. На обеде в Королевской академии Диккенс выступает с речью, посвященной литературе. Это последнее публичное выступление Диккенса.

7 мая Диккенс читает друзьям написанные им главы романа «Тайна Эдвина Друда».

Май. Королева намеревается возвести Диккенса в дворянское достоинство, но в письме к Г. У. Расдену Диккенс говорит, что он не собирается становиться ничем, кроме того, что он есть.

22 мая в Лондоне происходит последняя встреча Диккенса с Форстером.

30 мая. Диккенс возвращается из Лондона в Гэдсхилл, где продолжает свою работу над «Тайной Эдвина Друда».

8 июня. С утра до середины дня Диккенс работает над романом «Тайна Эдвина Друда» в швейцарском домике, подаренном ему его другом актером Фехтером.

Вечером Диккенс, встав из-за обеденного стола, потерял сознание. «На землю» — были последние слова писателя. Единственной из близких ему людей, присутствовавших в этот день в Гэдсхилле, была Джорджина Хогарт. Вызванные ею, в Гэдсхилл приезжают дочери писателя, его сын Чарльз, миссис Диккенс, Джон Форстер, Эллен Тернан.

9 июня Диккенс, не приходя в сознание, скончался от кровоизлияния в мозг.

14 июня состоялись похороны великого народного писателя Диккенса в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства. Они превращаются в день национального траура.

Сентябрь. Публикуется последняя написанная Диккенсом двадцать третья глава романа «Тайна Эдвина Друда».

Выходит сборник речей Чарльза Диккенса.

Е. КОРНИЛОВА

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА, ВКЛЮЧЕННЫХ В 1—30 ТТ. СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Том 1

Том 2

Том 3

Том 4

Том 5

Том 6

Том 7

Том 8

Том 9

Том 10

Том 11

Том 12

Том 13

Том 14

Том 15

Том 16

Том 17

Том 26

Том 27

Том 28

Том 29

Том 30

Подбор иллюстраций к тт. 1—30 Собрания сочинений Чарльза Диккенса осуществил *Л. С. Плотников*.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА 1855—1870

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Собр. соч., т. 30

Редактор А. Мурик
Художник Н. Семпер
Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор Г. Кауцина

Корректор М. Муромцева

Сдано в набор 24/IV 1963 г. Подписано к печати 26/VII 1963 г. Бумага 84 × 108 1/32. 11,5 печ. л. = 18.86 усл. печ. л. 17,47 уч. изд. л. Тираж 397 000 (250 001—397 000) экз. Заказ № 1809. Цена 1 р. 10 к.

Издательство
Художественной литературы
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий»
Политиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.